

Геннадий Мурзин *Сказания новой Руси*

Рассказы, сказки, памфлеты, эссе

Геннадий Мурзин

**Сказания новой Руси. Рассказы,
сказки, памфлеты, эссе**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Сказания новой Руси. Рассказы, сказки, памфлеты, эссе / Г. Мурзин — «Издательские решения»,

В книгу «Сказания новой Руси» автор включил более 70 самостоятельных литературно-художественных и публицистических произведений, написанных им за последние двадцать лет. Здесь и рассказы, и современные сказки для взрослых, и острые памфлеты, и актуальные очерки, и эссе на злобу дня, и принципиальные статьи, вскрывающие язвы повседневной жизни.

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	9
Вымогатель	9
Торжество справедливости	13
Бесшабашный карьерист	17
Из грязи да в князи	20
Ванькино хобби	22
Ахиллесова пята Моисея	25
Судьбы миллионеров	27
Предисловие	27
В Соединенных Штатах Америки	27
В Российской Федерации	30
В Соединенных Штатах Америки	31
В Российской Федерации	32
В Соединенных Штатах Америки	33
В Российской Федерации	34
В Соединенных Штатах Америки	36
Послесловие	36
Дунькина радость	38
Это – не аргумент	40
Рынок, батенька, рынок	41
Явление романиста	43
Рекорд старого пердуна	45
Потасовка	47
Душител	49
Безгрешный чиновник	50
Дамские суждения	52
1. Кто я такая?	52
2. Женщина должна кому-то нравиться	52
3. Вертихвостка	54
4. Этот губительный феминизм	55
Дядюшка	57
1. Итоги любовных исканий	57
2. Лёлка	58
3. Ему респект и уважуха	59
4. Конкурент	60
Правда подкосила	62
Утешил	64
Чувак-эсэмэсник	65
Свидание с прошлым	66
Крутая динамистка	70
Сказки	77
Чудеса в решете	77
Пролог	77
Часть первая	80
Часть вторая	83
Часть третья	85

Часть четвертая	88
Часть пятая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сказания новой Руси

Рассказы, сказки, памфлеты, эссе

Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2016

ISBN 978-5-4483-0683-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Геннадий Мурзин, автор книги, искренне хотел бы наладить взаимное общение с читателями. Пишите свои мнения о прочитанном либо на странице издательства, либо на электронную почту gim41@mail.ru.

Всегда лучше высказывать прямо, что думаешь, и не заботиться о множестве доказательств: сколько мы их ни приведем, они будут лишь выражениями наших мнений, а противники не слушают ни мнений, ни доказательств (*Гёте*).

* * *

Чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет и потихоньку обращаться обратно. След, оставляемый этим обратным путём, и будет настоящим юмором (*Фазиль Искандер*).

* * *

Если ум – благороднейший и полезнейший дар человека, то юмор – наименее приятнейший (*Джонатан Свифт*).

* * *

Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии (*Л. Н. Толстой*).

* * *

Слава не может дать наслаждения тому, кто украл, а не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном его (*Н. В. Гоголь*).

* * *

Ничто так не передает чистоты человеческих помыслов, как улыбка (*К. Паустовский*).

Рассказы

Вымогатель

Евгений Окунев¹, после детального осмотра скамейки на предмет ее надлежащей чистоты, тяжело опустился.

– О-хо-хо, ноженьки мои... Совсем отказываются повиноваться... Беда, совсем никуда негодные.

Сказал безадресно. Наклонился, поднял из-под ног только что опустившийся оранжевый лист ольхи, повертел в руке, понюхал и положил рядом на скамейку. Достал из правого кармана старенькой, но чистенькой и отутюженной, без единой складочки курточки газету, развернул, разгладил сгибы и стал читать.

Минуты через две на той же скамейке примостился мужичок, примерно того же возраста, что и Окунев. Он был в вельветовой фуражке, из-под которой выбивались редкие пряди седых волос, в демисезонном драповом пальто старого покроя и резиновых сапогах, в руках он вертел суковатую палку, пользуясь ею при ходьбе как тростью.

Окунев метнул взгляд на мужичка и вновь уткнулся в газету. Окунев не жаждал общения. Он присел, чтобы передохнуть. Для «общения» ему хватает жены, которая трещит под ухом с утра и до вечера. Окунев блаженствует лишь тогда, когда по первому каналу идет бразильский телесериал «Хозяйка судьбы». Жена, увлеченная просмотром страстей вокруг донны Марии Дукарму, на час замолкает.

Мужичок, вперив взгляд в небо (он, наоборот, страдал от дефицита общения и искал повод, чтобы заговорить), покачал головой.

– И что за погода? Никак не приноровишься. Солнце укрылось за тучей – холодно, показалось – потно становится.

– Что хотите? Сентябрь, – откликнулся (скорее, из простой вежливости) Окунев, не отрываясь от газетной страницы. – Обычная картина для наших мест.

– Да-да, – мужичок закивал, – ваша правда, – он прицениваясь посмотрел на Окунева и решил представиться. – Сергей Разумов, с вашего позволения.

– Евгений Окунев, если угодно, – в тон ему последовал ответ.

– Очень приятно... Вот и познакомились... Я не мешаю вам, нет? – услужливо наклонившись в сторону Окунева, спросил Сергей Разумов.

– Не стоит беспокоиться, – ответил Окунев слегка усмехнувшись, но по-прежнему не отрываясь от газеты.

– Что-то интересное, да, если так увлечены?

– Я бы не сказал... Белиберда всякая...

– Однако ж читаете... Я уж пятый год не заглядываю... Разве что «Телемир», когда надо узнать, что сегодня идет по телевидению.

– По старой привычке, – ответил Окунев и отложил в сторону газету. Он понял, что мужичок его в покое не оставит, поэтому решил объяснить. – Надо знать, что в мире творится.

Разумов закивал.

– Да-да, понимаю... И вы верите по-прежнему тому, что пишут?

¹ В книге все реальные фамилии героев изменены (здесь и далее – *примечания автора*).

– Не шибко, честно признаться.

– И правильно... И очень хорошо... Врут ведь напропалую... Беззастенчиво врут... Журналисты потеряли всякую совесть... А всё – рынок... Черти окаянные... То ли дело раньше...

Окунев скривился, будто только что проглотил пол-лимона: он не понимал и не принимал ссылки на *«светлое прошлое»*. Что-то, а тогдашнюю журналистскую кухню знал. Потому что поварился в ней не один десяток лет.

– Раньше, говорите? – уцепился Окунев. – Считаете, что тогда журналисты были честнее, совестливее?

Разумов, ничуть не колеблясь, ответил:

– Безусловно. А вы сомневаетесь? Я до сих пор помню поименно тех *«властителей наших душ»*

Окунев хмыкнул. Взяв в руку ольховый лист, стал вертеть перед собой.

– Исключение, как говорят философы, – вовсе не есть правило.

– Не хотите ли уверить меня в том, что совесть не то качество, которое было свойственно советским журналистам?

– Не всем.

– Какой мрачный взгляд, – Разумов покачал головой.

– Совестливых – единицы и вы их, действительно, знали поименно. Ну, кто? Анатолий Аграновский, Юрий Щекочихин, Ольга Чайковская, Александр Мурзин, Евгений Спехов, Бэлла Руденко... Пожалуй, и весь список.

– Зато какой?! – воскликнул Разумов. – Какие личности?!

– А хотите, Сергей, кое-что узнать про других?

– Располагаете фактами?

– Да еще сколькими!

– Слушаю, охотно слушаю.

– Ровно сорок лет назад (тогда я жил и работал в небольшом городке на севере области), – начал рассказ Окунев, – в горьком комсомола работал, отделом заведовал.

– Выходит, функционер?

– Что-то вроде того, – подтвердил Евгений. – По области проходило массовое молодежное мероприятие (детали упускаю для краткости) и с проверкой его хода к нам почти что инкогнито прибыла комиссия из обкома ВЛКСМ. Это было воскресенье. Утром прибыла комиссия, а вечером убыла. В понедельник утром к нам, в горьком комсомола, пришла женщина вся в слезах. Она рассказала, что накануне у них (женщина работала официанткой в единственном городском ресторане) была комиссия из области; комиссия проверила санитарное состояние пищеблока, качество приготовления блюд, полноту вложений; сделав дело, комиссия уединилась в кабинете директора, откуда вскоре последовал приказ – накрыть стол (женщина показала список блюд, выставленных перед проверяющими, и он выглядел впечатляюще); изрядно откушав и выпив коньячка, комиссия удалилась; уже перед самым уходом комиссия, проходя мимо буфета, взяла со стойки вазу с шоколадными конфетами и высыпала в дамскую сумочку, так сказать, на дорожку. А плачет женщина из-за того, что все убытки, связанные с посещением комиссии, директор отнес на ее счет и теперь требует деньги внести в кассу. А откуда она возьмет такую сумму? Немного-немало, а ее месячная зарплата.

Разумов pokrutil головой.

– Пока не понимаю, причем тут журналисты?

– А притом, что в составе халявщиков был и Алексей Писаренко, известный в области журналист, которого все считали очень порядочным и честным. Этот Писаренко, между

прочим, потом долгое время будет работать в областной партийной газете, будет продолжать сеять в души читателей в качестве заведующего отделом доброе, умное, вечное.

– Не красит... – задумчиво заметил Разумов и добавил. – Но вы сами недавно сказали, что за исключением нельзя видеть закономерность.

– Так, нужны еще примеры? – Разумов в ответ кивнул. – Извольте, Сергей... После того случая прошло семь лет. С комсомолом «завязал» к тому времени. Истекал комсомольский возраст. Наверное, помните? – Разумов вновь кивнул. – И я решил пойти по журналистской стезе. Это занятие меня тянуло, привлекало. Да и, наверное, кое-какие способности имелись к этому. Вакансия отыскалась лишь в маленьком городке на самом севере области, в районной газете. С семьей уехал туда. Дело для меня оказалось не только новым и непривычным, а и весьма-таки трудным. В редакции встретили новичка настороженно, особенно ответственный секретарь, – Окунев посмотрел в сторону Сергея и поинтересовался. – Знаете, кто такой в редакции ответственный секретарь?

– Ну... я не знаю точно... никогда в редакциях не работал... Полагаю, однако ж, – это человек, занимающийся делопроизводством.

– Нет, Сергей, не то... На заводе когда-нибудь работали?

– Работал... Инженером-конструктором всю жизнь...

– Ну, так вот: ответственный секретарь в редакции – это одно и то же, что главный инженер на заводе.

– Второе лицо?

– Именно... По сути.

Разумов сочувственно посмотрел в глаза Озерова.

– Теперь понимаю, как нелегко пришлось вам, новичку.

– Нелегко – не то слово. Виктор Соколов, ответсек, был беспощаден при выискивании «блех»...

– «Блех»?! – удивившись и ничего не поняв, переспросил Разумов.

– Ну, в редакциях так называют незначительные ошибки, обнаруженные в рукописи или на полосе.

– Смешно называют.

– Да... Это еще ничего, но меня бесило, что вмешивается Соколов не по делу (журналист он был так себе, но с апломбом). Допустим, у меня написано в заметке: «Токарь Иванов с умом выполняет любую операцию». Соколов вычеркивает «с умом» и заменяет на другое слово, на свое любимое – «старательно»... Ладно, тут не о том главная речь... Мы сидели в одном кабинете и через пару месяцев весь его «*график трудовой деятельности*» был, как на ладони. Закладывал он хорошенько, поэтому утром, появившись на рабочем месте на час, убегал в районную столовую, где к тому времени начинал работать буфет, где можно было опохмелиться, принять свои сто пятьдесят. Далее появлялся уже, ясное дело, навеселе, с изрядно помутневшим взглядом на события и явления редакционной жизни. Не знаю, почему, но редактор на эти художества ответсека смотрел сквозь пальцы. Не то беда, что пил Соколов часто и много, а то беда, что где деньги взять на водку и пиво. У него – семья, а оклад – не ахти (тогда зарплата журналистов была незавидная).

– Раз пил, то, выходит, водились деньжата?

– Занимал у всех, кто мог ему поверить и дать трешку-пятерку. Говорил, что до полочки, но отдавал либо через пару месяцев, либо о долге и вовсе забывал. И наступила пора, когда вышел он из доверия полностью и окончательно: никто кредитовать не стал. Я видел, с каким остервенением бегал Соколов по редакции, умоляя одолжить хоть рубль. Тщетно. Несколько дней ходил, как стеклышко, но чертовски злой. На мне, поскольку всегда на глазах, срывал зло в первую очередь. Сначала я обижался, а потом не стал, придя к заключению, что собака лает, ветер носит, а караван все равно идет вперед. Да... На другой неделе

я вдруг обнаружил, что Соколов вновь ходит с утра пьяненький и веселый, хотя точно знал, что зарплаты не было, что никто ему не одалживал. Странно выглядело, но вникать не стал: своих проблем выше крыши.

Разумов спросил с усмешкой:

– Нового кредитора нашел?

– Слушайте дальше... Прошло какое-то время. Редакционные дела привели меня на завод по производству коньков. Оказался в кабинете директора. Мне сразу показалось, что директор как-то странно на меня смотрит, с неким подозрением. Стал выяснять. Не сразу, но директор выложил. И закончил монолог словами: «Ходите тут... Вынюхиваете, ханыги. А после...» Оказалось вот что. Соколов каким-то образом узнал о неких некрасивых делишках директора завода, которые имели место, сел и написал фельетон (директор мне показал копию фельетона, хранившуюся в его сейфе) «Грязные делишки директора», сам отпечатал на машинке и на редакционном бланке, пошел к своему герою и сказал: «Если не хотите, чтобы фельетон был напечатан, стакан спирта – на стол!» Спирт у директора водился и использовался для технических нужд. Ничего не поделаешь: директор, припертый к стенке, выставил стакан спирта. Соколов тут же выпил и ушел. Директор обрадовался, что так дешево и быстро отделался. Не тут-то было. На другой день Соколов с утра уже был в кабинете директора и с тем же требованием. И это, оказалось, продолжается давно. Соколов надоел директору до чертиков со своими ежедневными визитами по утрам, но ссориться не решался.

– Фельетон действительно хотели опубликовать? – спросил Разумов.

– Нет, конечно. Да и не фельетон это был, а захудалая расширенная заметка. Но откуда было знать обо всем этом директору? Поверил. И как было не поверить, если перед ним был не корреспондент, даже не заведующий отделом, а сам ответсек, второй человек, от которого многое зависит.

– И чем же закончилась история?

– Ничем.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что я не придал огласке сведения, ставшие мне известными по чистой случайности. Я вернулся в редакцию. Когда никого поблизости не было, завел разговор с Соколовым, а тот заартачился: брехня, мол, все. Тогда выложил ему на стол копию, которую хранил директор. Соколов на глазах стал трезветь. Короче говоря, договорились: он больше к директору – ни ногой, а я, в свою очередь, – буду молчать... Этим все и закончилось, Сергей.

– Вы поступили неправильно: мерзавца надо было вывести на чистую воду.

– Возможно, – сказал Окунев и встал. – Ну, мне пора. Отдохнул, отдышался и будет... – Окунев посмотрел на мужичка. – Ну, что теперь скажете о моральном облике советского журналиста?

Разумов тоже встал.

– Все – хороши, – он сделал паузу и добавил, – вы, в том числе... Вы не вправе были скрывать... В результате зло не было наказано. Боялись сор из избы вынести, да?

Окунев грустно усмехнулся.

– Нет, зло, по большому счету, было наказано. Если не нами, то Всевышним.

– Вы о чем?

– О том, что Соколов плохо кончил: напившись до потери пульса, пошел на пруд, решив искупаться, и утонул. А ведь ему не было и сорока. Так-то вот, Сергей... Прощайте... Так сказать, мило пообщались. Мой совет: не кивайте на «светлое прошлое», потому как в нем грязи было ни чуть не меньше нынешнего. Да и, подумайте сами, откуда взялась нынешняя грязь? Оттуда, из прошлого.

Торжество справедливости

Сережка Савиных и Дениска Оноприенко выросли на глазах друг у друга. Сдружились, бегая в одном дворе и играя в одной песочнице, когда обоим было по три года. Один детский сад, что неподалеку от дома; одна на двоих воспитательница, так как и в группу ходили одну и ту же. И школа, куда определили родители, была общая, даже за классной партой сидели вместе. И оба влюбились в пятом классе в Ленку Николаеву, как им тогда казалось, в самую-пресамую классную чувиху: ходили вокруг, вздыхали да охали, с грустью отмечая, что та, Ленка, значит, не отдает предпочтения ни одному из них, а благосклонно принимает ухаживания Юрки-хулигана. Наверное, потому, что тот сильно крутой и за ним Ленка – как за каменной стеной. Оба были рады, что Ленка не стала между ними яблоком раздора. Наоборот, зависть к Юрке еще больше парнишек сблизила.

Все-таки было между ними отличие: водораздел проходил по уровню интеллектуальных способностей: Сережка все схватывал на лету, а Дениска соображал туго. Скорее всего, из-за лени, которая, как говаривала его матушка, вперед Дениски на свет родилась. Спасибо Сережке: тот всячески помогал другу. На выпускном экзамене по математике Сережка передал «шпору» и Дениска получил четверку.

А потом? Сережка отнес документы в техническое училище. Не в ремеслуху, понятное дело, а в то, что имени Баумана. Дениска – вслед за ним. По наущению родителей: престижно, мол, карьера обеспечена, дорога в науку широкая открывается.

На вступительных экзаменах Дениска рассчитывал на Сережку. И не зря. На сочинении Сережка за отведенное время не только сам успел уложиться, но и Дениске, выбрав другую тему, сочинил, а потом передал. Дениске осталось только начисто переписать. Переписывая, сделал-таки две ошибки, из-за чего получил четверку.

С математикой (устно) сложнее, но, сам сильно рискуя, Сережка предложил единственно возможный выход: пойти и за Дениску самому сдать. Чтобы преподавателям не бросилось сильно в глаза, решили, что за Дениску друг зайдет в аудиторию первым, а за самого себя – в числе последних. Расчет строился на том, что преподаватели устанут и бдительность притупится. Все получилось. Зачислили обоих. Благодаря стараниям друга и у Дениски оказался проходной балл.

Дальше же... Их пути-дорожки стали расходиться. И довольно-таки стремительно. Сережка с головой ушел в учебу, а Дениска пропускал лекции, кое-как сдавал (со второго или даже с третьего захода) экзамены и курсовые зачеты.

Это был 1990-й год. Горбачевская вольница кругом: делай, что вздумается, и не ленись. Студент Оноприенко зря время не терял. Он фарцевал: скупая у заезжих иностранцев заморское шмотье (пятак у «Метрополя» – обычное место его тусовки), перепродавал нашим втридорога. Навар имел хороший. До уха Сережки доходили слухи, будто его друг Дениска сумел прибрать к рукам кое-кого из преподавателей, позарившихся на модные заграничные тряпки. Сережка не слишком верил, но факт был налицо: теперь Дениска сдавал все экзамены без дружеского участия Сережки.

Дениска поначалу попытался приобщить и Сережку, взять в долю, но тот наотрез отказался, сославшись на полное отсутствие свободного времени. Дениска махнул рукой и отстал от друга. Теперь они стали видаться еще реже.

Дениска с грехом пополам защитил диплом и как в воду канул. Будто бы, ушел на вольные хлеба, вычеркнув из памяти обретенную только что профессию инженера-электронщика. Сидеть и корпеть в полутемной каморке научного института над какими-то там схемами? За гроши?? Полноте! Это не по нему. Ему нужна свобода, размах, простор.

Сережка, получив на руки красный диплом, распределился в институт космических исследований, где с головой ушел в науку. Ушел в науку настолько, что не заметил, как стал нищим, то есть живущим на грошовые подачки нового государства. Через три года защитил кандидатскую. Назначили «завлабом». Зарплата увеличилась на несколько грошей, но и ту выплачивали с большими задержками. Люди, сидевшие на денежном мешке, вовсю прокручивали деревянные и имели серьезный навар, становясь состоятельными.

Сережке повезло: фонд Сороса объявил конкурс научных разработок. Услышав, представил свое детище, над которым работал два последних года. Сережка выиграл конкурс и получил грант в бешеную сумму по его меркам – в тридцать тысяч долларов.

Сережка потратил с умом, то есть на науку, и сумел написать, а затем успешно (ни одного голоса против) защитить в «Бауманке», – докторскую.

Гранд мистера Сороса незаметно растаял. Но Сережка не впал в отчаяние. Что деньги, когда у тебя любимая работа?

Прошло несколько лет. Про Дениску – ни слуху, ни духу. На глаза Сережке не попадается. И не мудрено, если тот, Сережка, значит, с утра до ночи в лаборатории. Друзья разошлись окончательно.

Как-то Сережка вернулся с работы поздно. Мать, а он продолжал по-прежнему жить в двухкомнатной «хрущобе» на окраине Москвы вместе с родителями, встретив у порога любимого сыночка, невероятно утомленного, покачала головой.

– Было бы из-за чего, – проворчала мать, поджав губы, – а то...

Сережка, по привычке чмокнув мать в щеку, шутливо спросил:

– Это еще что такое? Кто тут недоволен? Чем недоволен? Кем недоволен? Неужто родимым сыном?

Мать махнула рукой и ушла на кухню, чтобы разогреть борщ, и лишь оттуда послышалось ворчание:

– Не сыном, а его заработками... Вон... другие... лопатой гребут... успевают.

Сын, садясь за стол, смеется.

– Это про кого, мам?

– Есть про кого, – уклоняется мать от конкретного ответа.

– Например?

– Хотя бы Дениска.

– А что Дениска? Преуспевает?

– Да уж, – отвечает мать и поджигает губы. – Сегодня во дворе столкнулась с его матерью. Думала, что не остановится. Нет, остановилась. Скорее всего, чтобы похвастаться передо мной. Сказала, что ее Дениска – успешный предприниматель. Недавно, сказала она, купил хоромы в доме, на Кутузовском, там, где нынешняя элита обживаетея.

– Рад за Дениску, – сказал Сережка, дохлебивая остатки борща. – Родичи-то, что, вместе с ним перебираются?

Мать отрицательно замотала головой, и Сережке показалось, что в ее глазах промелькнуло что-то, напоминающее торжество.

– Нет.

– Почему? Что в «хоромах» места родичам не нашлось?

– Выходит.

Через месяц после разговора, перескакивая с канала на канал в поисках чего-нибудь интересного, Сережка к несказанному удивлению увидел на экране Дениску. Не сразу узнал: такой весь респектабельный. Одет с иголочки. Наверное, от Кардэна. Но не это удивило Сережку больше всего, а то, что Дениска запросто здоровается с самим Президентом. Встреча у Президента с предпринимателями, что-то там обсуждают.

Сережка хмыкнул и переключился на другой канал.

Прошло полгода. Сережка, вынырнув из метро «Красные ворота», устремился к остановке маршрутного такси: опаздывает в институт. И сзади – рывкнула автомобильная сирена. Оглянулся. Видит «AUDI», открытую заднюю дверцу и ухмылку развалившегося Оноприенко. Остановился.

– Дениска, ты?!

– А кто же еще-то, Серега? – он сделал приглашающий жест рукой. – Давай в машину. – Сидевший бритоголовый мордоворот на переднем сидении, рядом с водителем что-то сказал, но Сережка не разобрал.

– Опаздываю, знаешь ли, – Сережка в растерянности развел руками. – В институт.

– Вот и кстати: подброшу. Заодно, поболтаем чуть-чуть.

Сережка величаться не стал и юркнул в роскошный салон. Машина помчалась. Дениска предложил вечером встретиться и поболтать: у них, мол, есть что вспомнить. А через несколько минут машина уже стояла у подъезда института.

Сережка вышел и махнул рукой.

– Пока.

Дениска высунулся из салона.

– Как?.. Договорились? – Сережка кивнул. – Машина будет ждать здесь же.

Сережка еще раз кивнул и скрылся за массивными дверями института.

Вечером Сережку отвезли в ресторан «Украина», два мордоворота встретили и проводили в отдельный кабинет, где ждал Дениска. Выпили чего-то заморского (Сережка не запомнил), закусили, поговорили. Вспомнили детство. Весь вечер Дениска хвастался своим процветающим бизнесом, а Сережка молча слушал и кивал из вежливости. Только раз и спросил?

– Не боишься?

Дениска захохотал.

– Кого мне бояться?

– Ну... мало ли... Есть ведь и покруче тебя.

– Знаешь, какая охрана? Мои «псы» кого угодно на куски разорвут.

– А полиция?

Дениска снова захохотал.

– «Ментура» пятки мне готова лизать. Хорошо прикормленная «ментура», как и всякая дворняга, служит мне днем и ночью. Да и побаивается: знает, что с Президентом – вась-вась. Слышал сам, поди?

Сережка уклончиво ответил:

– Кое-что даже видел... на телеэкране, – отпив из рюмки заморского напитка, добавил. – Слышал, что на Кутузовском хоремами обзавелся.

Вновь последовал громкий хохот. Дениску явно забавляла наивность прежнего дружка.

– Устаревшая информация, – сказал он, ковыряясь в тарелке с устрицами. – В Подмоскowie (в сторону Завидово) десять га земли купил, теремок в три этажа построил, парк посадил, забором кирпичным обнес. Мой дом – моя крепость!

Больше они не встречались. Сережка теперь питается лишь газетной информацией. С год назад промелькнуло сообщение, что на Оноприенко, рядом с его офисом, совершено нападение. Отделался царапинами, а вот один из охранников был смертельно ранен.

Два месяца спустя, вновь газетная сенсация: в головной офис Оноприенко нагрянули люди в масках, всю челядь – харями в пол. Что-то искали. Видимо, нашли. Потому что самого Оноприенко задержали и увезли в «Матросскую тишину»². Судя по информации, инкриминируют преступления – не только экономические (сокрытие доходов от налогообложения),

² Известный в Москве следственный изолятор.

а и уголовные (пишут, что заказал кого-то из конкурентов). Прокуроры грозятся большим сроком – от десяти и до двадцати лет. Собственность опечатали, на все счета, в том числе и в зарубежных банках, наложен арест.

Сережка не злорадствует, но и не горюет. Всяк идет своей дорогой. Его, доктора наук и профессора Савиных, дорога хоть и в колдобинах, мало обустроенная, но прямая и безопасная. А что еще-то надо честному человеку?

Может, это и есть торжество справедливости?

Бесшабашный карьерист

Тихон Сокольников – номенклатура. Не та, что в прежние времена, а все же... Его судьба всецело в руках чиновного люда, а этот «люди», если что не по нему, может «задвинуть» туда, где Макар телят не пас. Однако ж, если угодишь и хорошо подфартись, то и двинет вверх, либо устроит на «хлебное» местечко, а это куда предпочтительнее. Пока что Тихону везет. Везет в том смысле, что обходится без проколов, поэтому его, зарекомендовавшего себя на одном месте, передвигают на другое. При этом называют новатором, говорят, что Сокольников везде бывает на своем месте, чувствует себя, как щука в речке, где пескарей видимо-невидимо.

Сейчас Тихон – директор муниципальной гостиницы. А два года назад управлял ЖЭУ, еще раньше – сапожной мастерской, работавшей исключительно на богадельни, то есть на дома престарелых, где и поднаторел по части оказания сервисных услуг населению.

...Утро. Тихон сидит в своем кабинете и скучающе глядит в окно, где по главному проспекту веселый и суетливый народ шастает: туда-сюда, туда-сюда. Народ свободен, потому и неугомонен. А он? Как каторжный. Не уйдешь никуда. Его подопечные нуждаются в неусыпном надзоре.

Тихон фыркает и зло сплевывает себе под ноги.

– Сволочи!

Крепенько так он часто выражается. По адресу? Не трудно догадаться. При Горбачеве, в самый закат перестройки (тогда он управлял банно-прачечным комбинатом) не раз вызывали в райком партии, укоряли: нельзя, мол, по адресу банщиц соленые словечки отпускать, они, мол, как бы тоже люди. Тихон, конечно, кивал, соглашаясь со всем, но, вернувшись в собственную «епархию», напроць об укорах забывал. В райкоме его любили: за соглашательство...

Задремезжал на столе телефон. Потянувшись, Тихон лениво поднял трубку, приложил к уху и, нехотя, буркнул:

– У телефона! – узнав, кто звонит, преобразился. Сокольников даже угодливо оторвал от кресла свою разжиревшую задницу. – Очень-очень приятно... Ну, как же!.. Ну, что вы!.. Да ваш голосочек и сквозь сон расслышу... Да... Какие могут быть шутки!.. Он?.. Как его самочувствие?.. А жена?.. А дети?.. Всем кланяюсь... Как это?.. Даже так?.. По вопросу?.. По-нят-но, – тревожно произнес по слогам Тихон. – На месте, так на месте... Привыкший... Может, все-таки, Дашенька, скажете?.. Хорошо-хорошо... Буду... Минута в минуту...

И вот Сокольников в приемной. Двадцать минут сидит. Сидит, ёрзает тревожно на стуле, бросает взгляды на ту самую Дашеньку, что звонила час назад. Дашенька будто забыла про его существование: либо роется в кипах бумаг, либо звонит кому-то. Тихону бы спросить, когда дойдет очередь и до него, а не решается. Сам себя мысленно останавливает: «Не лезь по перед батьки в пекло». Вот и сидит, не лезет. Знает: кошка скребет на свой хребет. В томлении минуло еще двадцать минут, и лишь после этого перед ним раскрылись двери начальственного кабинета. Согнув спину, Тихон вошел. А иначе нельзя: гордая осанка здесь не поощряется.

– Доброго здоровьица, Михаил Аркадьевич, – по-старинному поприветствовал Тихон хозяина.

Ответного приветствия не последовало. Для Сокольникова не в диковинку: для того и начальство, чтобы перед ним гордость свою демонстрировать.

Стоит: ждет приглашения присесть.

– Какого черта стоишь тут столбом? – спросил хозяин.

– Жду... Не смею, Михаил Аркадьевич...

– Еще чего?.. Давай без этих... без церемоний, – рука власти простерлась в сторону одного из стульев.

– Ага... Понял...

Тихон просеменил; осмотревшись, присел на краешек стула. И стал по-пёсьи смотреть на хозяина, ожидая последующего. И дождался.

– Народ требует, – произнес мэр города и замолчал. Тихон хотел спросить, чего такого опять требует народ, но не стал. Начальство любит терпеливых. Начальство само знает, когда сказать и что сказать. – Посоветовались и решили пойти навстречу народу... В порядке эксперимента... открыть первый в городе публичный дом, – Тихон сначала опешил, а потом угодливо закивал: понимаю, мол, и принимаю новые веяния. А градоначальник продолжил развивать идею. – Есть у нас подходящее помещение... И место бойкое. Почти в центре. Посоветовались и решили, Сокольников, поручить тебе возглавить это новое дело. Думаем, что справишься. Ну, так как? Принимаешь предложение?

Тихон заикался.

– Так это... Михаил Аркадьевич, благодарствую, почту за честь, однако... Приложу усилия, использую весь свой опыт руководящей деятельности, но...

– Что такое, Сокольников? Уж не собираешься ли отказаться?

– Не совсем... То есть... Возникнут проблемы...

Мэр, подмигнув Тихону, ухмыльнулся.

– Проблема одна: вольничать начнешь с рабочими лошадками. Ничего. Мы станем смотреть и если что, остановим, охальник этакий.

– Тут другое, Михаил Аркадьевич...

– Оклад? Хороший положим... Плюс процент с чистой прибыли.

– Все не заработаешь, – скромно опустил глаза, сказал Тихон. – Боюсь, что предприятие будет терпеть убытки.

– А ты на что? А экономическая служба?

– Опыт подсказывает, что не все в моей воле будет.

– Это еще почему?

– Самые престижные рабочие места будут простаивать.

– Почему? Наоборот, мы думаем, что спрос будет большой.

– Так-то оно так, однако ж...

Мэр грозно сдвинул брови к переносице.

– Не юли! Говори, в чем дело?

– Так ведь как будет?.. Яснее ясного! У губернатора – бронь, у – мэрии, само собой, бронь, у профсоюзов, ФСБ, милиции, налоговой службы и представительства Президента – тоже самое. Народ все сильно занятой, ему не до моего публичного дома будет. Простой, короче, сплошные убытки.

Несмотря на возражение, Тихон Сокольников принял-таки лестное предложение и вот уже полгода успешно руководит новым муниципальным унитарным заведением. Так ли уж успешно? Мэр считает, что да. А Тихон – нет. Такой уж у него неугомонный характер. Ему хочется большего, сверх прибылей. И затеял Тихон реконструкцию: побелил-покрасил заново номера, сменил шторы на окнах, постельное белье – тоже, покрывала заказал заграничные, с балующимися голенькими амурчиками; по-новому переставил мебель. И ради чего? А ради того, чтобы производительность труда выросла, окупаемость койко-места поднялась. Новизна Тихону по нраву. Но не Аксинье, уборщице. Аксинья ходит с пылесосом и гундит себе под нос:

– Тоже мне... – она презрительно и по слогам цедит. – Ре-кон-струк-ция... Не знамо чем народ занимается. А того не понимает, что все впустую. Бабка моя, вспоминая про старый, царский режим, говорила, что порядку было больше... Почему?.. Козе понятно: тогда,

если хозяин хотел добиться большей пользы, не кровати или тумбочки переставлял с места на место, а проститутток менял на новых.

Тихон Сокольников слышит ворчание Аксины, но пропускает мимо ушей. Ну что, полагает он, понимает в новых веяниях поломойка. Ну, куда с ее-то куриными мозгами?!

Из грязи да в князи

Глядит Тимоня из бойниц личного замка на просторы, что в окрест, и сильно грустит. Нет у него, говоря по чести, повода для чувства оного. Еще двадцать годков не минуло с той поры, когда Тимоня либо (в короткие промежутки) бомжевал, либо (длительно) сидел на нарах, как король на именинах. И то общество называло его не иначе, как отребьем, омерзительно пахучей отрыжкой царизма.

А вот ныне... О, го-го! Не человек, а человечище, хозяин жизни, некоронованный король России, деньгу гребет лопатой, жен меняет, будто сезонные перчатки, не минуло и месяца, как удовлетворил очередную прихоть: обзавелся шикарным кабриолетом, можно сказать, эксклюзивом. Для вождения игрушки нанял совсем не игрушечного водителя. Для него сделал заказ на пошив спецодежды. Чтобы с золотыми вензелями на отворотах пиджака, с серебряным шитьем по воротнику и по обшлагам, с высокой тульей шляпой, с перчатками из змеиной кожи. Чтобы, как он пояснил мастерам, не стыдно было появиться в обществе «графьев» или иных всех прочих «тузов».

Словом, Тимоня из грязи да прямо угодил в князи. Кажется, живи себе в удовольствие да радуйся. Но нет! Нутром чует, что для полного счастья ему не хватает какой-то безделицы. Вот и пытается «надыбать» ее, безделицу ту самую, значит.

Тимоня отчаянно чешет не по летам голую макушку и зло фыркает, вспомнив. Он вслух ворчит:

– Во, суки, а! Обманули! Кого обманули? Меня обманули! «Кинули» выдавшего виды «кидалу»?!

Он имеет в виду рекламу, обещающую за две недели покончить с облысением: несколько манипуляций, мол, и на башке вновь густая шевелюра.

Он гладит лысину и обидчиво бросает:

– Хрен, а не шевелюра!.. И повелся... Развели как последнего лоха...

Специалисты объяснили неудачу так: кожный покров на голове, будто бы, какой-то неправильный. Тимоня глядится во всю стену зеркало справа.

– Покров как покров... Ишь, придумали... Думают, что я им ишло раз на лоха поведусь... А ху-ху не хо-хо?

И тут в его голове начинает вертеться обрывок где-то и когда-то слышанного стишка.

– Мистер... Министр... Владелец заводов... Так-так-так... Газет, пароходов... А дальше?... Пароходов... Да... На палубе играет в мяч... Надыбал-таки!.. Нужен пароход, с палубой, чтобы можно было баловаться с мячом, – тут же поправляется. – Не пароход надобен, а королевская яхта.

Тимоня достает из кармана мобильник, отделанный множеством мелких бриллиантов. Звонит по адресам. И натывается на крутую фирму, торгующую благородными плавсредствами. Там – большой выбор.

Вызвал кабриолет. Чтобы внушить продавцу, что дело имеет не с абы каким клиентом. Яхту выбрал после долгих ползаний. Но ему показалась слишком скромна. Высказал пожелание: чтобы в отделке побольше ореха и золочения.

– Сделаем, – откликается продавец, – только, – и начинает мяться и чесать затылок, – цена возрастет до неприличия.

Тимоня по-приятельски хлопает продавца по плечу и хихикает.

– Не на хлебе, слава Богу, одном сижу... Кое-что имею... Зачем мелочиться? Однажды живу.

Прошел месяц. Тимоне сообщили, что работы по яхте закончены, что даже проведены все необходимые ходовые испытания, и он хоть сейчас может пуститься в плавание по морям-океанам.

Тимоня поехал на осмотр исполненного заказа. Заплатил кучу «бабок». Нанял команду. В капитаны рекомендовали старого и опытного «морского волка».

Наконец-таки Тимоня, ступив на палубу собственной «посудины», узрев ее сказочное благолепие, воспрянул духом и телом.

– Может, хозяин, пройдемся до того берега и обратно, а? – спросил капитан.

– Почему «пройдемся»? Ходят лохи, а я езжу.

– Понял, хозяин... Значит... – он кивнул в сторону, где должен был находиться другой берег.

– Валяй, паря, да пошибче, – милостиво кивнув, сказал Тимоня и направился в сторону своей каюты.

Капитан командует:

– Отдать швартовые!

Тимоня, услышав, останавливается и возвращается назад. Он, грозно сдвинув реденькие белесые ресницы, рычит:

– Ты чё, в натуре, ополоумел? А?! Как это «отдать швартовые»? Кому отдать? Твои, что ли? Ишь, раскомандовался... Ты прежде купи... эти самые... швартовые-то, а после и отдавай. Ясно?

– Ясно, хозяин, – капитан согласно кивает и снова отдает команду. – Отдать концы!

Тимоня того пуще осерчал.

– Ты, ублюдок, не понял, да? Я что тебе сказал? Тут все мое, все, понял, недоносок! И никакие «концы» не смей отдавать! Повторяю, недоумок: ты сначала купи, а потом и раздавай налево и направо. Благодетель нашелся...

Тимоня тут же скрылся в роскошной каюте, где ждали его богато накрытый стол и роскошные молодые тёлки, такие, у которых ноги растут от шеи.

А яхта сорвалась с места и полетела. Только ее и видели.

Ванькино хобби

История, о коей хочу сейчас поведать вам, ребяташки, случилась в достославные времена (как характеризуют летописцы, во времена великого застоя, когда народ безмолвствовал, потому что счастлив был). Ну, так вот...

Прибыл, стало быть, на нашу землю с важным визитом правитель очень плохой заморской державы. Почему «плохой», милостивые ребяташки? Потому что та самая держава все пыталась нас, дураков набитых, учить уму-разуму, а мы всячески отбрыкивались, говоря свысока: сами, мол, с усами.

Правителю заморскому захотелось накоротке пообщаться с простым человеком.

– Хочу, – говорит, – и точка!

Собрался наш Совет Старейшин (иногда еще, как гласят легенды, сей правящий орган заковыристо называли «ПОЛИТБЮРО») и стал судить-рядить: как быть? Отказать? Но неудобно как-то, потому как гость, хоть и вражина, явно чуждый элемент, но правила этикета, знаете ли, чего-то там предписывают.

– Пушай общается, коли нужда такая, коли так приспичило, – почти единодушно порешил Совет и поручил оное важное государственное помышление исполнить главной государственной страже, стоявшей всегда начеку, бдевшей о безопасности денно и ночью.

Главный стражник встретился с заморским гостем и сказал:

– Ладно уж... Общайся, так и быть, например, с «водитом»...

– А что есть «водиллом»? – переспрашивает тот.

– Ну... это... – главный стражник показал руками, будто крутит баранку.

– Yes, yes! – отчаянно закивал гость. – Поньято... Это – car driver... Yes?

Главный стражник подтвердил:

– Yes! – это было одно из десяти слов его полного аглицкого словарного запаса.

– А он, «водиллом», простой русский парень, да? – интересуется далее гость.

– Проще, сэр, некуда, – ответил наш и незаметно ухмыльнулся.

– Каррашё! – на ломаном нашем согласился гость и по-приятельски хлопнул главного стражника по плечу, а тот сморщился от боли, так как давно уже страдал почечной недостаточностью. А после, видимо, для ясности, продублировал на своем. – Well!

Наши ведь не лыком шиты: все предусмотрели. Они подсунули заморскому лидеру, в самом деле, простого мужика, шоферюгу, из своего закрытого гаража. Однако снабдили даже оного инструкциями: о чем ему надлежит говорить, а про что лучше уж и не заикаться.

Мужик с перепугу заартачился. Но стражники, коих еще называли «чекистами», ну, то есть те самые, которые народ обычно чикали, быстрёхонько успокоили.

– Не тушуйся, – сказали они, – рядом всегда будет наш человек, толмач. В случае чего – даст знать.

Мужик спрашивает:

– А как?

– Например, дернет за фалду пиджака.

– Ну, и что?!

– Один раз дернет, то это будет означать, что тебя начинает заносить не в ту степь. Два раза и сильно дернет, то это будет означать, что уже тебя занесло и очень круто.

И вот заморский правитель изъявил горячее желание посмотреть вечернюю Москву. Ему подали машину, которую наш народ прозвал «членовозом». За баранкой – ясное дело, наш Ванька сидит. При параде. Деревенские, которые Ванюшку еще видели бегущим по задворкам голозадым, не признали бы. «Не иначе, как арабский шейх», – подумали бы деревенские.

Крутит, значит, Ванюшка наш баранку, а глаз опасливо косит на заморского правителя. Только выехали с Кутузовского проспекта на улицу Горького гость и спрашивает Ванюшку на нашем ломаном:

– Слышь, Ваньшечка, давно за рулем, а?

– Без малого тридцать, – отвечает наш мужик и смотрит в зеркало, чтобы убедиться по лицу толмача, что он никакой хренятины не отчебучил.

Толмач одобрительно кивнул.

– Ваньуша, – вновь обращается гость, – скажи, кто твои старьики, как говорят русские, предьедки, или того кручше, шнурики?

– Простые работяги, – отвечает с гордостью наш Ванюшка и радостно на душе становится, а после еще и добавляет. – Батя всю жизнь «водилом»...

– Yes! Я знаю, кто есть «водильом»! Это... car driver... Thanks... Шофферыюга, yes?

Ванюшка кивнул, хотя ни хрена из абракадабры не понял. Он благоразумно промолчал, чтобы со своими вопросами не попасть впросак. А правитель дальше спрашивает:

– Ваньа, какой дохо... доходягу зарабатываешь?

«Вот оно чё, – опять же с трудом догадался Ванюха, – в мой худой карман, где ветер свищет, пытается заглянуть». Вслух самодовольно сказал:

– На жизнь хватает, – ответил так, как его инструктировали.

– Много, да? – уточняет гость.

– Много, очень много.

– Сколько-сколько?

– «Стольник».

– Что есть «столонник»?

– Сто рублей, – отвечает Ванюшка и тут чувствует, что толмач дернул за полу пиджака. Он хотел было уточнить, но гость опередил.

– За месяцц?

– Нет, что вы, – ответил Ванюшка, – в день.

– Well!

Воскликнул гость, и Ванюшке показалось, что его ответ понравился всем, поэтому захотелось еще прихвастнуть.

– Не считая премий, – добавил Ванюшка и с чувством собственного достоинства поглядел сначала на гостя, а после и на толмача.

А заморский правитель подступает к Ванюшке все с новыми и новыми вопросами.

– Где живьешь, Ваньа?

– В Москве, само собой...

– Вилла?

– Какая на хрен вилла? Квартира.

– Болшааая?

– Двадцать квадратных метров, – отвечает Ванюшка и чувствует, что его дергают опять за пиджак, поэтому на ходу поправляется. – Это не считая гостиной, двух спален, прихожей, кухни и джакузи.

Ванюшка не знает, что такое «джакузи», но где-то краем уха слышал. Сказал, чтобы прибавить веса своим словам

– О, yes! – воскликнул гость и снова спрашивает. – А какое у тебя, Ваньа, хобби?

– Хобби? – переспрашивает Ванюшка. Он не знает, как выглядит это самое «хобби», но, поразмыслив чуток, догадывается и отвечает. – Настоящее... ядреное.

– Какое-какое?

– Двадцать сантиметров, – отвечает Ванюшка и не понимает, почему тотчас же следуют два сильных рывка за полу пиджака. Мало, посчитал он, поэтому поспешил добавить. –

Это – не считая залупы! – следуют не два, а три рывка за фалду, что означает, что совсем охренел он, что пора пришла завязывать со всем этим.

– Ваньа, что есть «залупы»? – спрашивает гость.

– Слушай, ну, что ты ко мне привязался?! – в сердцах кричит Ванюшка на гостя. – Не видишь разве, что машина неисправна? Едем в гараж, едем!

Он поворачивает назад, и машина мчится по темным и мрачным столичным улицам. А гость? Он так и не понял: а) что есть русская «залупа»; б) почему Ванюшка так неожиданно в сердцах закрутил баранку? Даже объяснение толмача не помогло. И закончилось у заморского правителя знакомство накоротке с нашим мужичком. Что случилось с Ванюшкой? Право слово, не знаю, ибо о том даже исторические хроники умалчивают.

Ахиллесова пята Моисея

Моисей – ортодоксальный еврей и ни у кого из окружения тут нет никаких сомнений: все религиозные праздники чтит и отмечает, носит большую широкополую черную шляпу и не снимает ее даже за трапезой, обожает мацу и хорошее вино, и, что для него крайне важно, на короткой ноге с раввином ближайшей к его дому синагоги, наконец, без ума от жены, которая платит ему той же монетой. Между ними – полное единодушие.

Вчера, к примеру, за ужином Моисей с присущей лишь ему хитринкой спрашивает Софочку:

– Угадай с трех раз: какой народ на земле самый гениальный?

Софочка – что? Промолчала. Потому что вопрос глупый – без слов понятно.

Короче, Моисей счастлив... Ну... почти счастлив. Потому что даже в его семейке есть слабое звено, одно больное место, так сказать, Ахиллесова пята – это мерзавец Аркашка, единственный его наследник и продолжатель рода. Столько сил ухайдакал на то, чтобы Аркашку воспитать в своем духе, чтобы сделать из него еще одного ортодоксального еврея. И результат? Вконец замучился с оболтусом-сыном. Когда Аркашке еще не исполнилось два года, купил скрипку: он и Софочка решили, что тот будет скрипачом. А Аркашка? Ни в какую, черт бы его побрал. Даже в руки скрипку не берет, а все бацает на ударнике. От рук отбилась и не слушается. Явно теряет Моисей родимого сынульку.

Решил Моисей, как отрезал: надо, мол, предпринимать нечто радикальное. Софочка с вопросом:

– Что именно?

Моисей рассержено бросил:

– Сам не знаю! Схожу-ка я, пожалуй, к другу, посоветуюсь.

Пошел Моисей не к кому-нибудь, а к раввину. Раввин выслушал, поморщил лоб, раздумывая, поцокал языком, покачал головой и предложил:

– А, – раввин машет рукой, – приводи-ка, Моисей, своего незадачливого Аркашку в синагогу. Проведет здесь денька три и станет истинным представителем еврейского народа.

– Не пустомелишь, нет? – просто, по-дружески поинтересовался он.

– Гарантирую! – воскликнул раввин – Опробовал на других.

Моисей так и сделал.

Через три дня сын вернулся домой, увы, прежним: учиться хорошо не хочет, скрипачом или, на худой конец, финансистом отказывается быть, во дворе озорничает, как какой-нибудь русский пацан.

Моисей и Софочка тяжело повздыхали, даже чуть-чуть глаза слезинками оросили:

– Не помог раввин, – горько сказал Моисей, продолжая обильно лить слезы, – может, православный батюшка поможет?

Идет ортодокс-еврей, а никуда не денешься, в православную церковь. Делится бедой с батюшкой. Батюшка, выслушав, говорит:

– Э, нет проблем. Приводи своего Аркашку ко мне и оставь денька на три, потом твоего сыночка будет не узнать.

– Но... Раввин тоже... Это самое... Гарантировал...

– Э, голубчик, не путай божий дар с яичницей. У нас все по-другому.

Выбора у Моисея нет, поэтому соглашается и отводит Аркашку в православный храм.

В тот же день, буквально не прошло и часа вернулся Аркашка домой и Моисей не узнает своего паршивца: такой послушный стал, со всем соглашается, даже (о, чудо!)

не против достать из кладовки скрипку и стать отменным скрипачом. Более того, во всем слушается бабушки. Отец изумлен. Ему не верится. Но факт налицо.

Отец подступил с расспросами.

– Послушай, сынок, синагога тебя не исправила, а что с тобой делали в православной церкви, если ты за короткое время стал примерным еврейским сыночком?

Аркашка – зарыдал и слезами стал умываться

– Я все-все понял...

– Что именно, Аркашенька, драгоценный мой?

– А то самое... Когда, отец, – Аркашка округлил в ужасе глаза, – я пришел в церковь, – с придыханием начал рассказывать он, – и увидел распятого на кресте еврея, то сразу понял: здесь парни крутые и не привыкли с нашим братом церемониться.

Судьбы миллионеров

Предисловие

Как стать миллионером? Не странно ли звучит вопрос? На первый взгляд, да. Потому что ответ напрашивается сразу: если ты молод и полон жизненных сил, то прилежно учись, работай много, почаще шевели мозгами, и успех в виде миллионов к тебе придет.

Просто, не так ли? Если бы!.. На самом деле все куда как заковыристее. Особенно в любимой мною России, где богато хотят жить все, даже миллионы опоек. Но... Все ли они готовы сутками работать, напрягая скудное свое «серое вещество»? Не уверен, знаете ли...

Поскольку вопрос все-таки регулярно возникает, постольку, задумавшись и повращав мозгами, я вознамерился представить два пути к миллионам. Почему два? Чтобы у господ был выбор. Право выбора – неотъемлемое право гражданина свободной страны и лишать одного я не могу.

Первый – совершенно типичный американский путь. Да, средний россиянин терпеть не может «америкашек», но куда деваться, если они существуют и мельтешат вечно перед глазами, раздражая нас, россиян, своей успешностью.

Второй – также абсолютно типичный российский путь, поскольку судьбой нам предначертана особая статья. Мы – уникальны, а посему не похожи ни на кого. Внешне – белые и потому хотели бы казаться европейцами. Внутренне – весьма черны и потому ближе всего (особенно в области интеллекта) к племенам центральной Африки.

Впрочем, бывают и исключения из общих правил... Как в США, так и в России. Но я не намерен акцентировать ваше внимание на сих уникалах.

Итак, приступаю к своему повествованию, иначе говоря, к наставлению тех, кои наставляться горазды.

В Соединенных Штатах Америки

Один из небогатых районов Нью-Йорка. В семье (он – клерк небольшой страховой компании, она – продавщица цветочного магазина на одной из «стрит») подрастает сынишка, которого при рождении назвали Джоном (этих самых «Джонов», кстати говоря, там ничуть не меньше, чем у нас «Иванов»).

Сынишка Джон ходит уже в шестой класс колледжа и начинает задумываться над тем, как стать миллионером. Учится прилежно, но, одновременно, понимает, что одной учебой богат не станешь. Значит? Надо заниматься еще и бизнесом. Он также понимает, что чем раньше займется тем самым «бизнесом», тем скорее достигнет конечной цели.

А что Форсайты, то есть родители? Обеими руками – за. Благословляют на благое дело. Советуют сходить в костел и помолиться, испросить соизволения у Всевышнего. Но при этом отказывают в материальной помощи. Они – небогаты, но все-таки кое-что на «черный день» припасли. Так что при горячем желании могли бы сынишке отстегнуть на «стартовый капитал». Не дают. Из принципа не дают. Выкручивайся, говорят, сам. Умрем, говорят, – все тебе достанется, а пока... Извини, голубчик! Встав самостоятельно на ноги, говорят, – прочнее будешь стоять, и шаг обретет большую твердость, а это, говорят, очень важно в бизнесе.

Сурово? Да. Но такие уж эти Форсайты уродились. Они сами не из разряда тепличных растений, а потому не хотят, чтобы их ребенок рос особенным. Пусть будет как все.

Как-то раз Форсайт-старший дал Форсайту-младшему один доллар и пятьдесят пять центов на обязательное воскресное посещение сыном ближайшего от дома кинотеатра. Это – семейная традиция: чтобы Форсайт-младший, как и его родители когда-то, не отрывался от культуры и регулярно посещал подобные заведения.

Сумма выверена Форсайтом-старшим до цента, а именно: один доллар на входной билет и пятьдесят пять центов на мороженое.

Как и всякий ребенок, Форсайт-младший попытался выторговать у отца еще пятнадцать центов. Сорвалось! Ну, и ладно, решает Форсайт-младший, надо уметь довольствоваться тем, что есть. Учитывая возраст, довольно мудро рассудил.

Малыш Джон, зажав в кулаке наличность, идет... Нет-нет, не в кинотеатр, а в магазин, где работает его мать, долго и с пристрастием выбирает из огромной корзины, выставленной на прилавке, три самых лучших розы. В кассе рассчитывается. На выходе предъявляет своей матери кассовый чек. Та строго проверяет и кивает по привычке: мерси, мол, за покупку. Потом все-таки, не сдержав своего любопытства, интересуется у сына:

– Кому, Джонни, розы?

Джонни загадочно лишь хмыкает в ответ. Мать предлагает дополнительную услугу:

– Вам упаковать, сэр?

Покупатель отрицательно мотает головой. Почему? Потому что, во-первых, за услугу надо платить. Во-вторых, потому что она, то есть мать, упакует не так, как он хочет. Потому что, в-третьих, ему, как джентльмену, придется «отстегивать» чаевые (мамульке? Ну, да: она разве не человек?), у него же лишних центов нет.

Парень выходит из магазина. Считает оставшуюся наличность. Выходит, что осталось сорок один цент. Не разбежишься. Однако Джон решает и эту мелочь потратить. Он проходит квартал, заглядывает в крохотный магазинчик, торгующий всякой всячиной, покупает яркий, но по сходной цене, упаковочный материал, роскошную фиолетовую ленту, красиво перевязывает купленные ранее розы. Осматривает. Удовлетворенно хмыкает. Получился очень приличный подарочный букет. Но в кармане уже ни цента.

Парень идет несколько километров пешком. Экономит на транспортных расходах. Останавливается неподалеку от центрального входа в банк.

– Сэр, – обращается парнишка к одному из прохожих, – купите любимой эти замечательные цветы!

Прохожий благодарит, но отказывается купить. Очевидно, у того на данный момент, считает подросток, не оказалось любимой.

Джон вертится волчком на пяточке, однако все безуспешно. Он понимает, что его «бизнес» подвержен сильному риску, поскольку товар слишком быстро может потерять товарный вид. Но он продолжает терпеливо, не теряя надежды, ждать своего покупателя.

К стоянке подкатил среднего вида лимузин, из которого вышел молодой джентльмен. Джон – к нему.

– Сэр, купите любимой эти замечательные цветы!

Джентльмен придирчиво осмотрел букет и, как показалось Джону, остался всем доволен.

– Сколько? – деловито спросил он после небольшого раздумья.

– О, сущие пустяки, сэр! – воскликнул продавец. – Два доллара девяносто пять центов, сэр!

Джентльмен лезет в портмоне, роется, достает три купюры по одному доллару и несколько монет.

– Благодарю... Сдачи – не надо.

Парнишка расплывается в благодарной и наполненной счастьем улыбке.

– Пусть вашей любимой, сэр, всегда сопутствует счастье!

– Благодарю... Да, кстати, юноша: окажите мне услугу.
– Охотно, сэр.
– Если не затруднит, не смогли бы вы к девятнадцати часам, – он достал визитку, и протянул парню, – доставить по указанному адресу еще один точно такой же букет?
– Точно такой? – переспрашивает Джон.
– Абсолютно точно такой... Даже в деталях.
– Я выполняю ваш заказ.
– Очень хорошо... Видите ли, юноша, там, – джентльмен кивает в сторону банка, – работает администратором очень симпатичная девушка... Кэрри... Мы с ней знакомы... Встречаемся. И, – он кивает на букет, – эти цветы ей.

Парень кивает.

– Понимаю, сэр... Цветы ей непременно понравятся.
– Не сомневаюсь. Однако я не вправе обидеть и жену, поэтому второй букет матери моих детей. И если вы выполните в точности заказ, то я стану вашим постоянным клиентом.
– О, благодарю, сэр!
– Да, а сколько будет стоить ваша услуга? – интересуется будущий постоянный клиент.
– Два доллара девяносто пять центов, сэр, – отвечает без запинки продавец и потом уточняет. – Плюс неизбежные транспортные расходы: один доллар пять центов – туда, один доллар пять центов – обратно.

– Следовательно, пять долларов и пять центов?

– Именно столько, сэр!

– Тогда – до вечера, – говорит джентльмен и скрывается за дверями банка.

Форсайт-младший опять держит путь в цветочный магазин, где работает его мать. Между делом, подсчитывает барыши. От продажи первого в его предпринимательской жизни букета он получил чистую прибыль (с учетом чаевых) один доллар пятьдесят пять центов и теперь его капитал удвоился и составляет уже три доллара десять центов.

Он вновь покупает три розы и совершает прежние манипуляции. Идет вновь на прежнее место. Теперь – повезло меньше. Покупатель нашелся, однако постоянным клиентом не стал, так сказать, разовый потребитель его услуг. К тому же чаевые поскромнее.

К концу дня он еще продает один букет, и четвертый букет везет по указанному в визитке адресу. Появляется у клиента минута в минуту, чем еще больше расположил к себе. Соответственно, чаевые были щедрее.

Вечером, уже дома, подсчитал чистую прибыль: первоначальный капитал его увеличился (за счет оборачиваемости) в семь раз и составил десять долларов восемьдесят пять центов.

Похвастался отцу. Форсайт-старший, одобрительно хмыкнув, заметил:

– В тебе, сын, просыпается предприниматель, – и предостерег. – Однако... Будь осторожен: торговля цветами – таит риск, можешь прогореть.

– Понимаю, пап... Теперь (я тут подумал) мне выгоднее цветы и упаковочный материал покупать у оптовиков, а не в магазине... Дешевле обойдется.

Форсайт-старший одобрил:

– Мудрое решение, так как торговая наценка, которая шла хозяину цветочной лавки, будет уже принадлежать тебе.

– У меня уже есть один постоянный клиент, пап. Джентльмен предложил каждую субботу доставлять букет его жене. И... своей подружке.

Форсайт-старший кивнул:

– Дорожи постоянными клиентами. Будь перед ними особенно обязательным.

– Буду, пап. Джентльмен пообещал рекомендовать меня другим своим знакомым.

Через месяц Форсайт-младший уже открыл счет в банке, куда положил всю свою наличность, ставшую его оборотным капиталом, – сто одиннадцать долларов и пятьдесят восемь центов. Получил первую в жизни чековую книжку. И теперь уже он мог рассчитывать с оптовиками по безналичному расчету, что добавляло лишь лишнюю порцию доверия.

Еще через месяц понадобились помощники. Их нашел среди соучеников по колледжу. Соученики вовсе не думали о бизнесе: те, желая немного подзаработать на карманные расходы, охотно согласились помочь.

Джон на первых порах, пока его бизнес не встал полностью на ноги, решил полученную чистую прибыль делить так: всем – поровну. Чтобы, как он объяснил отцу, заинтересовать в конечном результате всех помощников.

Видя, что всё по-честному, помощники из кожи вон лезли, чтобы реализация была как можно больше. Заинтересовал материально, выходит, пацанов.

В Российской Федерации

На восточной окраине Екатеринбурга, чуть-чуть на отшибе, стоит пятиэтажка-хрущевка. В ней живет семья из пяти человек: родители и трое детей. Старший из детей – Пашка, учится в шестом классе средней школы.

Отец Пашки – каждый день пьяный, на работе не задерживается: вышибают после первого же запоя. Сейчас он – слесарь-сантехник ближайшего ЖЭУ. Мать – дворничиха в том же ЖЭУ.

Пашка очень ушлый растет – это признают все. И пророчествуют:

– Далеко пойдет Федоров, очень-очень далеко.

И это чистой воды правда.

Однажды, когда ему особенно понадобилось несколько рублей, а из отцовского кармана вытащить не удалось, так как не оказалось ни гроша, на перемене подошел к однокласснику-очкарику, однокласснику-отличнику, у которого, по его представлениям, водились денежки. Подошел и сказал:

– Гони червонец, сопля!

Очкарик и отличник заупрявился, так как ему самому деньги не были лишними. Тогда Пашка со всего размаха заехал по харе. Потом спросил:

– Усёк? Или хочешь еще?

Тот отрицательно замотал головой и отдал Пашке червонец. Пашка пошел тут же в ближайший «комок», купил пачку сигарет и жвачек.

Пашке очень понравилось таким способом добывать деньги, и он свой «бизнес» поставил на хорошо организованную основу. Подговорив двоих таких же, как он, обложил данью сначала свой класс, а потом и почти всю школу. Такса: пятьдесят на пятьдесят. Иначе говоря, из тех денег, которые давали родители на обеды, каждый должен был отстегивать половину ему, Пашке. Это, со слов всё того же Пашки, – еще по-божески. Потому что ничто ему не мешало забирать и все деньги: никто не смел роптать. А если находились смельчаки и начинали гундеть, то получали по физии, иначе говоря, по харе.

У Пашки завелись денежки. И приличные. Теперь он мог себе позволить пить пиво и кушать импортный шоколад.

Но восстали родители обиравемых детей. Видимо, кто-то проболтался. Родители обратились в полицию. Туда вызвали Пашку и его компаньонов. Что было делать? Впервые ведь оказались и потому очень здорово перетрусили. Пашка первым раскололся, выложив дознавателю правду, только правду и ничего, кроме правды.

Напрасно испугались. Их отпустили. Потому что несовершеннолетние, а преступление, совершенное ими, относится к категории мало значительных. Поставили, правда, на учет, в комиссии по делам несовершеннолетних. Но там таких, как Пашка, сотни и все они мало кого интересуют.

Пашка, славившийся в школе не только мордобоем, а и тем, что числился в отряде неисправимых двоечников, решил «завязать» с этим мало почтительным занятием, как «грызня гранита наук».

Пашка решил: чтобы быть богатым, совсем необязательно быть умным. Вполне достаточно того, что он сильно ушлый. Его решение пришлось по нраву и бывшим компаньонам.

Страна становилась на рельсы рыночной экономики. Так что парнишки, руководимые ушлым Пашкой, оченьгодились: они решили заняться пока что «крышеванием» уличной торговли.

Начали с малого: обложили данью (по червонцу с носа) старушек микрорайона, торгующих всякой всячиной, в том числе тем, что вырастили на своих огородах. Поначалу хватало, даже на «водяру», но потом аппетиты возросли. Федоров и К. решил прибрать к рукам уличные палатки. Вечерком, когда свидетелей было поменьше, подошли к крайней палатке с ультиматумом: или реализаторша регулярно «отстегивает» им и тогда они гарантируют безопасный бизнес, или...

Реализаторша возмутилась и заорала:

– Пошли отсюда, сосунки!

Эти самые «сосунки» сильно обиделись и прыснули на реализаторшу из газового баллончика. Пока та приходила в себя, они нагрузили сумки выпивомом и закусоном, попутно забрали и всю выручку. Уходя, предупредили чуть-чуть проморгавшуюся от газов реализаторшу:

– Умей делиться, а то хуже будет. И держи язык за зубами, а то спалим палатку, а с ней и тебя.

Не все поверили в угрозы. И напрасно. Одна из палаток запылала: реализаторшу чудом спасли от огня. Серьезность намерений была настолько очевидной, что реализаторши стали безропотно делиться с Пашкой выручкой.

Наконец, «бизнес» Пашки Федорова разросся до неприличия: он стал контролировать, несмотря на юный возраст, весь микрорайон. Денег – море. Пашка не знает, куда их девать. В ресторане, когда гуляет, дает на чай пачками.

Отец, в минуту просветления, посоветовал:

– Обращай, сын, рубли в «зелень». Доллар, – глубокомысленно заметил он, – и в Африке доллар.

Сын последовал отцовскому совету. А в качестве компенсации каждый день приносил по бутылке. Немного, но зато регулярно. Отец был счастлив. Кончились времена, когда приходилось по соседям побираться, чтобы наскрести на какой-то паршивый «пузырь».

Жизнь у Федоровых потихоньку налаживалась. Бывшие одноклассники, глядя на Пашку, лопались от зависти.

В Соединенных Штатах Америки

Счет в банке, открытый на имя Форсайта-младшего, рос и рос.

Джон не зазнавался и, наряду с бизнесом, продолжал «грызть гранит наук». Вот он уже получает степень бакалавра.

И как-то пришел к владельцу цветочной лавки, где работала его мать, с предложением продать бизнес. Дела у владельца шли не ахти как, поэтому тот решил принять предложение. Сговорившись о цене, ударили по рукам.

Теперь Джон Форсайт – настоящий бизнесмен. Бывшую клиентуру не растерял. Наоборот, стал расширять. Он посчитал: если гора не идет к Магомету, то Магомет должен идти к горе. Он посчитал: нечего сидеть в лавке и ждать, когда заглянет случайный покупатель. Он посчитал: нужна широкая реклама.

Это и стало основой его бизнеса.

Через пять лет весь район Бруклина находился в сфере его интересов. Он не только покупал разоряющиеся магазинчики, но и строил новые, современные, просторные, где сервис бы на самом высоком уровне. Теперь к нему мог обратиться любой покупатель, и каждый из них оставался доволен. Потому что для Джона Форсайта не существовало ничего невозможного: любой, даже самый экзотический, заказ он с готовностью исполнял.

На Форсайта-младшего теперь работала не только его мать, а и сотни других.

Штаб республиканской партии (по убеждениям он консерватор) предложил молодому человеку баллотироваться на выборах в муниципальный совет Нью-Йорка. Вежливо отказался, не забыв поблагодарить за доверие. А вот от участие в общественном попечительском совете – нет, не отказался. Он взял под свое крыло один из приютов.

На выборах мэра Нью-Йорка гласно поддержал одного из кандидатов, выделив личную сумму. Он так и сказал в интервью одной из влиятельных газет:

– Бизнес крайне заинтересован, чтобы на посту мэра был человек порядочный, человек, умеющий вести городское хозяйство.

В Российской Федерации

А тут подоспели и наши «ваучеры». Люди глядели на странные, невиданные до селе, чудо-бумажки с множеством нулей и не знали, что с ними делать: то ли прямо сейчас с ними сходить в отхожее место, то ли потом, то ли сдать в чековые инвестиционные фонды в обмен на некие сертификаты, то ли поменять на акции предприятия, где работают. Нет, не могли тогда граждане свободной России знать, что все перечисленные варианты, собственно, – есть одно и то же, то есть грандиозная кормушка для аферистов и мошенников.

На всех перекрестках Екатеринбурга торчали десятки молодых людей, соответственно экипированных и с бритыми затылками: они скупали у населения те самые «ваучеры», разумеется, расплачиваясь не по номиналу, а в два раза меньше.

Среди бритозатылочных находился Паша Федоров и его дружки. Потому что, повторяю, денег у него – море, а сам он – сильно ушлый (слово «ушлый», обращаю ваше внимание, не синоним слова «умный»).

Народ охотно расставался с «ваучерами». Интуиция подсказывала, что это все же выгоднее, чем отдать совсем бесплатно другим дядям из народившихся, как грибы после теплого дождика, ЧИФов. Чековые инвестиционные фонды (ЧИФы), правда, уверяли всех, что они гарантируют получение ежегодных «дивидендов». Но ни самих ЧИФов, ни их «дивидендов» на просторах современной России не сыскать даже с помощью Интерпола.

И это правда. Как-никак, но на пять тысяч, вырученных от продажи «ваучера» можно было купить несколько буханок хлеба, полкило дешевенькой колбасы или столь желанный для россиянина «пузырь». Согласитесь, это лучше, чем ничего.

Не знаю, сколько скупил Паша Федоров и К. тех самых ваучеров. Потому что история о том умалчивает. Рискну предположить, что очень много. По аналогии с другим ушлым господином Бандукидзе, который прибыл на Урал из неведомых никому мест в сопровождении вагона, битком набитого теми самыми ваучерами. Бандукидзе совершил на месте бизнес-сделку: ушлый грузин передал всемирно известному коллективу завода заводов тот самый вагон с бумажками, а взамен получил акции гиганта советской индустрии и стал полновластным владельцем объединения «Уралмаш». Еще вчера Бандукидзе был никто, а через

сутки стал одним из крупнейших бизнесменов (по слухам, нынче он в ранге министра ведает экономическим развитием независимого грузинского государства).

Никто не заметил, как и Пашка Федоров по кличке «брыластый» в одночасье из уличного бандита переродился в уважаемого предпринимателя, держащего на руках контрольные пакеты акций нескольких крупных уральских предприятий, в том числе объединения «Уралхиммаш».

Теперь Пашка левой пяткой открывает любые кабинеты высокопоставленных чиновников, расцеловывается с прокурором, а «ментовские» генералы при встрече отдают честь. Пашка на дружеской ноге с главой правительства области.

Да что там глава правительства! Пашка на «ты» с самим губернатором. Федоров не раз публично давал признательные показания, перед включенными телекамерами:

– Приезжаю к губернатору, а он встречает у въезда на территорию загородной виллы, и ручкой мне машет. Я, значит, вхожу в его жилище, хлоп на стол полиэтиленовый мешок, туго набитый дензнаками. Говорю: «На предвыборную кампанию!» Губернатор, ясное дело, весь из себя, значит, доволен сильно. Говорю: «Дружи с нами и будешь вечным властителем области». Губернатор: «А я что делаю?.. Или вам плохо живется?» Отвечаю: «Хорошо живется, но хочу лучше». Отвечает коротко: «Есть!»

Пашка Федоров по кличке «Брыластый» не врет.

Губернатор в минуты нахлынувших на него откровений (о том вся область видела и слышала с экранов своих телевизоров) как-то признался:

– Вот все говорят: организованная преступность, организованная преступность... Оказывается, ничего страшного. Оказывается, с мужичками можно находить общий язык. Я, например, с ними хорошо лажу. Вызываю мужичков к себе. Приходят. Говорю им: надо сделать то-то и то-то. Мужички из ОПС, знаете ли, делают!

Незатейливые взаимоотношения власти и определенных лиц, но зато с каким вкусом! Прав классик, написавший: иная простота хуже воровства.

В Соединенных Штатах Америки

Компания Форсайт и К. процветает. Джон окончил университет и теперь может с головой окунуться в бизнес, только в бизнес.

Общество Нью-Йорка относится к предпринимателю с почтением. Потому что вырос на глазах. Потому что ни разу не «подмочил» репутацию. Потому что скромен и не кичится своей успешностью в бизнесе. Потому что примерный семьянин: почитает родителей, любит пятилетнюю дочурку. Потому что правопослушный христианин и регулярно посещает ближайший от дома католический храм. Потому что щедр на жертвования сыром и убогим.

Джон пока не миллионер, но он верит, что им станет – рано или поздно. Форсайт-младший понимает: миллионы с неба не сваливаются. Он понимает: чтобы стать миллионером, надо долго и много трудиться, иногда – всю жизнь. Он понимает: что ни говори, судьба к нему благосклонна.

Джон Форсайт, поддерживавший материально на выборах, теперь мэра Нью-Йорка публично критикует, считая, что тот плохо выполняет предвыборные обещания, что мог бы делать для города гораздо больше, чем делает. И это, считает он, логично: кому много дано, с того много и спрашивают.

Жена иногда ворчит:

– Нет, чтобы попутешествовать... Мир посмотреть и себя показать. Работа и работа лишь на уме.

Джон хлопает супругу по заднице, кладет ноги на подлокотник дивана, потягивая виски, отвечает:

– Будет старость и мы тогда напутешествуемся. Всему свое время.

В Российской Федерации

«Брыластый», то есть наш Пашка Федоров, – на пике популярности. Журналисты, гоняясь неустанно за ним, с ног сбились: дорогой ценой достаются им интервью с успешным предпринимателем, к тому же близким человеком к хозяину региона.

Он, то есть Федоров, очень богат и обычно отдыхает на Канарах. Друг его, губернатор, тоже не перебивается с рубля на рубль, но уступает пальму первенства и отдыхает на исторической родине, у дочурки... в Германии.

Вернувшись с заморских пляжей, Федоров с головой уходит в дела. Тут на горизонте замаячил лакомый кусок, можно сказать, кусище. Заварушка на одном предприятии, где у него есть пакет акций, но не контрольный. Ситуация благоприятная. К тому же глава правительства подбадривает: «Собери своих молодцов да и... это... ну, сам понимаешь...»

Пашка – не тупой: дважды намекать не надо. Он, в сопровождении ватаги, появляется на заводе, занимает кабинет гендиректора, объявляет, поддержанный сторонниками, о смене власти.

Старая власть возражает:

– Предъяви документ, что именно у тебя контрольный пакет акций, что именно таково решение собрания акционеров.

– Документ? – переспрашивает Пашка и грозно смотрит, недовольно качая головой. – Вот мой документ, – и он показывает рукой на приведенную с собой ватагу в камуфляже и со спецсредствами.

Старая заводская власть грозитя:

– Полицию вызовем.

Федоров ухмыляется, шлепая мокрыми губёшками, из-за чего, собственно, и «брыластым» прозвали. Федоров придвигает им поближе телефон:

– Звоните.

Те звонят. Приезжает полиция. Смотрит на происходящее, но никак не вмешивается.

– Мордобой, – важно заявляет прибывший майор полиции, – это еще не нарушение общественного порядка, – и добавляет. – Если убивать начнут, тогда другое дело.

Старая власть, собрав наличные силы в единый кулак, выдворяет-таки с завода самозванцев. Но Пашка не унывает и грозитя:

– Мы еще придем.

И они придут. Если и не столь явно, как в этот раз, но обязательно придут. Пашка не поступает своими интересами: выгоняют в дверь – пролазит в окно.

Иногда, по правде говоря, терпит поражение. Такое случается тогда, когда его интересы входят в противоречие с интересами «конкурентов», то есть с братками из других сообществ.

К примеру, случай с одним из гидролизных заводов, принадлежащих Пашке Федорову. Пришли к нему братки-конкуренты (Пашка знает, что они также, как и он, на коротке с губернатором) и говорят:

– Отдай завод!

Пашка заупрямился: не хотелось терять такое прибыльное дело, как производство спирта.

Братки поугovarивали и ушли. Времена, когда самых несговорчивых прижигали паяльничком или гладили раскаленным утюжком, канули в Лету. Конкуренты взяли и «слили»

своим парням из полиции информацию, будто Пашка где-то, что-то, когда-то... прощ говоря, наследил.

«Менты» (ой, не зря их именуют погаными), от предвкушения приятного, запотирали руки. И нагрянули к Пашке, прямо сказав: или-или.

Пашка – не тупой. Он делился, делится и будет делиться с «ментами», но в этот раз не сговорился. Почему? Скорее всего, «менты» оборзели, слишком загнули с отступными, а Пашка пожадничал. Короче, Пашку в наручниках отвезли сначала в ИВС, потом, получив санкцию прокурора, переправили в СИЗО, где держали несколько лет. Следствие, будто бы, скрупулезно вели.

А что братки-конкуренты? Пользуясь отсутствием хозяина, то есть Пашки, благополучно прибрали к рукам гидролизный завод. И не только: произошла смена собственника и в горно-обогатительном комбинате, которым так гордился Пашка, считая жемчужиной своей коллекции.

Пашка – на свободе. Суда так и не было. Почему? Ну, этот вопрос не ко мне. Мог бы поделиться сильными подозрениями, но не стану. Зачем чернить систему, коли нет доказательств?

Пашку крепенько пощипали, однако он жив, он на воле и это главное. К тому же кое-что у него осталось... Ну, там несколько десятков миллионов, припасенных на черный день.

Проходит несколько месяцев, и общественность вновь заговорила о Пашке. Как? Оптимистично.

Во-первых, Пашка, у которого всегда за плечами числилось шесть классов и седьмой коридор, неожиданно получает диплом в госуниверситете о его успешном окончании. Студенты лишь ахали и качали головами: оказывается, вместе с ними столько лет «грыз гранит наук» такой великий человек, а они о том даже и не помышляли.

Во-вторых, по одному из провинциальных избирательных округов «Брыластого» выдвинули кандидатом в областное законодательное собрание. Он побеждает конкурентов вчистую. Еще бы! Какой жизненный опыт, полученный в периоды многих отсидок! Да и российскому избирателю как-то уж очень приятно, когда от кандидата в депутаты тянет криминальным душком, то есть тюремной парашей.. Чуют родственную душу!

Предприниматель Федоров заседает в областном законодательном собрании. Активно заседает. По всякому вопросу имеет свое мнение. Дает интервью налево и направо.

...И срывается! Вот невезение так невезение!

Однажды, давая интервью одной из телекомпаний, Пашка сболтнул: по его мнению, за переделом собственности обычно стоит губернатор и глава правительства. Никто не поверил. Потому что избиратель, голосующий за губернатора столько лет, знает хорошо его непопечность.

Пашке бы остановиться и не углублять тему. Но нет! Пашку понесло. Он стал приводить конкретные факты. Это-то и привело в крайнее раздражение местную власть.

– Ах, – сказала ему власть, – сеешь ветер? Пожнешь бурю!

И буря разразилась. Поехал в очередной раз наш Пашка в Москву, чтобы повидаться там с «корешами». Приехал. Встретили хорошо, душевно. Провезли по Москве с эскортом, под вой сирен и сверканье проблесковых маячков. Провезли и поместили в следственный изолятор, якобы, по подозрению в совершении Пашкой чего-то совсем уж нехорошего. О задержании, а затем и аресте вежливые москвичи сообщили законодательному собранию области.

Законодатели взбеленились. Хотели ходоков в столицу снарядить. Но, наверное, горячка прошла. Сейчас все тихо. О нашем Пашке, успешном предпринимателе и законодателе, ни слуху, ни духу с тех пор. И пресса, всегда проявлявшая к нему великий интерес, успокоилась, забыла.

Был Пашка Федоров, кормивший с руки многих в Екатеринбурге, и нету. Что с ним? Где он? А никто не знает. Может, губернатор и знает, но не наступил его час откровений, поэтому молчит о Пашке-критикане. Не считаю, что с ним произошло что-то непоправимое. Посидит на казенных харчах. Вернется. И мы увидим всё того же успешного и оптимистичного Пашку по кликухе «Брыластый». Думаю, что после этой отсидки жди успешную им защиту кандидатской, а то и докторской.

Не верите? Думаете, его миллионов не хватит? Ну, не надо! Кто-кто, а Пашка выкрутится. Не тот человек, чтобы вот так просто уйти в небытие. Потому что не тупой!

В Соединенных Штатах Америки

– Отец, – сказал, войдя в дом родителей, Форсайт-младший, – поздравь: я – миллионер! Форсайт-старший фыркнул:

– Экая, право, невидаль. В нашей стране миллионеров хоть пруд пруди.

Джон кивнул, уселся на тахту, закинув одну ногу на подлокотник. Пригладив начавшие сесть волосы, он возразил:

– Но ты, отец, миллионером так и не стал.

– Не стал, – охотно подтвердил сильно постаревший отец. – Но сотни других стали.

– Слабое, отец, утешение.

– Но честное утешение!

– В честь этого события, отец, думаю пожертвовать нашему католическому приходу, где меня крестили, несколько десятков тысяч долларов.

Отец кивнул.

– Святое дело, сын. Но этого мало. Сходи в костел, помолись, попроси о милости у заступника своего святого Иоанна Крестителя, чтобы тот и дальше благоволил к тебе и простирал над тобой свою могущественную длань.

– Сделаю, все сделаю, отец!

Послесловие

Два миллионера и два пути к миллионам. По какому пойдете вы – по американскому или российскому? Не знаю.

Мне могут возразить: что касается России, сгустил краски. Неправда! И ничего я не сгущал, наоборот, разжижил красочки, чтобы выглядел наш бизнес поприличнее. Примеры, взятые мною, совершенно типичны. В Екатеринбурге есть «бизнесмены» и покруче, чем Паша Федоров, а в США куда успешнее, чем Джон Форсайт-младший.

...Как-то задержали депутата городского законодательного собрания Храброва (это один из тех мужиков, с которыми умел и умеет договариваться губернатор). Храбров идет по двум статьям Уголовного кодекса.

Не он один, понятно, а с подельниками (также миллионерами, также депутатами законодательного собрания), которые успели смыться и сейчас находятся в бегах. Думаю, правоохранительные органы совсем не хотели, чтобы вся гоп-стоп компания оказалась за решеткой, а потому и предоставили возможность смыться.

Лишь наивный человек может поверить тут в случайность: прошляпили, мол.

Список тех миллионеров, у которых происхождение миллионов вызывает, мягко говоря, большое сомнение, десятки, если не сотни. И это лишь в Свердловской области.

Все миллионеры рассказывают одну и ту же сказочку: взялись, поднатужились и вот они, миллионы, свалились прямо им в руки.

Честный бизнес в России пока невозможен. И это надо принять за аксиому. Государство с помощью налогов грабит предпринимателей. А предприниматели, причем, все, в свою очередь, грабят народ и обманывают государство.

Наш бизнес в более выгодном положении, чем государство. Потому что наш бизнесмен обирает всех без разбора, в том числе и тех, которые на него работают.

Государство, повторяю, грабит лишь предпринимателей, поэтому бедным-бедно... как церковная крыса.

Бедно государство – это верно. Но можем ли взять на себя смелость заявить то же самое о представителях государственной власти? Я бы не рискнул. Эти, наоборот, очень и очень богаты, поэтому, расставаясь с руководящим креслом, ничуть не унывают. Они в одночасье оказываются миллионерами.

Вопрос на засыпку: откуда несметные богатства у лидера одной из партий Жириновского? Вопрос не праздный. Потому что этот политический деятель никогда не занимался бизнесом (а, может, мы просто-напросто не знаем?), даже чисто по-русски. А миллиарды у Беломырдина, который также не был замечен на ниве предпринимательства, или у супружницы бывшего мэра Москвы Баторлиной? Баторлина, по правде говоря, – на особицу: ее несметные богатства созданы на строительном рынке первопрестольной. Причем, с чисто русского нуля.

У госпожи Баторлиной есть предшественница. Не в России пока, а опять же у проклятых «америкашек». Там одна дамочка, на глазах миллионов, к своим семидесяти годам стала сильно богатенькой, сделав бизнес на сборе и утилизации жестяных консервных банок. Умирая, бабулька завещала накопленное сыновьям. Конечно, у тамошней сильно предприимчивой бабульки не оказалось, как у Баторлиной, миллиардов, но наследники не в обиде: чуть больше ста миллионов долларов – это тоже кое-что.

Р. S. А Храброва-то уже, я извиняюсь, – ку-ку, нет. Нашли в камере СИЗО удушенным. Логичное завершение жизни русского миллионера. А Вороксин, поделник, оказался мудрее: порыскав по бескрайним заграницным просторам, вернулся в родные палестины, кинулся в ноги власти и возопил: «Простите, окаянного! Я больше не буду!» И простили. Сжалились, видать. Пронял он суровые сердца власти нашей. А как иначе-то? Нам предками завещано: милость к падишим проявлять³.

³ Уточню: Пашка Федоров после недолгой свободы вновь оказался на нарах, но теперь за очередной наезд на одну из коммерческих фирм, близкую по духу власти придерживающим.

Дунькина радость

Железнодорожный вокзал. Зал ожидания для транзитных пассажиров. Их, то есть пассажиров, в этот час и с десятков не наберется. Потому что до прибытия очередного поезда дальнего следования, о-го-го, сколько остается.

Из боковой двери, которая всегда, так сказать, на ключке, появляется женщина неопределенного возраста; на ней – униформа, а голова низко повязана цветастым большим платком и, намеренно громко гремит ведёрками, шумно волочит за собой швабру, по-хозяйски оглядывая вверенную ей территорию.

– И чё не сидится людям, – ворчит женщина вслух, делая ударение в последнем слове на втором слоге. – Ездют и ездют... Вместо шастанья по вокзалам, сидели бы дома да чаи распивали в свое удовольствие... Грязь только разносят. А я... – женщина (опять-таки намеренно) останавливается возле диванчика, на котором одиноко сидит, уткнувшись в глянце-вый журнал, модно одетый молодой мужчина, хотя вокруг все другие диванчики свободны, и начинает размахивать влажной тряпкой, то есть стирать пыль, – гни на вас спину.

Мужчина, ни слова не говоря, пересаживается на другой диванчик и вновь прячет лицо за журнальными страницами.

Дуняшка (вообще говоря, так-то ее называет лишь большое начальство, ну, то есть сам начальник вокзала, а товарки куда проще – Дунькой) прерывает процесс размахивания тряпкой и, вперив глаза в мужчину, громко, чтобы все слышали, спрашивает:

– Напаялил очёчки и, думаешь, все ладом, да?

Мужчина лишь фыркает. А вот в дальнем конце зала девчонки тихо хихикают.

– Прикольная тётка, – говорит одна из них.

Почувствовав одобрительную поддержку зала, Дуняшка продолжает гнуть своё.

– Ты вот тут сидишь, – это она продолжает общаться с мужчиной, – а дома твоя баба скуку разгоняет с твоим дружкой. Как думаешь, им там весело?

Вопрос повисает в воздухе, но Дуняшку это не напрягает.

– Им, – говорит она, – там хорошо... Не то, что тебе, придурку очкастому...

Мужчина буркает так, чтобы другие не слышали:

– Жаловаться буду.

Женщина на какое-то время замолкает. Закончив протирать диванчики, берется с ожесточением и с шумом драить полы. Драит, а сама недовольно крутит головой. Вот она вновь возле объекта своего внимания.

– Не задирай лапы... Свободных мест, чё ли, нет? Чё ты все время мешаешь мне работать?... Тоже мне... жалобщик отыскался... Кому жаловаться-то?

– Начальнику вокзала, – чтобы устроить уборщицу, говорит он.

– Ему? – переспрашивает Дуняшка, потом смотрит на настенные круглые часы, показывающие полдень, и, продолжая елозить шваброй по одному и тому же месту, весело хохочет. – Иди, милый, иди. Ждет тебя, – женщина хитро подмигивает, – в приемной, учти, придется посидеть.

– Занят? – спрашивает мужчина и спохватывается, поняв, что уже втянут в бабий разговор.

– Ишшо как! – восклицает и причмокивает. – Не твой час у него, милый, нет, не твой.

– Не принимает?

– Принимает, да только не таких, как ты.

– А кого?

– Сейчас, – она вновь смотрит на часовой циферблат, – пожалуй, кадровичку.

– Очень кстати.

– Ошибаешься, милый.

– Это еще почему?

– Третий-то в таком деле завсегда лишний, сам должен понимать, – молодежь в другом конце зала опять хихикает. – Драит он...

– Чего драит?

Дуняшка сердито смотрит на мужика.

– Ты тупой, да, бестолочь? Вон, – она кивает в сторону молодежи, – сразу усекли. Не чего, а кого, недотёпа этакий, – женщина быстро-быстро водит туда-сюда шваброй. – Вот так драит, вот так!.. Только стон стоит.

Мужчина хмыкает и недовольно отворачивается.

– Значит, жаловаться решил?.. Ну-ну!.. На кого жаловаться? – ответа не дождалась. – На меня, чё ли? Без таких, как я, в грязи потонут... Без таких, как я, и вождю не выжить, а не только начальнику вокзала с его брысой кадровичкой.

– Причем тут вождь?

– А вождь твой не человек, а? Недавно, хе-хе, пять часов по телевизору заливал мне мозги. И жизнь, говорил, хороша, и жить, говорил, хорошо в его стране.

– Упекут за такое вольнодумство тебя туда, где Макар телят не пас. Взвоешь, да поздно будет.

– Меня? Упекут? И чё? Да с моей-то специальностью везде рай – что тут, что там. Тебе, – она оценивающе осматривает молодого человека, – там, да, будет не лафа. Тюремная роба – не твой прикид. Ну и тамошняя баланда, пожалуй, не по вкусу придется, – она тычет пальцем в раскрытый журнал, где на развороте полуголая блондинка. – И этих тоже не видать, как своих ушей.

Дуняшка, орудуя шваброй с тем же ожесточением, еще долго ворчит на власть, которая дурит таких, как она; на начальство, которое гребет под себя – всё и всех; на народ, который, глядучи на такую жизнь, по-детски радуется, мчась к избирательным урнам, чтобы поддержать либо фронт какой-нибудь, либо партию отчаянных прохиндеев.

– Такие вот мы, – итожит Дуняшка, покидая зал ожидания, размахивая тряпьем и по-прежнему гремя ведёрками. Уже в дверях, повернувшись к жидкой аудитории, добавляет. – Одна мне радость – душевно поговорить с умными людьми... Как вот сейчас... Душа радуется!

А молодежь в след ей теперь уж громко хохочет:

– Крутая тетка!

Это – не аргумент

Начальник налоговой инспекции Загоруйко уж который час нервно шуршит бумагами, которых на его столе – видимо-невидимо. Тут слышит осторожный стук в дверь. В сердцах кричит:

– Да! Входите же!

Дверь осторожно приоткрывается и показывается сначала лишь длинный нос, а потом и все лицо кавказской национальности.

– Вы сказали можно, да?

– Входите же, – недовольно бросает Загоруйко. Отчего же недовольное? Пожалуй, рассчитывал увидеть более привлекательное личико.

Кавказец смущен, но все-таки входит, прикрыв за собой дверь.

– Вызывали, да...

– Вы кто? – не отрываясь от кучи бумаг, спрашивает начальник.

– Я?... Не я... Мой папаша Мурат Бюль-оглы, да...

– Ну и что?

– Вы бумажку прислали. Чтобы мой папаша налоговую декларацию, да, представил за прошлый год.

– Представил?

– Не может, да, товарищ начальник, никак, Аллах свидетель, не может.

– Почему? И какое мне дело до твоего Аллаха?

– Он киллером работал...

Загоруйко хмыкнул:

– Киллер или дилер – без разницы. Положена декларация о доходах – изволь в положенные сроки представить. И нечего тут ходить и отрывать от дел занятого человека.

Лицо кавказской национальности мнется.

– Что еще? Не ясно?

– Ясно, да, товарищ начальник, но его нет...

Начальник прерывает:

– Кого «нет» – киллера или дилера?

– Папаши моего... Месяц назад мы его проводили в последний путь.

– Да? – Загоруйко чешет в затылке и резюмирует. – Положим... И что? Это – не аргумент в его пользу. Мог бы и по пути занести.

– Так... не может...

– Все-все-все! – кричит начальник и вновь берется за шуршание бумагами.

Лицо кавказской национальности, покрутив пальцем у виска, покидает кабинет.

– У начальника, да, не все дома, да...

Рыжеволосая секретарша, усердно накрашивая губы, глубокомысленно замечает:

– Может быть...

Рынок, батенька, рынок

Круизный лайнер плывет по океану. На нем – не меньше тыщи отдыхающих. Народ балдеет, то есть время проводит преотлично, отдыхает так, как только может россиянин, – на полную катушку.

Самуил Гороховский, новый русский из Москвы, – здесь же, плывет бизнес-классом и, разумеется, отрывается по полной программе: днем – на солнце загорает, вечером – в ресторане пьянствует с себе подобными, а ночью – на дискотеке с красавицами балуется.

На этом же лайнере, но экономклассом, плывет и наслаждается своим скромным благом Никанор Овечкин, мужичонка с Вологодчины. Он при оплате тура издержал все свои годами деланные сбережения. Так что ему не до шика. Да ему, собственно, и ничего не надо: солнце – одно на всех, океан – тоже, сервис, понятно, скромненький, однако достаточен, чтобы себя чувствовать человеком, а не свиньей какой-нибудь.

Плывет, покачиваясь на волнах, лайнер. И тут налетел сильнейший шторм. Шторм так трепанул лайнер, что тот раскололся пополам и пошел ко дну... Как тот самый «Титаник».

...Крохотный необитаемый остров. Песчаный берег, пальмы. Лежат ничком двое – Самуил Гороховский и Никанор Овечкин. Им – повезло... Не то что всем остальным... Лежат, в чем мать родила. Впрочем, Никанору повезло больше – он все-таки в трусах-семейниках. Самуил лежит, обхватив мертвой хваткой огромный кожаный саквояж, а Никанор крепко-накрепко удерживает выдавшую виды «авоську».

Никанор очнулся первым. Освободившись от всякой океанской дряни, приставшей к нему, сел.

– Хе! – коротко хохотнул он. – А шторм-то – соображает, знает, кого покарать, а кого помиловать.

Самуил, приподняв голову, сплюнул набившийся в рот песок.

– Ты кто?... Чё тут делаешь?

– Хе! – вновь коротко хохотнул Никанор в ответ. – То же, что и ты.

– Мы одни?

– Похоже на то.

– Значит, я – Робинзон, а ты – Пятница?

– Хе!.. Это мы еще посмотрим, кто есть кто, – со значением произнес Никанор.

Никанор встал, сладко зевнул, с удовольствием потянулся.

– Схожу-ка я и приму ванну.

Никанор ушел, искупавшись, снял трусы, прополоскал, отжал и надел.

– Хорошо! – сказал он, вновь растянувшись на песке. И глубокомысленно добавил. – Не жизнь, а малина.

Тут что-то внутри у Овечкина засосало. Это «что-то» заставило вспомнить про «авоську», небрежно валявшуюся без всякого призора. Развязал. Достал большущий, килограмма, наверное, на полтора, батон домашней колбасы. Хрясть – и, отломив хороший кусок, стал аппетитно чавкать.

Самуил глядел и терпел. Терпел бы и дальше, но голод – не тетка: не выкинешь в окошко. Откидывает защелки на саквояже, раздергивает «молнию», шурша, долго ощупывает рукой.

– Слава Богу, сухо, – говорит он, тем самым пытаясь обратить внимание на себя. – Глянь, – говорит, – что у меня есть.

Никанор взглянул: саквояж-то, оказывается, битком набит «зеленью».

– Каково, а? – спрашивает новый русский.

– Ничего, – равнодушно отвечает Никанор, – много, но... Красивая бумага.

Сидит мужичок на бережку, взирает на безбрежную гладь океана, отщипывает по чуть-чуть от куска колбасы и бросает в рот, медленно и с аппетитом пережёвывая. Бизнесмен смотрит и облизывается: есть уж очень хочется, а нечего. И, сообразив, делает предложение:

– Слышь, мужик, давай играть в рынок?

– Давай, – охотно отвечает мужик из Вологодчины и продолжает жевать. – какое-никакое, а занятие...

Новый русский:

– Почём нынче колбаса, братец?

Мужичок хихикает:

– Цена нынче на рынке зависит от спроса.

– Я куплю, – говорит бизнесмен, – у тебя с полкило колбасы. Сколько просишь?

– Так... это... – мужик чешет в затылке, потом долго смотрит в небо, кряхтит и охает, – ладно уж, – идет на уступку, – саквояж «зелени» – и по рукам.

Новый русский сам чуть не позеленел.

– Сдурел, мужик?! Да, я на эти бабки...

Никанор, ухмыляясь, говорит:

– Попробуй счастья... Рынок, батенька, есть рынок. Он диктует правила игры... Походи, поприценивайся. Может, где и подешевле купишь. Я не против. Я буду только рад, если покупка твоя будет более выгодна, – вологодский мужик все также со значением хохотнул и добавил. – Рыночные отношения, дорогой, ничего другого не предполагают.

Явление романиста

Выражусь без обиняков, без словесных пируэтов всяких разных: раздолбай литератор Жопников, оторва, каких поискать на белом свете. В великие прётся из всех сил. Невыносим с некоторых пор. Для меня... Для других – образец для подражания.

А это стало сильно проявляться с месячишко назад, когда Жорка Жопников стал задумываться очень, морщить чело, не обремененное интеллектом.

Однажды, как свидетельствуют очевидцы, впервые в руках моего героя очутился четырехтомник с романом «Тихий Дон». Книжки понравились ему: весомо; верно, не раскрыл ни разу, однако душа его затрепетала, когда представил, что на обложке золотом выписано не «Михаил Шолохов», а «Егорий Жопников». Нет, это надо видеть!..

– Без проблем, – твердо выразился он. – Не дурнее, пожалуй, буду, – почесав для солидности облысевшую шар-голову, выдал резюме. – Вот сяду за ноутбук и выдам, – еще подумал и добавил. – Название само припёрлось – «Красный Восток»... Или... – опять задумался. – Может, лучше, если назвать «Бурливая Волга»?

Решение этой проблемы отложил на потом.

Он засел за исторический роман.

Сколько времени прошло? Никто не знает. Да и не столь важно для истории: когда историкам понадобится, то, истинно вам говорю, все найдут и опишут.

Главное – стуча по клавишам ноутбука с утра до ночи, высидел, выродил, выпестовал.

Жорка любовно посмотрел на дитё новорожденное, не слишком симпатичное, но все равно родное, и прикинул, подумав: «Ничё, когда под миллион знаков с пробелами? Круто? Нормально. Мишанька Шолохов, оно так, взъярится на меня, примет за соперника, станет пургу гнать, гнобить везде, – он машет рукой. – Хрен с ним, перебьется... Не ему одному... В славе всю жизнь бултыхаться.

Слава Богу, этот самый Жопников не ведает, что бояться конкурента нет смысла, так как тот давным-давно отдал, как говорится, Богу душу.

Чтобы представить себе научнее созданный им продукт, распечатал на принтере. Положил огромную стопку листов на ладонь левой руки, а на ладонь правой – Шолохова.

– Ого! – взвизгнул от наслаждения Жорка. – Моё – весомее.

На другой день выложил на своей интернет-страничке. Сидит и ждет. Читательского наплыва ждет, само собой, комментариев. Ждет-пождет, а никого. Жорка, хмурясь, идет на страничку друга, отправляет личное обидчивое сообщение: чё, дескать, не фурычишь и не комментируешь, а еще, дескать, дружбаном числишься?

Тот всё понял и метнулся тотчас же к Жорке на страничку. С трудом осилив первый абзац, дружбан сплюнул под ноги и подумал: «Хренотень. Блевотина. Офигенное долбоё... И, – он с еще большим ожесточением вновь сплюнул, – дремучая безграмотность».

Но, будучи друганом давним, написал в комментарии другое, а именно: «Шик! Блеск! Красота! Жорка, извини, но ты – гений!!!» Именно три восклицательных знака (ему нравится, когда этих знаков много) поставил, чтобы подчеркнуть свое восхищение романом. Подумав, обратился к своей группе поддержки, состоящей из своих клонов.

Тут-то и полились комментарии, один краше другого. Был такой, что даже издавшего виды Жорку чуть-чуть смутил: клон явно перегнул, когда написал, что у Жорки Жопникова Нобелевка не за горами.

Перегнул, верно, но зато романисту-то как приятно?!

С той поры, задрав нос до облаков, ходит по просторам Интернета классик. Всех подтыкает, над всяким ёрничает, учит молодежь уму-разуму. В том числе и меня, несмотря на то что моя молодость осталась давным-давно за горами и долами. Слушаю, вежливо поддаки-

ваю, благодарю за учебу, обещаю писать, как он (упаси Боже, только не лучше). Потому что, почуяв во мне (пусть даже в мыслях) соперника, затопчет. А мне это надо?

Да... Чуть не забыл: для названия романа-эпопеи Жорка Жопников выбрал (после мучительных размышлений) второй вариант. Что скажешь? Как любил выражаться О. Бендер, конгениально!

Рекорд старого пердуна

Сидит на завалинке дед. Сказывают, что ему много лет – за сто будет. Вышел, чтобы старые косточки погреть на августовском ласковом солнце.

Метрах в пяти от него ребяшня в лапту играть затеяла. Шумят, ссорятся, окаянные, мешают старому думы свои думать.

Тут старый возьми да и дёрни как следует. Почитай, полдеревни грохот слышала.

Один парнишка, не занятый в игре, подбежал и сказал, кому-то из старших подражая: «Нехорошо, дедуль, воздух портить».

Дед, закряхтев, сказал:

«Оно так... конечно... Но что делать, ежели воздуха в нутрях слишком скопилось? Вот и выпустил... Читал в ученой книжке, будто вредно держать дурное в себе».

Подтянулись, прервав игру, другие пацаны. Первый мальчишка, чувствуя за спиной дыхание друзей, вскинув патлатой головенкой несколько раз, строго сказал:

«А мама говорила, что неприлично в общественных местах...»

Дед, взъерошив и без того не видевшие давно расчески мальчишечьи волосы, сказал:

«Эх-хе-хе, милый... Неприлично, но как быть, ежели приспичило?»

Мальчишка, подумав, ответил:

«Не знаю».

«То-то и оно...»

Малыш, вспомнив что-то, спросил:

«Дедуль, а, дедуль...»

«Что?...»

Парнишка тряхнул головой.

«Батянька мне сказывал, что ты на ярмарке рекорд поставил... по этому самому... Правда, али нет?»

Дед усмехнулся и поправил левой рукой жиденюкую сивую бороденку.

«Было такое... давненько уже».

«Расскажи, а?»

«Стало быть, так... Поехал я на ярманку, в район... Чтобы продать лишнее и купить нужное... Ну, вот... Торговли – никакой... Покупатель вялый: интересуется, щупает, а потом обратно кладет... Даже цены не спрашивает. Вот и собрались мужики кучкой и я с ними. Стоим и лясы точим. Значит, время убиваем, скуку разгоняем. Тут кто-то из толпы и дёрнул... Погромче, чем я давеча. Хохот. Один из мужиков возьми и скажи: погляди, дескать, может, портки-то на развал пошли от такого грохота. Черт меня дернул... Взял и похвастался: я, мол, могу и покруче. Все смотрят на меня и не верят. Распалился до невозможности: хотите, говорю всем, пёрну пятьдесят раз кряду? Все замотали головами, показывая, что это невозможно. Вхожу в азарт: давайте на спор, говорю, но только на что спорить будем? Вышел вперед мужик из соседней деревни, хлопнул о земь малахаем: ставлю, говорит, на кон новое тележное колесо (он приехал ими торговать); ежели, говорит, слово сдержишь, – колесо твое, а ежели нет, – тогда... Мужик запнулся, не зная, что с меня запросить. Один из стоявших со мной рядом пришел ему на помощь: коли нет, говорит, – проигравший пари ставит четверть самогона. Ударили по рукам. Только, сказал я, считать без мухлежа... Стали считать... Пятьдесят раз пернул – тютелька в тютельку... Колесо стало моим... Оно и сейчас целехонько, – дед показал суковатой палкой в сторону навеса. – Вон, на крюку висит. Телеги нет, а колесо есть... Так-то вот, – закончив рассказ, вновь потрепал мальчишечьи патлы. – А ты „неприлично да неприлично“... Всё прилично, что на пользу идет...»

Мальчишка упрямо сказал:

«Все равно... Мама...»

«Упрям же, варнак, – сказал дед и легонько потрепал мальчугана за ухо... – Я тоже был... Как-то подхожу к деду (взрослые парни научили) и говорю ему:

*Ну, дедулечка, ну, дед,
Научи меня пердеть:
Если не научишь, —
Пива не получишь*

Ну, дед... хрясь по моей заднице палкой, которая у него была в руке, и пошел прочь.
Вот и я сейчас...»

Дед сделал вид, что, опершись о палку, встает. Пацаны, сделав вид, что испугались, хохоча, – врассыпную.

...Сидит дед: то смотрит на небо, где бело-серыми лебедями с лентой проплывают облака, то в землю, где мураши деловито снуют, то на мальчишек, вновь играющих в лапту. Сидит и греется...

Потасовка

Анька Семенова и Верка Островская – давние и закадычные подружки. Более того, праздники отмечают семьями. Первая – менеджер по персоналу, вторая – руководитель отдела продаж в одной фирме. Обе – молодые и смазливые, обе пытались, как мы говорим, подбить клинья к шефу, но почему-то получили от ворот поворот, хотя шеф не из тех петушков, который равнодушен к своим и очаровательным соседним курочкам.

Как-то так получалось, что девчонки в отпуск всегда уходили одновременно и отдыхали в одних и тех же местах – обычно в Анталии или Кургаде, отдыхали без мужей. На сей счет была у обеих отмазка: надо, дескать, дать возможность мужьям наскучаться без них.

А мужья? Не раз были на наших корпоративах. Видел. Видные такие мужики, так сказать, кровь с молоком, явно есть чем утешить любую бабу. Мне казалось: от своих жен сходят с ума. Так ли на самом деле? Не знаю.

Идиллия у подружек могла продолжаться бесконечно, но в один прекрасный день...

На полдень шеф назначил оперативное совещание. Мы собрались в его кабинете, сидим, а самого шефа все нет и нет. Знаем: начальство никогда не опаздывает, оно всегда лишь задерживается. Ритка Орлова, секретарша, сказала, чтобы не расходились, так как шеф застрял в пробке и вот-вот будет. Мы наслышаны о его этих «пробках». Ждем. И судачим. О чем? Мужики – о футболе или рыбалке, бабы – переминают косточки своим и чужим мужьям.

Они – переминают, а я – сижу и, молча, гляжу в окно. Нет, я тоже мастер почесать языком, но не сегодня. Сейчас – не то настроение: сынулька что-то приболел, даже в школу не отпустил, сказал, чтобы лежал в постели и пил горячее молоко с медом. Сижу и спрашиваю себя: «Исполняет ли, негодник этакий, мои наставления?»

И тут мои мысли о сынульке прерывает истошный визг. По голосу знаю: это – Анька. Что было до этого? Понятия не имею. Но сейчас...

– Сдурела, да? – вопит Анька, обращаясь к подружке. – Как язык повернулся? Да мой муж!..

Верка хладнокровно прерывает:

– Твой муж – лошара необыкновенный.

– А твой, – Анька задыхается от возмущения и не может сразу подобрать слово пообиднее, – лопух развесистый, идиот, которому баба навесила преогромные рога.

– Ну, насчет рогов – не будем, – все также, проявляя олимпийское спокойствие, отпаривала Верка. – У моего всего лишь рожки, а у твоего – развесистые, оленьи. Вспомни, как ты во время прошлого отпуска спала в номере одновременно с двумя турками. Ну, вспомни: хорошо отделали тебя, не так ли? Сама мне признавалась, что тебе сильно понравилось и что ты готова повторить тот же сценарий, но теперь не с турками, а с арабами. Это ты говорила, что у них невероятной величины...

– Ты... Ты... Сучка, что говоришь, а? Если бы знал твой Лёшка, что ты в позапрошлом году каждую ночь меняла ё.....рей, то...

Только сейчас Верка не сдержалась, подскочила к Аньке и вцепилась в волосы. Началась между ними потасовка.

А наши мужики? Нет бы разнять... Они, забыв про футбол и рыбалку, глядят и ржут: получают от услышанной информации и от зрелища удовольствие.

В разгар битвы подруг в кабинете появился шеф. Прошел и сел в свое кресло. Обведя всех мрачным взглядом, бросил в образовавшуюся тишину:

– Все – по местам!

Мы, не ожидая ничего хорошего, теснясь в дверях, кинулись наутек.

К концу дня мы знали, что шеф принял решение: тотчас же уволить обеих драчуний. Они ушли. Я с ними не виделся больше и не знаю о дальнейшей судьбе. Краем уха слышал, что мужья, ни о чем не подозревая, по-прежнему без ума от жен. Значит? Мужья в неведении об истинной причине ухода с работы их любимых.

Душитель

Тарас Григорьевич Кулёмин как-то раз (черт его дёрнул) залез в томик Александра Сергеевича... Того самого... Классика... Нет-нет, не Грибоедова, а Пушкина. И на какой-то странице (он и не помнит) случайно прочитал одну-единственную строчку, ту самую строчку, на которую упал его испепеляюще пронзительный взгляд:

«Души прекрасные порывы».

Судьбоносная строчка. И, главное, Кулёминым понята и прочувствована до конца.

Далее читать не стал. Зачем? На призыв до селе ему совершенно неизвестного Пушкина ответил делом, то есть принялся душить любые прекрасные порывы, с которыми только встречался.

Так и живет Кулёмин: душит себе и душит много лет. Хорошо ли живет? Распрекрасно. Потому что душитель делом всей жизни занят. Стало быть, востребован во все времена.

Кулёмин не одинок. Вообще говоря, россияне поделены на две равные части – на тех, кто душит, и на тех, кого душат. Иной раз они меняются ролями. Так что все в порядке. И для огорчений нет оснований, ибо паритет всегда предпочтительнее, чем чье-либо превосходство.

Безгрешный чиновник

Семен Тертый – ответственный сотрудник аппарата администрации губернатора. И до того ответственный, что не позволяет себе на службе пить, курить и даже шашни заводить. Тяжко ему, но крепится: мимо проходит, вихляя аппетитным задом, длинноногая и голопупая блондинка – сплевывая, отворачивается. От греха – подальше. И только дома, возле жёнушки чувствует себя расслабленным. Свободным, значит, и чуть менее ответственным. Вот и сегодня. Не успел переступить порог родного очага, как жёнушка, протерев руки:

– Проходи, – говорит, – Сёмушка, – потом целует и помогает раздеться. Тут выбегает из детской Ксюшка. Девочка впервые сходила в детский сад. Девочка вздрагивает и жмется к ногам отца.

– Заболела? – спрашивает Семен Тертый свою любимицу.

– Мне страшно, папуль.

– Где страшно?

Хозяин проходит на кухню и садится. Следом приплелась Ксюшка.

– Там страшно, – девочка неопределенно машет рукой.

– В детском саду, что ли?

– Да, папуль.

– Не выдумывай.

– Папуль, я правду говорю... Дедушка Ленин там... стоит... – дочь поднимает глаза на отца. – Он же умер, правда, пап?

– Да, он умер и давно.

– Но воспитательница говорит, что он вечно живой и очень-очень любит детей... Мне так страшно...

– Почему?

– Если он любит детей, как я люблю пирожное, то он может и меня ведь съесть.

– Успокойся. Завтра зайду и скажу заведующей, чтобы убрала с детских глаз это древнее чучело.

Дочь уходит.

– Ну, Сёмушка, обедать будешь? – интересуется жена, гремя посудой.

– Какой еще обед? Днем обедают. А сейчас... Тащи бутылку.

Жена приносит, ставит на стол початую бутылку вина.

– Ты чего? Тут же – язычок смочить, – сердится Семен Тертый. – Давай непочатую... И не с этой мочой...

Жена исправляет ошибку. Семен Тертый наполняет до краев граненый стакан, одним махом опрокидывает.

– Ах, хороша! – восклицает он.

Жена вновь к нему подступает.

– У меня, милый, борщ вкусенький приготовлен. Может, борщом закусишь?

Муж отрицательно мотает головой. Он вновь наливает и также махом опрокидывает.

– Я тебе, любимый, котлеточки пожарила. Может...

– Спятила!? Я не жрать сюда пришел.

Выливает остатки в стакан и опрокидывает. Жена:

– Возьми вот булочку... румяная, с пылу, с жару.

Семена, похоже, проняло.

– Л-л-ладно, д-д-давай.

Он откусывает и тотчас же валится под стол. Долго там шарашится. Потом с трудом встает на четвереньки и возмущенно рычит на жену:

– Т-т-ты что мне з-з-за булочку п-п-подсунула, а? С п-п-первого же п-п-прикуса – с ног в-в-валит!

Последние силы покидают ответственного сотрудника Семена Тертого. Он падает и на кухне раздается могучий храп.

Дамские суждения

1. Кто я такая?

К кому бы я ни подступила с этим для меня болезненным вопросом, все в голос отвечают одинаково:

– Идиотка!

– Но почему?! – восклицательно-вопрошающе произношу тотчас же я.

Подружки – в ответ лишь ржут, как необъезженные молодые кобылицы, а недруги – лишь крутят у виска, намекая, что у меня «не все дома».

Народ, а я отчего-то не согласна. Хоть тресни обушком по башке тут на месте, не согласна.

По утрам, когда гляжусь в зеркало, вижу вполне смазливенькую рожицу с карими большими глазами, по-моему, взирающими умно-проницательно оттуда на меня. Часто ядовито ухмыляюсь, но, клянусь всем святым, умею и мило распускать губки, обычно сложенные симпатичным и аккуратным бантиком, в очаровательной улыбке.

Подружки, когда в хорошем расположении духа и не завидуют мне, снисходят до объяснения:

– Липнешь, – говорят, – с расспросами. Зудишь, – говорят, – и зудишь в ухо. Достоешь, – говорят, – в печенках иногда, – говорят, – сидишь у всех.

Народ, а чего плохого, если я такая настырно-любопытная? Нет, чтобы похвалить... Нет, чтобы одобрительно шлепнуть по округленькой небольшой попке? И сказать:

– А ты, девка, ничего... Приятная во всех отношениях... Хоть спереди, хоть сзади, хоть в анфас, хоть в профиль.

Но нет! Идиотка и всё тут.

Надо бы как-то с этим бороться, да вот беда – средств борьбы не вижу.

2. Женщина должна кому-то нравиться

Потребность кому-то нравиться природой в женщине заложено. Даже тогда, когда она давно отцвела, когда ей давно за... Нет, в эти-то годы особенно. Чем реже мужчины обращают свое внимание, тем острее желание поймать хотя бы мимолетный их восхищенный взор. А если женщина к тому же и услышит из раскрывшихся в улыбке мужских уст комплимент, пусть даже дежурный, – это, если можно так выразиться, круче некуда.

Когда женщина говорит, что она плевать хотела на всё и вся, то она в этот момент, уж поверьте, лжет самой себе и окружающим.

...Тружусь я, если вам интересно, как пчёлка в улье, – день-деньской: потому что помощник нотариуса, которому приходится перелопачивать кучу нормативных актов, а после создавать гражданско-правовые шедевры. Например, завещательные распоряжения. Доход не ахти, но жить можно.

В кабинете нас четверо, то есть трое и плюс половинка. Что еще за «половинка»? На полставки. Шеф, иначе говоря, нотариус, привык считать каждый рубль дохода и расхода, поэтому в штате нет излишеств; посчитал, что для небольшой нотариальной конторы достаточно, если бухгалтерию будет вести человек, принятый на неполный рабочий день, – с восьми до двенадцати.

Кандидатуру на это место шеф отсеивал долго и тщательно. Ну и выбрал... Представил коллективу. Божий одуванчик – ни дать, ни взять. «Точно – за семьдесят» – решила я и не ошиблась. Потом узнала, что пару лет назад Людмила Марковна овдовела.

– Сгорел на работе, – сказала она о муже, поджав при этом тоненькие и сухонькие губки.

Я невольно подумала: «Работящим был...»

Но потом оказалось: Людмила Марковна в слова «сгорел на работе» вкладывала иной смысл; муж-то ее частенько поклонялся Бахусу, из-за того и случился ранний уход в иной мир.

Людмила Марковна с первого дня взяла за правило: являться на работу тютелька в тютельку, ни минутой позже, ни минутой раньше. Как ей это удавалось? Для меня загадка. Я тоже стараюсь: шеф не терпит, как он выражается, расхлябанности. Но мне не всегда удается соблюдать распорядок дня.

Вскоре, наблюдая за Людмилой Марковной, я заметила нечто для меня удивительное. Некий ритуал, что ли.

Половина двенадцатого. Наш бухгалтер, сидевшая прежде будто приклеенная к стулу, встает, подходит к настенному зеркалу и начинает прихорашиваться: приводит в порядок поседевшие и уже поредевшие волосы, поправляет, вооружившись помадой, губы, массирует, чтобы порозовели, щеки, поправляет воротничок наглухо застегнутого платья и одергивает его подол, разглаживая ладонью возможные складочки. Потом возвращается к рабочему столу, берет папку с финансовыми документами, напустив на себя необычайную важность и строгость, исчезает.

Минут через пятнадцать Людмила Марковна возвращается. На ее лице – лучезарная улыбка полного счастья. Я обычно спрашиваю:

– Как шеф? С ним всё в порядке?

Людмила Марковна откликается, но не сразу.

– Он, – говорит она с придыханием и закатывает глаза, – такой у нас лапонька. Скинуть бы мне, – продолжает восхищаться она, – годков несколько, определенно втюрилась бы...

Я умышленно недовольно хмыкаю:

– Тоже мне... В кого тут влюбляться? Маленький, кругленький зануда.

– Эх-хе-хе-хе, – вздыхает Людмила Марковна. – И ничего-то ты, Марго, в мужиках не понимаешь... Поживи с моё и... – она вновь закатывает глаза. – Такой обходительный. Встречает и провожает улыбкой.

Мы понимающе переглядываемся: этой своей дежурной улыбкой он одаривает всех – желанных ему и нежеланных. Но мы не горим желанием разочаровывать ее. Поэтому Людмила Марковна продолжает:

– Какой, право, мужчина! Девчонки, он не забыл про комплимент.

– Интересно...

– Как, – сказал шеф, – вы, Людмила Марковна, сегодня прекрасно выглядите.

В иной ситуации мы бы расхохотались, но здесь, еле сдерживая себя, молчим и киваем в знак согласия головами. Эту фразу мы все выучили наизусть и слышим, сказанную шефом в одной и той же интонации, ежедневно.

Ровно в полдень, не взглянув даже на часы, бухгалтер исчезает. Без нее, этого «божьего одуванчика», всем нам отчего-то становится грустно.

3. Вертихвостка

В соседнем с нами кабинете с недавних пор обосновалась Анька Дроздова. Как и я, помощник нотариуса. Как и я, закончила юрфак универа. Шеф ее взял не за красивые глазки, хотя они у Аньки, в самом деле, прелестны: два небольших вечно сверкающих бриллиантика. Может, глубиной юридических познаний покорила? Сомневаюсь. Соседки мои болтают, что Дроздова – дочь какой-то городской шишки. Папашка позвонил и пристроил. Шеф предпочел бы не брать: все знают, что не любит, как выражается он, «позвоночных». Но обстоятельства иногда выше даже всесильного моего шефа. Соседки вынуждены признать, что шеф, со своей стороны выставляя условия, долго торговался. И не продешевил: первое – это то, что папашка помог нотариальной конторе обзавестись хорошим помещением, почти в центре города, заключив с муниципалитетом договор на аренду на целых 49 лет; второе – заявил, что с Анькой не будет цацкаться и что та станет «пахать» наравне со всеми.

Узнав о новой сотруднице, Людмила Марковна, о которой я рассказала в предыдущей новелле, только многозначительно хмыкнула. Мы поняли ее хмыканье каждый по-своему.

А вчера...

Уже с утра Анька Дроздова забежала к нам. Будто случайно. Присела на минутку, а задержалась на полчаса. Хорошо, что шеф не увидел праздноболтающуюся.

Людмила Марковна все время молчала и не участвовала в нашей болтовне, а только тихо хмыкала. Но вот и она, оторвавшись от сверки годового баланса, подняла глаза, вытянула руки и стала разминать их.

– Мы писали, мы писали. Наши пальчики устали.

Анька, не сдержавшись, хихикнула: молодая, какой с нее спрос?

Людмила Марковна, нахмурившись, проворчала:

– Проживи с мое. А после и хихикай.

Анька попробовала что-то сказать в свое оправдание, но Людмила Марковна и слушать не стала.

– Вот что скажу тебе, девонька: не верти хвостом перед носом шефа! Я вижу все твои ужимки и прыжки.

Это прозвучало так, будто Людмила Марковна ревнует Аньку. Мы заметили и ухмыльнулись, но не Анька. Та, беззаботно болтая стройной ножкой, спешно парировала.

– Почему бы и нет? Я молода, хороша собой... Шеф тоже в самом расцвете сил... Так что... Мне и карты в руки.

Людмила Марковна, такая всегда сдержанная, тут, вспыхнув, выкрикнула:

– Неприлично лезть в постель шефа, понятно?!

– Фу! – воскликнула Анька и встала. – Ваши представления о жизни, Людмила Марковна, настолько обветшали, – Анька взялась за ручку двери, – что от прикосновения распадаются на частички пыли.

В след уходящей Людмила Марковна, уже успокоившись, заметила:

– Не умничай, вертихвостка.

Мне показалось, что теперь мы все Аньку будем за глаза называть не иначе, как вертихвостка.

4. Этот губительный феминизм

Я так считаю: иная женщина – потрясающе ненасытное существо; ей всегда чего-то не хватает; она обычно чем-нибудь да недовольна и обязательно мечтает о большем, остановить её на достигнутом или на том, что уже имеет, невозможно.

...Конец девятнадцатого и начало двадцатого веков. Тогда громко заявили о себе суфражистки – это участницы зародившегося в Великобритании и США политического движения, выступавшие за равное избирательное право с мужчинами.

Заметьте: пока требовали всего лишь допустить к избирательным урнам. В конце концов, добились своего. Могли бы на этом и успокоиться. Но не такие эти женщины. Получив один лакомый кусок, стали замахиваться на другие.

Тогда суфражисток заменили феминистки: произошло плавное перерождение первых во вторых. Феминисткам (а это были уже существа, утрачивающие внешние половые признаки) потребовались и другие права. Феминистки посчитали, что могут управлять государством и заседать в парламентах, вести бизнес, заниматься политикой и даже (о, ужас!), служа в армии, воевать, то есть убивать себе равных, не хуже мужчин.

Посмотрите на сохранившиеся фотографии первой и самой одиозной феминистки России. Я пишу о Марии Бочкарёвой, о командирше женского батальона смерти. Посмотрите и увидите, что это уже не женщина, а самый настоящий мужик. Иной раз хуже мужика, истинный монстр, так как своими жестокостью и фанатизмом легко переплывала первых. По свидетельствам очевидцев, Бочкарёва наливалась кровью, ее глаза стекленели, когда убивала немцев в первой мировой. Ну, ладно, это были враги Отечества. Но она же с невероятной жестокостью заезжала в харю ослушницам, боевым подругам, будто свирепый вах-мистр.

Где же тут хоть какие-то признаки женского начала? Нет их.

Феминистки и двадцать первого века агрессивны до невероятности. Самая яркая сторонница российского феминизма сегодня – это Маруся Ардатова, считающая, что нынешней бабе законный муж вообще не нужен. Утихомирить плоть? Так с этим легко справляются не претендующие ни на что альфонсы, а если на их содержание недостаточны финансы, то пользуются резиновыми игрушками – дёшево и сердито.

В самом деле, бабы теперь сами себя сексуально удовлетворяют, а детей делают из пробирки, без какого-либо вмешательства мужика даже в процесс зачатия. Теперь мечтают о том времени, когда и сперму будут производить с применением органической химии.

В остатке? А незатейливое заявление:

– Все мужики – слюнявистые сволочи!

При этом, засаживая мужика, визжат от удовольствия.

Я себя часто спрашиваю: куда ведут общество феминистки? Не раздумывая, отвечаю: в пропасть, к самоуничтожению человечества.

Феминисток разного калибра вижу вокруг. Они мне неприятны. Дружбу с подобными существами никогда не водила и не собираюсь водить. Я – не воительница с естественными законами природы. Я ни за какие блага не променяю теплую и шершавистую ладонь друга, скупую ласку самого дорогого мне человека – мужа. Я не стремилась и не стремлюсь к верховенству в семье. Я не мечтала и не мечтаю о власти. Я не лезу в дебри политики и о ней предпочитаю не рассуждать, ибо, считаю я, это «епархия» мужчины. Совершенно не вижу себя в роли армейского служивого, поскольку неприятно чинить кому-либо боль, воротит запах потных солдатских портянок, а еще боюсь крови, того больше – мышей. Иными словами, я – обыкновенная женщина и этого мне для счастливой жизни вполне достаточно. Если я не ошибаюсь, такую я своему мужу дико нравлюсь и он, мой муж, рядом со мной

чувствует себя богатырем, способным для меня, внешне хрупкой и незащищенной, свернуть горы. И сворачивает! Это, бабоньки, просто здорово! Перестаньте тягаться со своими мужчинами и демонстрировать им собственную крутизну. Мы живем на свете для другого – для тепла, любви и ласки. Делитесь этим с мужчинами, и вы тоже станете, как и я, бесконечно счастливыми. Попробуйте, и вы убедитесь, что я права на все сто.

Дядюшка (Глазами племянницы)

1. Итоги любовных исканий

– Скажи, дядюшка, – как-то осмелилась спросить я в очередной свой визит, – много ли подружек побывало в твоих руках?

– Как тебе, племянница, сказать... Не считал... А по правде, со счета сбился... Были... Да... Но на старости, видишь, один кукую... Расплачиваюсь за грехи давние... Эх-хе-хе, грехи наши... Ты же знаешь: несколько жен было... официальных.

– А... неофициальных?

– Тоже бывали, – ответил дядюшка и я заметила, как в его глазах забегали искорки веселости. – Были да сплыли.

– Где они теперь?

– Не слежу... Считаю: что с воза упало, то пропало.

– Неинтересно?

– Естественно, – дядюшка замолчал и стал глядеть в окно, где каштан от первых осенних похолоданий стал заливаться оранжевым цветом. – Да... Ошибался... Много раз ошибался. И, что особенно печально, ничему так и не научился. Говорят: умный учится на чужих ошибках, дурень на собственных... А я кто ж тогда?..

Во мне всё бунтует. Хочется опровергнуть, но, сдерживая бабьи эмоции, креплюсь, не возражаю. Вместо этого спрашиваю:

– Назови, дядюшка, хоть одну из «ошибок»?

– Одну?.. Коль пошла такая пьянка, – он ухмыльнулся, – то... Изволь, родная: назову главную. Но сильно не ругай меня, ладно?

Я рассмеялась и пообещала:

– Клянусь, не стану!

– Мое поколение – искалеченное... Такие, как я... С детства много, сама знаешь, читал... Классику девятнадцатого века. А в классике – чувства чисты, можно сказать, стерильны.

– Что-то тебя не понимаю, куда ведешь?

– Послушай и тогда... Как я люблю выражаться, одни охи-вздохи под Луной. Чувства до того невинны, что... С высоты прожитых лет готов спросить: откуда дети появлялись? Не от непорочных в щечку поцелуев же. Спустя годы, понял: русская литература и тогда была разной. Но нас от другой классики ограждали. Да... В классе, наверное, пятом, познакомился с детским изданием Рабле, с его героями – Гаргантюа и Пантагрюэлем. Проходит лет двадцать. Подписавшись на «Всемирную литературу», получаю, в частности, Рабле. Читаю и что же вижу? Герои-то и вовсе не те, которых я знал прежде: охальники отменные. Я имею в виду их отношения с противоположным полом. К чему я все это говорю? Ну, к тому, что вырос я без сексуального воспитания. Поэтому... Ошибался, так как имел извращенные представления о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

– Все равно не понимаю, дядюшка: не ты один, а все...

Дядюшка недовольно прервал.

– Не о других рассказываю, а о себе... Какое мне дело до «всех»?! Чтобы ты поняла, на пальчиках объясню... Знакомлюсь с девушкой. Встречаюсь неделю, другую. Влюбляюсь по уши: вижу одни достоинства и отказываюсь видеть недостатки.

– Романтическая натура, – вставляю я. – Ничего плохого.

– Э, нет, дорогая... Все не так... в моем случае. Я что, втюрившись, делаю? Становлюсь на колени и предлагаю руку и сердце...

– А девушка в ответ...

– От скороспелости моей шарахается в сторону. Нет, чтобы сделать шаг назад, остыть, выдохнуть и начать новое наступление на непокоренную крепость, я, обидевшись, уйду навсегда.

– На что обижался? Неужели думал, что девушка тотчас же кинется к тебе на шею и заверещит на всю округу: «Да-да-да! Согласна! Буду твоей! На вечные времена!»

– Именно! К этому приготовила односторонняя классика. Другого исхода не видел: если влюблен, то следующий шаг, считал я, – женитьба, поход в отдел ЗАГСа. Подобные выходы повторялись из раза в раз. Я искренне считал, что секса с девушкой до свадьбы быть не может. Так случилось, в частности, и с первой моей женой. Через месяц расписались и только, отгуляв свадьбу, случился первый интим – у меня и у нее. Откуда мне было знать тогда, что, несмотря на чувства, возможна сексуальная несовместимость, заложенная, между прочим, в людях матушкой-природой?

– Ошибка твоя, дядюшка, громадная, стратегическая.

Он насупился.

– Не только моя, а и советской власти, – дядюшка вновь отвернулся и стал рассматривать что-то за окном.

– Согласна: пятьдесят на пятьдесят. Однако, дядюшка, став зрелым мужчиной, свое взял... Оторвался по полной.

– Ты права... – он, ухмыльнувшись, добавил. – Правда, кидаться в колени возлюбленной не перестал до самой старости. Чуть что – бац и я вновь на полу. Короче, горбатого могила лишь исправит – такой, племянница, итог моих любовных исканий.

2. Лёлька

Дядюшка (слава Богу, все еще жив) часто вспоминает своих женщин, а их (из тех, который я знаю) пару десятков точно наберется. Признается: охальник тот еще был. Верю ему на слово.

Сегодня, когда по привычке забежала попроведать, когда почаёвничали, старик, откинувшись на спинку стула, зажмурившись, в очередной раз начал «исповедоваться».

– В «Одноклассниках», – всем своим видом изображая недовольство, забурчал он, – нарисовалась... – я во время пауз ни о чем не спрашиваю, потому что знаю: бесполезно. Больше того, что захочет, не скажет. Клещами из него не вытянешь лишнего. – Лёлька, стерва такая, – дядюшка так называет Ольгу, вторую свою официальную жену. – Как-то отыскала... Удумала... В качестве аватарки выставила фотку... Фотке-то без малого пятьдесят годков... Красотка... Была... Сейчас, пожалуй, стала другой: страшненькой... Как и я...

Насчет себя дядюшка явно преувеличил: выглядит, не смотря на груз прожитых лет, хорошо; молодые бабульки все еще косят блестящий глаз в его сторону.

– Ну, – продолжает он, – обменялись парой-тройкой сообщений. Понял: опустилась туда, откуда ее когда-то я вытянул за шкурку, – хочется спросить, а молчу. Жду терпеливо продолжения. – А когда-то, – на лице появляется счастливая улыбка, – ею гордился... За плечами у нее – только семилетка... так с нею и осталась. Но, – дядюшка поднимает вверх указательный палец, – через пяток годков совместной жизни затыкала за пояс всех, даже с дипломами... Эрудиткой стала... Линотиписткой была... в типографии... Наберет текст, говаривали опытные корректора, так, что после нее проверять – пустая формальность... Гордился... Про жену же говорили...

Пауза. Дядюшка светится: воспоминания ему явно доставляют удовольствие.

– Ха! – коротко смеется он. – Прихожу, бывало, в типографию, а тамошние бабоньки ахают да охают: откуда, дескать, и что берет девка? Провела, мол, в коллективе политинформацию, разъяснила нам, дурам набитым, что есть социализм по-французски. Те коммунисты, сказала, отличаются от наших тем, что на дух не принимают диктатуры пролетариата, что не на словах, а на деле за свободу слова, печати, собраний и митингов, что противники вождизма, что мечтают построить общество, в котором, как в роскошном букете, найдется свое место каждому цветку... Слушаю я все это и млею... Приятно... – дядюшка опять смеется. – Правильно говорят: с кем поведешься, того и наберешься... Так-то вот, разлюбезная моя племянница.

Соглашаюсь опять: рядом с такими, как мой дядюшка, дур не было, нет и быть не может. Оттого, пожалуй, и доживает свой век в одиночестве. Тяжело таким в личной жизни. Редко, когда встречаются умную бабу, которая бы понимала и относилась снисходительно даже к чудачествам.

– Да... уж, – произносит свое любимое словосочетание, ставшее таковым после первого же просмотра фильма «Двенадцать стульев». – Была Лёлька умницей и не стало. Вернулась туда, откуда, – он еще раз повторил, – я ее вытащил за шкуру. Дура дурой теперь... Не может умная баба прятать свою внешность за изображением полувековой давности... Не может!..

Я обнимаю дядюшку и целую в гладко выбритую и надушенную запахами Франции щечку. Мы расстаемся. Через неделю, а то и раньше, вновь забегу на минутку.

Признаюсь: обожаю дядюшку. Сильнее, простите меня, отца родного.

3. Ему респект и уважуха

Поручив Серёженьке, мужу своему, совершить вечерний моцион с Настюхой, пятилетней нашей озорницей-дочуркой, решила сбегать к дядюшке, попроведать. С неделю, наверное, не была. Звонила, однако... Дядюшка не из болтунов и обычно отделяется короткими шуточками. На душе спокойнее, когда увижу своими глазами, что со стариком всё в порядке.

У дверей трижды нажала кнопку звонка. Открыл тотчас же, будто ждал: то ли увидел меня через кухонное окно, выходящее во двор, то ли интуиция указала на факт моего приближения.

Обняв и чмокнув дядюшку в шершавую щеку, прошла на кухню. Поставив на стол трехлитровую банку, присела. Дядюшка подошел, близоруко осмотрел со всех сторон.

– Полнёхонька, – сказал он и сердито (я-то точно знаю, что его сердитость напускная) спросил. – Сдурела? Деньги, что ли, лишние завелись? Зачем тратишься? Муж-то вряд ли одобряет этакую транжиру.

– Какая же я транжира, дядюшка? Совсем нет. Просто: захотелось побаловать тебя...

– Избалуеть, приучишь... Будет плохо... Как после жить-то?..

– Перестань, дядюшка, – я нахмурилась, будто обиделась. – Медок свежий, настоящий. Пасечник, у которого беру, надежный. В твоём возрасте такой медок вдвойне полезен.

– Не напоминай про возраст, – укорил дядюшка и даже отвернулся.

– Обиделся? Ты что? Чай, – это его любимое с недавних пор словечко, – не красна девица.

– Все равно... Старость, чай, не радость... Для всякого... Насчет мёда, то... я и сам в состоянии...

Я позволила тут прервать.

– О чем речь, дядюшка?! На твою, извини, вшивую пенсию?..

– Кстати, – он ударил себя в грудь, – максимальная. Как у большинства...

– Твоя максималка, дядюшка, – смешная.

– Какая есть, племянница, на ту и живу. По одежке, как говорится, привык протягивать ножи. По миру не хожу, в долги не залезаю, в жилетку никому не плачусь, – присев напротив, ударил ладонью по столешнице. – Одним словом, нормально живу.

– Нормально?! – переспросила я. – Нормально, когда пенсионер, имея за спиной сорок два года непрерывного и безупречного трудового стажа, отдав всё лучшее обществу, перебивается с рубля на рубль и вынужден экономить на всем, в том числе и на своем здоровье? Нормально, говоришь, когда власть одной рукой прибавляет твою пенсию на триста рублей, а другой рукой тут же, через повышение тарифов на коммуналку, допустим, отнимает шестьсот? Может, пойдешь и расцелуешь эту власть за то, что ты не умираешь с голоду?

– Ну, племянница... Целоваться с властью я не буду... Непривычно... Да и противно... Оставляю это занятие другим... Тем же ура-патриотам, живущим мечтами чем-либо поживиться с барского стола.

Я встала:

– Вот за это тебе, дядюшка, как выражается молодое поколение, – респект и уважуха, – легонько погладив старика по стремительно редющим волосам и еще раз чмокнув в щечку, припустив пафоса, который, мне думается, в данном случае вполне уместен, добавила. – Гордый человек – сильный духом человек и ты у меня именно такой.

– Чай, подзагнула, племянница?

– Ни на грамм! Что же касается власти, – добавила я, – то... Пусть идет далеко и надолго.

И мы, не сговариваясь, одновременно рассмеялись.

4. Конкурент

Столь терпеливого и благодарного слушателя, чем я, пожалуй, у моего любимого дядюшки никогда не было. Заскочила, вот, опять же на минуту, а засиделась на час.

Сидим вдвоем. Пьем чай. Разговариваем. Не про политику, которой дядюшка отдает предпочтение, а я же, напротив, терпеть не могу, поэтому увожу в сторону, подальше от политических склок и свар.

Хватило ума (баба и что с меня возьмешь?) ни к селу, ни к городу ляпнуть:

– Дядюшка, поклонник у тебя, думаю, хватало... На виду всегда был.

– Хм, – дядюшка отправил в рот печенюшку, запил чаем и только после этого заметил. – Как тебе сказать...

– Скажи, как было.

– Было дело... Когда-то... Не пообижусь. Особенно, когда с молодежью работал... Да.. Я ведь, сама видишь, не из тех... Судьбой обделен.

– Скажешь, – я покачала головой.

– В том смысле, что, – он поспешил с уточнением, – комплекции... не то, чтобы... Ростом тоже не на зависть... В годы моей юности качаться как-то не в моде считалось. А девчонки, как прежде, так и нынче, гренадерской стати парнишек предпочитают.

Я заметила:

– Не телом богат мужчина, а мозгами и духом.

Дядюшка, рассмеявшись, подмигнул.

– Всё правильно, а сама? Вон, какого крепкого мужичка выбрала.

– Само собой получилось... Специально не выбирала...

– Гм... Все говорят... Значит, вот так... Конкурировать приходилось... Часто...

– Чую, обставлял конкурентов?

– Врать не стану: бывало... Вот случай такой...

– Это после какой женитьбы?

– После первой, племянница... Когда в разведенных какое-то время ходил... Вот... Познакомился с девчушкой: ей восемнадцать, а мне двадцать семь. Валюшкой звали. Белокурая, круглолицая. На лбу – чёлочка, в серых глазах – поволока. Спокойная. Вечно задумчивая. Штукатуром-маляром работала на стройке. После строительного училища. Словом, как говорит нынешняя молодежь, зацепила. Крепко. Думал, что навсегда... Да... Не о том речь... Знаешь, спортивный интерес зажегся после того, как узнал, что у Валюшки парень есть. Мастер спорта по вольной борьбе, между прочим. Призер чемпионата России. Так сказать, не мне чета.

– Почувствовал конкурента и...

– Особенный азарт проявился. Захотелось щелкнуть по носу соперника.

– Как, удачно?

– Нормально... Увел девчонку... Оставил на бобах борца. Только между нами, племянница: у Валюшки-то я стал первым мужчиной... Ну, понимаешь?..

Я рассмеялась:

– Трудно не понять.

Дядюшка вздохнул.

– Такие мои дела.

– Испортил девчонку и – в кусты?

– Думал жениться... после того, как всё случилось, однако не срослось.

– У Федорки – всю жизнь отговорки.

– Да... нет... Планировал серьезно.

– Что могло помешать? Может, первый сексуальный опыт пришелся девчонке не по душе?

– Вроде, все было в порядке... Мы еще долго встречались, с полгода, а потом... Не предупредив даже меня, исчезла.

– Как исчезла?!

– Обыкновенно... Тайком уволилась и испарилась.

– Странно. Не пробовал искать?

– Обиделся за ее выходку... К тому же времени тогда не было, чтобы дела сердечные решать.

– Осуждаю, – вынесла я вердикт.

– Не больше все равно, чем я. Хотел бы найти... Хотя бы встретиться... Поговорить... Спустя почти пятьдесят лет, услышать, почему так поступила.

– Что мешает? В Интернете...

Дядюшка сердито прервал.

– А, ерунда! Пробовал... Ни черта! Все говорят: кого угодно можно в Интернете найти. Я пошел и... фиг вам. Более того, племянница: даже друзей юности, с которыми потерял связь, не могу отыскать, а что говорить про женщину, которая могла несколько раз поменять фамилию?

– Да, тяжелая история, – сказала я и стала собираться домой, где меня ждали, в отличие от дядюшки, любимый муж и дети.

Правда подкосила

В райкоме КППРФ идет заседание бюро. У плотно прикрытых дверей стоят и волнуются – Михаил, Ефим и Семен: их сегодня должны принять в члены. Все – прохиндеи еще те. Им эта партия, если честно, – как корове пятая нога. Однако... Уж очень хочется стать авангардом, то есть стать тем, у кого шансов выбиться наверх невероятно много. А выбившись, будут близки к госкормушке. Желание естественное и понятное каждому российскому человеку.

Томление, похоже, закончилось.

Первым проскальзывает в заветный кабинет Михаил. Через пару минут он возвращается – лицо так и сияет. Доволен, значит, и счастлив.

Ефим и Семен – к нему.

– Ну и что?

– Как там?

– Все отлично! Приняли!

Ефим и Семен продолжают любопытствовать:

– А что спрашивали?

– Трудные, поди, вопросы?

– Да, разные.

– Например! – Вскричал один.

– Например! – Вскричал другой.

– Спросили, кто был мой дед... До пролетарской революции.

– А ты что?

– Правду сказал...

– А именно? – Настаивает Ефим

– Ну... Сказал, что... Мой дед владел заводом. Ну, не таким огромным заводом, как, допустим, «Уралмаш», а маленьким-маленьким сахарным заводиком. Меня похвалили за правдивый ответ и приняли единогласно.

Тут и Ефима, второго, пригласили за заветные двери. Вернулся тоже быстро. К нему с расспросами, что да как? Ефим охотно стал делиться:

– Спросили, каково же мое социальное происхождение? Понял сразу, куда удочку закидывают. Принял стойку, то есть насторожился. Прямо и выложил: дед, говорю, до революции владел магазином; не таким огромным, как центральный универмаг в Москве, а маленькой-маленькой лавчонкой.

– Ну и что?

– Приняли! Вы знаете, единогласно!

– Да, – тяжело вздохнул третий, Семен, значит, и взъерошил редкую растительность на затылке, – правильное – говорить правду, – и скрылся за дубовой дверью.

Этот почему-то долго не выходил. Михаил и Ефим вконец изволновались. Появился наконец-таки Семен.

– Меня тоже единогласно, – грустно сказал он и чуть не заплакал, – не приняли.

– Но почему же, почему?!

Семен покачал головой.

– Не знаю. Я сказал им сущую правду. Как и вы, но... Как и вам, задали тот же вопрос: кем, мол, был мой дед до пролетарской революции?

– Ну и что? – Спросил, затаив дыхание, Михаил.

– Уж не ляпнул ли, что был белогвардейцем? – Спросил, покачивая головой, Ефим.

– Я ответил: мой дед владел в Пензе бардаком. Ну, не таким большим бардаком, какой царил в Советском Союзе семьдесят лет, а маленьким-маленьким бардачком... И что райкому КПРФ не понравилось в моих словах – ума не приложу.

В самом деле, в правде-то иной раз и скрыто главное коварство.

Утешил

Похлёбкин с Похмелкиным – односельчане, к тому же дома рядом. Соседи, получается. С детства. Заскакивают на минутку друг к другу. Чаше Похмелкин, чем Похлёбкин. Потому что у того потребность возникает каждым субботним утром – традиция.

Вот и сегодня. Только-только Похлёбкин петух оторался, возвещая деревне о наступлении нового дня, как на пороге – он, Похмелкин, стало быть.

– Привет, соседушко! – излишне бодро выкрикнул Похмелкин. Не дождавшись чего-нибудь ответного, прошел вперед, к столу, сел и сложил руки на коленях. Жена Похлёбкина, баба неприветливая к таким гостям, покосилась, хмыкнув, отошла к печи, где неоправданно демонстративно загремела посудой.

В молчании прошло минут пять. Мужики сидели по разные стороны стола и смотрели друг на друга.

Паузу оборвал все-таки гость.

– Вчерась, слышь-ка, всенародный праздник труда был.

– Это, понимаете ли, не повод, – по-свойски проворчал хозяин, – по утрам шляться.

– Радуйся, слышь-ка, соседушко...

Похлёбкин проворчал.

– Радости, понимаете ли, полные штаны.

– Радуйся, слышь-ка, соседушко, – упрямо повторил Похмелкин и закончил присловьем. – Ранний гость, слышь-ка, – до обеда.

– Утешил, понимаете ли... Чего приперся в такую рань-то, а?

– Так... это... Сказал: праздник вчерась, слышь-ка, был.

– Набуздырялся, понимаете ли? – коротко хохотнув, несколько злорадно спросил Похлёбкин.

– И, слышь-ка, хорошо так... Теперь, – он постучал кулаком по башке, – трешшит-гудит. Будто тыща чертей шабаш устраивает... Может... Это... Слышь-ка, найдешь чего-нибудь, а?

Похлёбкин отрицательно мотнул головой.

– Э, милый: такое добро, понимаете ли, и у меня надолго не застаивается.

– Да?... Беда, слышь-ка... Значит, не полечишь? По-соседски...

– Нет.

– Жаль... Ох-хо-хо... А головёнка-то трешшит... Может, слышь-ка, плеснешь хоша бы капустного рассольчика? Хороший у тебя рассольчик... лечебный...

– Тыщу раз говорил: наваристая и густая, на мясном бульоне похлёбка – вернейшее, понимаете ли, средство борьбы с главным мужицким недугом. Выхлебаешь чашку – как рукой снимет. Может, налить?

Похмелкин резко отрицательно замотал головой.

– Не хочу! Не надо! Дай лучше рассольчика и поболе.

Похлёбкин принес полнёхонький литровый ковш и поставил перед гостем. Тот дрожащими руками схватил и одним махом выпил. Облизнувшись, крепко крякнув, встал.

– Хо-ро-шо!.. Я, слышь-ка, пойду, что ли... Баба, пожалуй, обыскалась.

– Иди с Богом. Но насчет похлёбки все-таки подумай, понимаете ли... Не в пример полезнее.

Чувак-эсэмэсник

12.56. Начало Его очередного утомительного дня.

Не успел как следует продрать шары и по-настоящему стряхнуть с себя сонливость, а рука долговязого и белобрысого любимца маменьки автоматом уже тянется в сторону прикроватной тумбочки, где лежит скучающий без работы навороченный смартфон, подарок на его недавние именины, подарок динозавров-предков.

Чувак-Димка набивает эсэмэску: «Привет. Как. Классно оторвались». Отправляет. Ждет. Получает ответную эсэмэску от своей чувихи-Ритуськи: «Круто». Он: «Повторим». Снова отправляет.

Это его решение или предложение? Скорее, второе. Почему нет вопросительного знака? Объясню: Димка слывет среди своих грамотеем и про существование восклицательных, вопросительных и прочих знаков знает, но, когда эсэмэсит, ленится и не выбирает, поэтому ограничивается лишь точками. Другие (та же Ритуська не заморачивается) не опускаются и до такой малости, как точки. Понимают друг друга и этого, считают, достаточно.

Через минуту приходит ответ: «Без проблем Где и когда». Димка отвечает: «Вечером проэсэмэсю». Ритуська присылает: «Заметано».

Всё также лёжа в кровати враспяжку и перебирая пальцами ног, сначала Димка долго эсэмэсит с дружком, потом доходит и, как он говорит, до мамуси. Набивает: «Мамусь. Не забудь про скорую сессию. Со мной все в порядке. По ночам оттягиваюсь по полной».

Отэсэмэсившись, Димка неохотно сползает с кровати, долго зевает, потягивается и упёрто смотрит на будильник. Чем сейчас забита его башка? Про занятия в универе, где он уже на четвертом курсе, вспомнил и куда проспал? Вот еще! Не болит голова у дятла: мамусик прилетит, порешает его проблемы с проректором и «уды», как минимум, в зачётке появятся. А больше ему без надобности. А диплом? Не красный, но будет... Какие проблемы?

14.28. Разгар Его столь напряженного дня.

Димка сидит в кафешке, что неподалёку от его «берлоги». С пристрастием, поэтому медленно, изучает меню. Потом подзывает официантку.

– Ты... это... ну... форель заливную, суп-харчо по-кавказски, отбивную из телятины, кувшин пива.

– Простите, – напоминает официантка, – котлету придется подождать... минут сорок.

– Без вопросов... Спешить мне некуда: вся жизнь – впереди.

Димка попытался шлепнуть официантку по аппетитной заднице, но та успевает увернуться.

Сидит, потягивая пиво, и эсэмэсит между блюдами.

21. 47. Закат Его трудного дня.

В руках – любимец-смартфон. Чувак набивает своей чувихе: «Приветик. Еду на своей тачке. Через пять минут буду». Получает ответное сообщение: «Куда едем». Димка эсэмэсит: «В ночнушку. У озера». Что в переводе означает: «В ночной клуб «У озера». Ритуська: «Не потрахаться ли перед тем как». Димка проэсэмэсил в ответ: «На обратном пути. Встанем на подзарядку». Ритуська тотчас же эсэмэсит: «А если до и после». Димка охлаждает разгорячившуюся чувиху: «Многого захотела. Мозоли набьем».

...Завтра будет другой день, ничем не отличающийся от сегодняшнего. Послезавтра – тоже... И вся последующая жизнь Димки-эсэмэсника и его чувихи-Ритуськи.

Свидание с прошлым

И вот, спустя годы, за которые много воды утекло, я заглянул в поселок городского типа... В тот самый, из которого некогда, сломя голову, утёк. Сбежал, потому что стал задыхаться от удушливой провинциальной атмосферы, задыхаться от дефицита интеллектуальной жизни, точнее – от ее полнейшего отсутствия. Тогда еще был молод и всерьез опасался, что, погрузившись в болото духовного опустошения, утону в нем с головой, стану, как всё, что окружает меня: нажираться по вечерам, как свинья, приползать домой чуть-чуть тепленьким, в порыве скуки драться с женой или перемывать косточки кому-либо из соседей.

...Электричка, заскрежетав, стала сбавлять скорость и остановилась. Вышел на перрон. Он, как и тогда, много лет назад, в колдобинах. Вошел в здание вокзала, построенного еще до февральской революции семнадцатого года и не видевшего с той поры капитального ремонта. Огляделся. Все, как прежде: обшарпанные, с надписями диванчики, слева полупустой киоск, торгующий печатной продукцией, а справа, как и тогда, буфет с черствыми пирожками и пивом недельной свежести; под ногами шуршат обертки от конфет, которыми усеян пол зала ожидания. Вышел на привокзальную площадь. Осмотревшись, убедился: и здесь все, как встарь. На грязных ступенях крыльца трое забулдыг роются в карманах, пробуя отыскать хоть какую-то мелочь на стакан бормотухи, которой в достатке в железнодорожном ресторане, занимающем по-прежнему правое крыло вокзала.

Содрогнувшись, подумал: «А ведь я мог быть одним из них».

Проехал «ПАЗик», оставляя за собой всё ту же серую пелену пыли, всё также страдая от ветхости, а потому и скрежеща, будто жалуясь и плача, всеми частями кузова.

Застывшая мертвечина – везде и во всем. Бури, пронесшиеся над Россией, не затронули пьяную провинцию. Поселенцы, похоже, свыклись, срослись с такой жизнью и о другой даже не думают: им больше по нраву такое скотское существование, в котором вся жизнь делится на отрезки – от одного стакана какой-нибудь гадости и до другого стакана или аптечного «фуфырика».

Ужас!..

Вздохнув, пошел от вокзала в сторону видневшихся брусчатых, почерневших от непогоды восьмиквартирных домов. В одном из них, на втором этаже проживал когда-то мой приятель. Живет ли ныне? Может, на кладбище обосновался? Сколько, дай Бог памяти, ему? На двадцать два года старше... Значит? Восемьдесят с гаком. Провинциальный мужик столь долго нынче не живет. Пожалуй, не увижу.

Приятель – интеллигент. По местным меркам, разумеется. У него – сокровище-библиотека. Представлена вся русская и зарубежная классика. Но предмет особой его гордости (во всяком случае, так было в давние годы) – издания, которые, так или иначе, касаются Пушкина. Впрочем, не только: собирал марки, значки, открытки, картины, посвященные поэту. Иначе говоря, заядлый пушкинист.

Вот этот дом. Во дворе, пыльном и почти безжизненном, на лавчонке одиноко сидит старушка. Узрев незнакомца, прикрыв ладонью глаза, как козырьком, стала пристально и с любопытством разглядывать.

Подошел. Поздоровался. Из-под лавки выползло лохматое, в репейнике существо и, оскалившись, заворчал на меня. Старушка молча двинула собаку ногой и та тут же, не ожидая следующего пинка, повизгивая, нет, не от боли, а от обиды, спряталась под лавкой.

– Когда-то в этом доме жила семья Лавреневых... Живут ли сейчас? – спросил я у старушки.

– Куда денутся, – кивнув, откликнулась старушка, – живут... Сама-то бойкенькая еще, по магазинам летает так, что мне и не угнаться... Сам-то редко выходит на улку... Будто,

ноги пошаливают... Укатали Сивку крутые горки... Да... А был орёликом... Бывало, ни одной девки не пропустит: всё норовит под подол залезть.

– У них еще дочь была...

– Есть... Да-да... Не с ними она... То ли в Сочи, то ли в Одессе живет... Замужняя... Навещает родителей... Редко... Были сами-то помоложе, ездили каждое лето к дочери. А теперь... Куда уж?! Присмирели оба... Из дома – никуда.

Я спросил:

– Выходит, дома Лавреневы?

– Она-то – нет. Минут двадцать, как улепетнула. За продуктами, пожалуй, потому как с кошёлкой. Дениска? Выходит, дома, – поблекшие глаза старушки вновь устались на меня. – В гости, что ли? – я кивнул в ответ. – Кажись, не из наших... Издалёка ли?

– Из Екатеринбурга, – ответил я и усмехнулся: не могла старушка, рассказав все о Лавреневых, не повыспрашивать и у меня.

– Из Свердловска, если по-нашему, – она закивала. – Ясненько... Понятненько... Не из наших ли будешь, а?

Я отрицательно мотнул головой.

– Нет... Но несколько лет жил...

– А-а-а, – протянула старушка. – Не вместе ли с Дениской работал?

– Вместе. Правда, недолго.

– Ну-ну-ну... То-то, гляжу, и вроде как признаю... Видала... Признаю... Помню...

Опять подивился памяти поселковых. Заметив, что нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу, старушка пришла на выручку.

– Иди-иди... Порадуй Дениску... Примет... Оно, конечно, не так, как прежде... Тогда-то о-го-го, как гулял: дым коромыслом и на неделю... бывало... Ныне... Куда там?... Только – чай, да-да, исключительно чай... Свое Дениска уже выпил.

Не сумев скрыть удивления, спросил:

– Не потребляет? Нет-нет?

– Ни в рот! Ни маковой росинки!

Я улыбнулся.

– Тогда – обойдемся и чаем.

– Да уж придется... А меня, неужто, не признал?

– Нет, – честно признался я. – Разве встречались?

– Как же!.. Я вспомнила... В один день даже сильно полаялись. Помнишь? Нет?

– Нет, – опять был вынужден признаться.

– Дырявая, гляжу, у тебя башка, честно сказать, никуда негодная. А я – помню. Критику навел, ну а я – взбеленилась. Прибежала в редакцию и с порога спустила на тебя всех собак... Отвела душу и угомонилась сразу.

Я в нерешительности заметил:

– Не помню, чтобы я с кем-то лаялся.

– Ясное дело, – старушка кивнула, – ты молчал. Это ведь я в прежние времена любила пособачиться... А статейку ту храню: какая-никакая, а все-таки память. Той-то газеты нет... Сейчас – «Вести». В Москве – свои «Вести», у нас – свои. Все, как в столице, – старушка коротко хохотнула, – только дома пониже да асфальт пожиже.

Я зачем-то спросил:

– А телевизор хоть показывает? Или, как в прежние времена, одни силуэты?

Старушка, поджав губы, серьезно ответила:

– Одинаково.

– Трудно смотреть, – посочувствовал я.

– Пообвыкли. У кого – «тарелки», получше кажет.

– И понимаете, что показывают?

– Как же... Понимаем... Где глазами, а где догадкой.

Я вошел в подъезд дома. Поднялся по шатким и скрипучим деревянным ступеням на второй этаж. Вот и дверь квартиры №8. Все тот же дерматин, которым обита дверь, все та же большая круглая кнопка звонка. Нажал один раз, а потом и второй.

– Кто такой торопливый? – услышал я сначала знакомый (кажется, совсем не изменился с годами) голос, а потом и шаркающие шаги хозяина.

Дверь открылась, и я увидел Дениса. Он сильно изменился: передо мной стоял сморщенный и сгорбившийся старичок, под глазами – синюшные мешки, свидетельствующие о проблемах с печенью.

– Ты?! Откуда? Не с неба ли?.. Ну, проходи, – прикрывая за мной дверь, заметил. – Давненько... Очень-очень давно глаз не казал... Понятно, – он не упустил возможности съехидничать. – Мы – кто? Провинция! А вы там? Столичные... Крутые и продвинутые... Мы же... Темень-темнота.

Снимая пиджак и вешая на деревянный крючок, сохранившийся с древних пор, я возразил:

– Не прибедайся, Денис... Все ёрничаешь, да?

– Проходи в гостиную, а я чай поставлю.

Хозяин медленно и осторожно зашаркал в сторону крохотной кухоньки и стал шебаршить посудой.

И вот на круглом и стареньком, как и сам хозяин, деревянном столе – пыхтящий паром чайник, сахар, домашнее печенье. Сидим напротив друг друга и вспоминаем. После второй чашки Денис, разглядывая меня, заметил:

– А тоже постарел, – и закачал седенькой головой.

– От этого – никуда, – сказал, усмехнувшись, я и стал размешивать в чашке комки сахара, Потом, кивнув на стеллажи, занимающие две стены снизу доверху, добавил. – Сохранил. Я боялся, что...

– Что пропил? – Денис хрипло хохотнул.

– Не библиотека, а сокровище... Жалко было бы, – я вздохнул, вспомнив, как Денис при каждом очередном затяжном запое хватал книгу и продавал за бесценок, чтобы только опохмелиться.

Денис понял мой вздох.

– Не пью... И давно.

– Уже наслышан.

– Откуда? Кто насплетничал?

– Мало ли, – неопределенно ответил я, не желая выдавать говорливую старушку-соседку. – К тому же не сплетня, а правда.

– Ненавижу! Сидят днями во дворе и чешут, чешут своими погаными языками... Еще о чем тебе успели рассказать?

– Ничего плохого... Другим, говорят, стал.

– А, помнишь, я говорил: потреблю свою норму и завяжу.

– Как не помнить!

– Ты не верил, помнишь? Трепотней называл.

Я засмеялся.

– Так ведь, как ты говорил? Выпью цистерну и – все.

– Ха-ха-ха! Такая норма.

– Можно ли, будучи в здравом уме и твердой памяти, поверить, что ты одолеешь такую «норму»?

– Осилил-таки, скажи? Уже сколько лет и ни грамма. Даже в большие праздники. Так что, извини, что сидим всухую.

– А чай?

– Не как прежде... Впрочем, ты и тогда не шибко-то баловался.

Я заметил:

– Жена, наверное, не нарадуется.

Денис фыркнул.

– Как бы не так! Все равно зудит над ухом. Правда, по другим поводам... Находит... Никак не уgomонится. В крови у баб...

Сделав пару глотков горячего и запашистого чая, решил спросить:

– В прошлом, помнишь, ни одной бабы не пропускал...

– Было, да быльём давно поросло.

– Так-таки и с этим завязал?

– Все оставил там.

Попытался опять пошутить, но, кажется, неудачно:

– С любовью кончены все счета?

Денис посмотрел мне в глаза и грустно вздохнул.

– Знаешь, о чем я думаю?

– Пока не скажешь – не узнаю.

– Камер-юнкеру Пушкину бы хорошую жену! – какой резкий в разговоре поворот, но это не удивительно: он на своего «конька» не мог не вскочить.

– И что тогда?

– Прожил бы долгую и счастливую жизнь... И написал бы еще много замечательных вещей.

– Натали он любил, – заметил я.

– Да, любил...

– И волочил за двумя десятками других.

– А она?! – Денис недовольно и осуждающе хмыкнул. – Хвостом крутила! Ревность в муже вызывала... Из-за нее он погиб, из-за нее!

– Это – твое мнение.

– Не только! Это мнение многих исследователей жизни и творчества Пушкина, – Денис покачал головой и добавил. – Не повезло гению.

– С судьбой не поспоришь.

– Возможно... Но неудачников все равно больше.

– Удачлив тот, кто за ценой не стоит...

– Любовь – бесценна, – Денис вздохнул, – особенно, если верная, взаимная. Нет такой цены, которой бы не стоило пожертвовать ради счастья любить и быть любимым.

Вечерней электричкой я уехал. Прощаясь, Денис спросил:

– Увидимся ли?

Мне не хватило мужества солгать, и я честно, глядя в его потускневшие глаза, с грустью признался:

– Вряд ли...

Крутая динамистка

Астафьев и Корепанов вернулись к себе в половине седьмого вечера. Они поднялись на третий этаж, приблизились к двери кабинетки, но оттуда доносился дикий мужской хохот. Астафьев чертыхнулся в сердцах.

– Черт, что им надо? Все еще на работе торчат. Думал, что их след давным-давно простыл, – он обернулся к сопровождению. – Одну минуту... подождите здесь, – он вошел. – Что вы тут делаете? – спросил он находившихся в кабинетике. – Не пора ли по домам?

Капитан Осипов, взглянув на недовольное лицо майора Астафьева, спросил:

– Мешаем? Хочешь с кем-то посекретничать?

– Ты прав, Серега. Мы тут доставили одну девицу... Хотелось бы побеседовать с глазу на глаз.

Осипов загадочно ухмыльнулся.

– Девица? Симпатичная хоть?

– Что надо, пошляк, – ответил Астафьев и прошел к своему столу. Он открыл одну из створок окна. – Надымили, дьяволы, – он обернулся и, увидев, что мужики все еще сидят, грозно свел брови к переносице. – Все еще здесь?

Осипов встал, а за ним – и другие.

– Уходим, уходим. Давай, секретничай.

Все вышли. И тут же появилась девушка, сопровождаемая Корепановым.

– Присаживайся, – пригласил девушку майор полиции Астафьев. – Поговорить надо.

Доставленная села на стул, закинула ногу на ногу и коротенькая юбоченка задралась еще выше, обнажив полностью длинные и стройные девичьи ноги. Она встряхнула головой, и длинные русые волосы волнами улеглись на ее плечах и спине. Достала из маленькой сумочки зеркальце и стала изучать свое лицо. Делала она все обстоятельно, не проявляя никакого беспокойства.

Корепанов, тем временем, достал из портфеля портмоне из крокодиловой кожи, бумажный пакет, в котором лежали драгоценности и деньги, выложил на стол перед Астафьевым.

– Сглупила, конечно, – неожиданно произнесла девушка, глядя на все то, что выложил на стол старший лейтенант Корепанов. – Зачем мне все это надо было? Дура!

– Самокритика – это хорошо. Осознание содеянного – половина пути к исправлению, – заметил Астафьев, по-своему поняв слова девушки.

Девушка недовольно фыркнула, скривив губы.

– Осознание? Чего!?

– Осознание того, что красть чужое – дурно. Это – с нравственной точки зрения. А с правовой, того хуже, кража личной собственности граждан – уголовно наказуемое деяние, предусмотренное статьей сто сорок четыре Уголовного кодекса РФ.

Девушка, откинув голову, расхохоталась. Расхохоталась не притворно, а совершенно искренне.

– Что тут смешного? – удивленно спросил Астафьев. – В твоем положении должно быть не до веселья.

– Вы думаете?

– Конечно. Обычно мало радости испытывают доставленные в управление внутренних дел области.

– Только – не в моем случае.

– Почему? Чем отличается твой «случай» от других? Типичное воровство.

Девушка не ответила. Она сама спросила:

– Вы подумали, что я сожалею о сделанном? – девушка снова расхохоталась. – Как вы ошибаетесь!

– Но факт, что сожалеешь.

– Да, сожалею, но не о том.

– Тогда – о чем?

– О том, что взяла портмоне, не исследовав его содержимое. Времени было достаточно. Никуда не спешила. Как обычно... Но в этот раз...

– «В этот раз»? – зацепился Астафьев. – Не значит ли, что подобный случай в вашей биографии не первый?

Девушка подозрительно осмотрелась. Увидев, что ни один из мужчин ее слова не записывает на бумагу, успокоилась.

– Прежде чем я продолжу беседу, хочу с вами договориться вот о чем: все, о чем пойдет речь, не для протокола, ясно?

– Наташа, стыдись! Ты нам выставляешь условия?

– Именно вам. Как я поняла, это действительно не допрос, а лишь беседа. Иначе – был бы здесь следователь. Следователя нет, и не может быть, так как у вас нет оснований для возбуждения уголовного дела

– Заблуждаешься, – возразил Корепанов. – У нас достаточно оснований для возбуждения уголовного дела...

– У вас – да. У следователя – нет.

Астафьев язвительно заметил:

– Подкованная... Юная особа разъясняет нам уголовно-процессуальный закон.

– Почему бы и нет? Короче, ребята, или вы соглашаетесь с моим условием, или я умолкну, – она сделала короткую паузу, потом махнула рукой. – Впрочем, это неважно. Все равно откажусь от всего, если вы попытаетесь воспользоваться моей откровенностью, так как наш разговор не имеет никакой юридической силы.

Астафьев удивленно смотрел на девушку.

– Такая молодая и такая уже опытная... Наташа, скажи, ты уже имеешь судимости?!

– Бог миловал. Надеюсь, что и впредь также...

– Хорошо, Наташа, ты права: содержание нашей беседы останется между нами... скорее всего... Но гарантировать, что Бог и на сей раз избавит тебя от исправительной колонии, не могу...

– Вы – не можете, а я – могу.

– Ты меня удивляешь все больше и больше.

– То ли еще будет, – ответила, вновь расхохотавшись, она. Потом, посмотрев на офицеров с откровенной снисходительностью, продолжила. – Я вам должна объяснить основные принципы моей работы – в случае, который вас интересует, а также во всех других...

– Сколько их было? – спросил Корепанов.

– Статистикой не занималась, – все также снисходительно ответила она, – но думаю, что не меньше десяти... за нынешний год.

– Вот это да! – не удержался Корепанов. – И, что, никогда, никто на тебя не заявил?!

– Как видите.

– Довольно странно...

– Я же сказала: то ли еще будет.

Астафьев, проявляя нетерпение, попросил:

– Готовы услышать твои принципы работы.

– Еще когда училась в выпускном, обратила внимание, что мужчины, завидев меня, балдеют... То есть, слюни пускают, выказывая готовность ко всему. Ну, вы понимаете, что я имею в виду?

– Еще бы! Такая девушка!.. – заметил Корепанов. – Тут никто не устоит.
– Ну, вот! Проанализировав, решила природные данные использовать на всю катушку...

– Стала спать с мужиками? – спросил напрямую Астафьев.

– Как бы не так!..

– Ага! «Динамо крутишь»? «Динамистка»? – снова уточнил Астафьев.

– В какой-то мере... Для «динамистки» достаточно посидеть в ресторане и провести время, выпить и поесть, за счет раскрученного мужика. Мне этого мало. Я на подобные мелочи не размениваюсь. Итак, я решила работать в гостинице, избрав, конечно, самую престижную, где командировочные из числа наиболее изголодавшихся по хорошеньким девушкам, где жильцы из числа больших начальников, где мужики, выше всего ставящие свой престиж, поэтому не сторонники гласности. А мне именно это и надо, поскольку я совсем не была намерена попасть за решетку.

Астафьев, начав прозревать, все же уточнил:

– Иначе говоря, ты изначально выходила на жертву, которая не будет обращаться в милицию с криком: «Караул, обворовали!»

– Все правильно: мужик, гляжу, головастый – быстро соображает.

– Ты обо мне? Или о своей жертве?

– О вас, товарищ майор. А они... Какие же они жертвы? Мне их нисколечко не жаль.

– Почему?

– Потому что считаю: любишь красоту – будь готов и к некоторым издержкам. А как же иначе?

– Интересная у тебя философия, – откровенно продолжая восхищаться воровкой, заметил со своего места Корепанов.

– Не столько интересная, сколько жизненная... Ваш брат, мужики, только хотят казаться сильными и мужественными, а на самом деле – такие слабаки. Чуть-чуть поманишь, улыбнешься, покажешь немного оголенную ножку – они уже лежат. А когда красивые мои грудки, как бы невзначай, узреют – полный отпад!

– Наверное, все же не все, – попытался заступиться за мужской род Астафьев.

– Других пока не встречала.

– Скажи, и с гостем из Казахстана также?

– Странный вопрос: он, что, не мужик?! «Голубой»? Почему он должен стать исключением из правил?

– Тебе лучше знать, – ответил Астафьев.

– Было так... Когда была у знакомой в гостях, в номере-люксе...

Астафьев вновь съязвил:

– Когда невзначай прихватила у той кольцо с бриллиантом, – он порылся в бумажном пакете, достал. – Это?

Наташа, мельком, взглянув, ответила коротко, хотя видно было, что от увиденного кольца впервые несколько растерялась и даже чуть-чуть смутилась:

– Да.

– Продолжай.

– Узнала номер телефона... Позвонила... Ответил он. Ну, я заговорила, стала с такой искренностью сокрушаться, что подружка-мерзавка обошлась со мной так непорядочно, не сказав, ни слова, уехала, не предупредив... Слово за слово... Как обычно... Узнав, что нынешний обитатель номера-люкса, гость из Казахстана, человек, занимающий высокое положение в партии, стала поддерживать разговор. Тем более, что сразу поняла, что зацепила. Но я продолжала строить из себя этакую недотрогу, не готовую кидаться на первое же

предложение. Когда тот, казах, уже был готов, я, наконец, сдалась и согласилась с ним встретиться.

– Он сам предложил встретиться в гостиничном номере?

– Да... Я его подвела к этому, чтобы не насторожить клиента.

– Талант! Самородок! – продолжал восхищаться Корепанов.

Астафьев на этот раз укоризненно посмотрел в его сторону, как бы говоря: негоже торговаться действиями преступницы. Корепанов под взглядом старшего товарища смущенно опустил глаза. Потом Астафьев перевел глаза на девушку.

– Видишь, и здесь твои волшебные чары действуют неотразимо.

– Не удивительно. Он – мужчина. Притом – еще молод. Это же – естественная реакция здорового мужчины на девичью красоту.

– Думаю, не только.

Девушка подняла на него невинный взгляд голубых глаз, и длинные ресницы ее затрепетали.

– На что же еще-то?

– На ум. Как ошибаются те, кто считают, что в красивой женской головке куриные мозги. Наоборот...

Девушка, засмущавшись, опустила глаза.

– Спасибо.

– Ну-ну, красавица, только не на мне испытывай свою магическую силу, – шутливо заметил Астафьев. – Эти игры со мной не пройдут. С ним, – он кивнул в сторону Корепанова, – да, со мной – нет.

– Почему? – она быстро-быстро заморгала длинными и ухоженными ресницами.

– Я – семьянин.

– Все мои клиенты – прекрасные семьянины, но им это не мешало.

Астафьев никак не отреагировал на ее замечание.

– Итак, тебе предложили, ты согласилась. Что дальше?

– Пришла...

– Как пришла? Посторонним не так-то просто попасть в эту гостиницу.

– Это неважно, – уклонилась от ответа девушка.

– Я тебе помогу... Ты проникла через черный ход...

– Вы знаете?!

– Я много чего знаю, Наташа, – Астафьев выдвинул средний ящик стола, за которым сидел, вынул оттуда тюбик губной помады. – Твоя?

Девушка взяла, повертела в руках.

– Откуда она у вас?!

Астафьев также уклонился от ответа.

– Это неважно... Твоя или нет?

– Да, моя... Вроде бы... Неужели выронила?

– Наташа, скажи, откуда у тебя ключи от черного хода гостиницы?

Кажется, ее веселость и беззаботность стали таять. Из прочитанных книг она знала, что это все уже является «вещдоками», которые могут стать аргументами в пользу ее обвинения.

– Попросила знакомого парня-слесаря изготовить.

– Однако нужны были образцы.

– Однажды, когда привезли мебель, я вертелась возле, суетливо помогала грузчикам, то есть создала видимость, что я – вроде экспедитора. Тем самым не вызвала никакого подозрения у администрации. Когда на пару минут старший администратор отлучился, я сделала слепки ключей, которые болтались в дверях... Использовала пластилин.

– Понятно. Ну, а дальше, как говорится, дело техники. Хозяин был гостеприимен. Угощал тебя, сам угощался. Разомлел под воздействием твоих чар. Хмель ударил в голову. Впрочем, ты помогла...

– Вы... вы и это...

– Мы многое, повторяю, знаем. Ты, когда он отвернулся, бросила в его рюмку (очевидно, не раз) таблетку снотворного. А снотворное, в сочетании с алкоголем, действует моментально. Иначе говоря, вырубила мужика. Забрала, что понравилось, – и была такова. Так, да?

– Примерно.

– Скажи, Наташа, мне понятно, что ты взяла деньги, обручальное золотое кольцо и кольцо с бриллиантом, – он достал из конверта драгоценности. – Это они? – девушка кивнула. – Но мне непонятно, зачем ты взяла документы, особенно партбилет? Какой тебе от них прок? Объясни.

– Дура! Я в начале разговора сказала, что сглупила. Надо было посмотреть, что в портмоне, и, как прежде, выкинуть там же, в номере, документы... Они мне, действительно, ни к чему. И... все, как я понимаю, было бы в порядке. Сглупила, эх, как сглупила! Особенно с партбилетом... Я даже уверена, что кашу он заварил из-за партбилета.

– Скажи, у тебя с ним что-то было?

– Вы про постель?

– Да.

– Ничего не было. Я во всех случаях действовала наверняка, вырубая, как вы выразились, клиента.

– Наташа, а ты знаешь, что он мог и не проснуться?

– От чего?

– От передозировки.

– Я использовала лишь две таблетки.

– Но дело в том, что и две таблетки, если человек, к тому же, изрядно принял спиртного, могут оказаться смертельными. Сочетание снотворного и алкоголя – опасно. Тебе еще повезло. Если бы он умер, то сегодня ты бы здесь не сидела, и мы с тобой так мило бы не беседовали.

– Я... я не знала...

* * *

Девушка не договорила, так как отворилась дверь кабинета, и появился подполковник Воробьев.

– Мне сказали, что вы задержали и доставили воровку. Это так? – спросил он с порога.

Астафьев встал. Но он успел заметить, что при звуке голоса вошедшего девушка вздрогнула, автоматически сжалась, опустила вниз глаза. И, главное, не обернулась, хотя это была бы ее естественная реакция.

– Так точно, товарищ подполковник... Похищенное задержанной выдано по первому нашему требованию.

– И... партбилет? – Воробьев прошел к столу. – Где?

Астафьев ткнул пальцем в портмоне. Воробьев взял, расстегнул, достал документы – паспорт, удостоверение личности, командировочное удостоверение, проездные авиабилеты, партбилет.

– Хорошо. Я заберу, передам генералу, обрадую.

– Возьмите также два кольца, украденные у Иссимбаева, – сказал Астафьев и добавил. – А насчет денег, увы, нет. Девушка потратила, – он кивнул в сторону сидевшей.

– Она? – спросил Воробьев и посмотрел девушке в лицо и тотчас же перевел глаза на стоящего Астафьева, потом и на Корепанова. – Это еще что за шуточки!

– Никак нет, товарищ подполковник.

Воробьев, округлив от злобы глаза, прошипел:

– Издеваетесь?.. Ну, я вам... – он снова повернулся к сидевшей девушке. – Ты что тут делаешь?! А, ну, марш домой.

Девушка, опустив голову, встала и направилась к выходу. Астафьев смотрел и не сразу врубился в происходящее. Но его осенила страшная догадка.

– Товарищ подполковник, так она...

Воробьев повторил:

– Марш домой. Я заеду, с твоей матерью поговорю!

– Товарищ подполковник, но мы не закончили...

– Комедию?! Я... я вам такую комедию устрою, что...

– А, впрочем, пусть идет, – сказал, грустно усмехаясь, Астафьев. – Но, Наташа, если понадобится, вызовем по повестке.

Девушка ничего не ответила и вышла из кабинета. По лицу подполковника можно было догадаться о его нынешнем состоянии.

– Вы продолжаете? Какая может быть повестка? – прошипел он.

– Т-т-товарищ подполковник, – с трудом выдавил из себя Корепанов, – так она... она ваша дочь?!

– Идиот, о чем ты спрашиваешь? Разумеется.

– Но... мне сказали, что у вас нет дочери, что у вас два сына.

– Сыновья – от второго брака, а дочь, Наташа, от первого. Мы развелись семнадцать лет назад.

Воробьев стал остывать.

– Скажите, где вами задержанная воровка?

Астафьев и Корепанов переглянулись.

– Она... она только что была здесь, – ответил Астафьев.

– Почему отпустили?

– Не мы, а вы... товарищ подполковник.

– Что за чушь! Никого я не отпускал.

– Вышедшая только что ваша дочь и есть та самая нами задержанная...

– Что-о-о? Что сказал?! Моя дочь воровка?!

– Извините, товарищ подполковник, но получается, что так.

Воробьев от неожиданности плюхнулся на стул. И минут пять ничего не мог произнести. Он только хватал ртом воздух, явно задыхаясь. Корепанов налил в стакан воды и поднес. Воробьев залпом выпил. И чем дальше, тем больше его лицо покрывала мертвенная бледность.

Астафьев спросил:

– Вам плохо, товарищ подполковник? Может, врача?

Воробьев с трудом встал.

– Извините, что накричал... Я пойду... генерал ждет... надо вернуть похищенное... А... вас прошу... а?

– Конечно, товарищ подполковник. Это не нам все равно решать. Генерал все равно не решится давать ход делу. Для меня, например, это сразу было ясно. Так что один сюрприз или два – уже не важно.

– Какой ужас, какой ужас, – все повторял Воробьев, выходя нетвердой походкой из кабинета.

– Как бы чего с собой не сделал, – заметил Корепанов, явно сочувствуя подполковнику.

– Не думаю, – Астафьев грустно усмехнулся. – Это – шок. А шок, как известно, проходит. Особенно у таких... Ладно, Стас, идем по домам. Мы с тобой, во всяком случае, свою работу сделали. Остальное – не нашего ума дело.

Сказки

Чудеса в решетке

*Мы рождены, чтоб сказку делать былью...
(Из ура-патриотической песенки).*

Пролог

Многие века пребывает на Земле необыкновенно сказочная страна, обитатели коей, овеянные сонмищем мифов и легенд, сами по себе не менее сказочны.

В бесчисленных летописях упоминается, можно даже сказать, делается прямо-таки упор на то, что страна эта уникально огромна: на самом резвом коне скакать – не перескакать; на быстроходном авто мчаться – не перемчаться; на стремительном и беспрестанно дудящем и пыхтящем поезде неделями надобно ехать – не переехать; летом лететь на ковресамолёте – одним днем не перелететь; месяцами плыть бесчисленными морями-океанами – не переплыть. Как справедливо воспевают народные певцы, еѐ, то бишь сию страну, «*глазом не обмеришь, не упомнишь ейных городов*». С севера на юг и с юга на север мчат свои воды тысячи бурных рек и речушек, а в них, если верить на все сто процентов обитателям, всякой живности видимо-невидимо, стало быть, закинешь невод и выволочешь на берег столько серебристо подпрыгивающей рыбёхи, что жрать и не пережрать. А дубравы ее? На тыщи вёрст тянутся дремучие леса: их лихие люди пилят-рубят, а все перепилить и перерубить никак не могут. А земли ее? В недрах, сказывают сведущие в сѐм люди, прячутся несметные сокровища, и не только золото-серебро иль там всякие бриллианты, а и моря нефти и океаны газа.

Живи, короче, самобытная страна да богатей уникально – на счастье и радость ее уникальных обитателей.

Кстати, об обитателях. О них – особое слово, потому как того стоят.

Радетели и благодетели, рядящиеся в патриотическую тогу, мудро подмечают, что оным обитателям весь мир страшным образом завидует. Всяк злобой полыхает, аки Змей-Горыныч на Ванюху-солдатика: испепелил бы, да не в силах: верткий шибко тот Ванюха.

Есть, да-да, есть повод для зависти, ибо никому боле на Земле так не повезло. Ну, скажите, кто еще-то может лежать себе на печи да полёживать, а мимо сокровища, не пересекаясь, все плывут да плывут? И ведь, зараза, обитатель сей страны мнет бока, не зная горяшка, да весело побряхтывает, попивает медовуху крепчайшую да разудало попевает. Иноземец, у коего с нервишками не все в порядке, глядучи на лежебоку, начинает дергаться: чего, дескать, лежмя-то лежать; слезь с печи-то да в лес хоть сходи, дровец наруби.

– Ха! – отвечает обитатель, почёсывая кудлатую и давненько немытую головёнку да громко и протяжно позёвывая, то есть раздирая хайло во всю ширь, оной страны-чудесницы, страны-кудесницы. – Дурак, что ли, чтобы без нужды потеть? Стоит, – говорит, – мне гаркнуть во весь роток и те самые дровишки, – говорит, – сами примчатся, сами в печь загрузятся, сами возгорятся.

Иноземец очумело вращает шарами.

– А ежели, – спрашивает, – жрать сильно захочется?..

– Хе! А страна моя на что?

– Страна? А при чем тут страна?

– Ну и тупые вы, иноземцы, такие тупые! – выкрикивает в сердцах лежебока. Почесав еще усерднее в затылке, снисходительно поясняет. – У моей страны все самобытно и уникально: мне, к примеру, стоит трижды хлопнуть в ладоши и на моем столе раскинется скатерть-самобранка, так что ешь-пей, сколько душевненьке захочется.

– Ага! – потирая в удовольствии ладони, восклицает иноземец. – Твои хлопки, да к тому же троекратные, – это уже труд!

– Кто бы спорил, – лежебока хмыкает с печки, – но этот труд, совершаемый мною не потя и в удовольствие.

– Не понимаю, – произносит иноземец и пытается еще что-то произнести, но ему абориген не дает.

– Где нас понять! Это вы такие простые, такие простые, что взглянешь раз – и все яснее ясного. Нас же надобно подолгу рассматривать, чтобы хоть что-то в нас углядеть. Тем мы и чудесны.

В самом деле, чудное прет из всех щелей. Скажем, в отличие от немца, обитатель-оригинал этой страны на перекрестке не станет тупо стоять и по-бараньи тупо глядеть на светофор, предостерегающе мигающий красным, а ринется, ловко ускользая от колес автомашин и горделиво ухмыляясь, вперед.

Или тот же француз: ему, тупорылому, даже в голову не придет, чтобы помочиться в лифте, или справить большую нужду на лестничной площадке собственного дома, а обитатель страны, о коей идет речь, сделает всё это, не раздумывая, хотя в нескольких метрах его собственная квартира и с собственным унитазом. Прелесть для него вся в том, чтобы нагадить, чтобы гадость видели и чувствовали другие.

А чопорные англичане, извиняющиеся перед всеми и даже за то, чего они никогда не сделают? От такого занудства, считает наш обитатель, сдохнуть можно; сей абориген воспринимает за честь нахамить любому, обложить по-крупному каждого и опять же обожает все это делать публично.

Иноземец, узрев этакое, только покачает головой. Иногда, правда, после обретения дара речи, все-таки спросит:

– Не стыдно?

В ответ – услышит лишь зычный хохот и вековую мудрость: стыд, дескать, – не дым, глаза не выест.

И японец тоже хорош: снимет взяточку на грош, а после долго-долго кланяется, виновато кается и до конца своей жизни у всех просит прощения. Ну, как тут соседу японца не взъерепениться и не начать плевать, а? Ведь наш-то брал, берет и будет брать всегда (если не «зеленью», то борзыми щенками непременно) и при этом никаких там угрызений или еще чего-нибудь этакое, диковинно-заморского чуда.

При всем при том обитатель сказочно богатой страны непритязателен в быту: готов десятилетиями жить в какой-нибудь халупе, одеваться во что попало, носить на вечно немых ногах лапти или, в самом крайнем случае, пластиковые «шлёпки», завезенные одним из южных соседей. И это не по бедности или скупости, а, как сам обитатель заявляет, единственно из-за пользости для тех же его ног: не преют, говорит, и не потеют, так что тратиться на благовония уже не надо. Стало быть, опять-таки выгода!

И, наконец, в этой стране отношения между властью и подданными весьма и весьма специфичны. А все дело в том, что народ с необыкновенной страстностью влюбляется в любого, кто над ним восседает, то есть в вождей. И дня прожить без вождей – больших или совсем-совсем крохотных – не может. Нет вождя, считает этот народ, значит жизнь пуста, пресна и, по большому счету, даже омерзительна. При этом, слушая вождя, он счастливо улыбается, точь-в-точь как младенец, три дня назад покинувший утробу матери и не разумеющий ничего из того, что предстает пред его глазёнками.

Тут надобно оговориться. Летописцы свидетельствуют: редко, крайне редко, но случается, что вспыхнувшая нечаянно любовь к своему Верховному Правителю скорёхонько угасает и перерастает в свою противоположность – в столь же яростную ненависть. Тут и до смертоубийства рукой подать. Так случилось два с половиной десятка лет назад, когда неожиданно на верх взлетел Он. Поданные, не смекнув сразу-то ничего, его сильно и нежно залюбили, но вскоре очухались, поняв, что Этот и не вождь вовсе, а какое-то его подобие, короче, недоразумение.

И вскрикнул народ во все глотки:

– Гляньте, братки: так это ж сволочь-либерал!

Поняв, взъелись и начали кусать. Поданные окончательно взбесились после того, как увидели, что не следует никакой ответной реакции от Него. Феномен? Да еще какой!

Исследователи сего феномена, живущие за тремя морями, долго грузили мозги, пытаюсь понять, в чем тут закавыка и что тот Верховный Правитель делает не так? Корпели-корпели ученые головы и все-таки пришли к определенным заключениям.

Во-первых, он слишком прост, чего поданные не любят, и любить в вождях не могут. Во-вторых, вместо рывканья, «выканье» всем подряд (говорят, что за все годы нахождения наверху, Он никого даже матом хорошенько не покрыв), вместо угроз, миротворчество, вместо диктатуры, стал демократничать.

По мнению все тех же иноземцев, выше перечисленные его слабости (даже легкий либерализм) поданные могли бы понять и простить, но они не могли и не хотели Ему простить его вечное беспокойство, сотрясение основ, его попытки стащить с печей всех лежебок, заставить их крутиться-вертеться, то есть начал загружать по полной программе проблемами. А это для коренного лежебоки – ножом (я извиняюсь) по... одному замечательному месту.

И иноземцы заключили: поданные той гигантской северной страны готовы молиться лишь тому вождю, который сам любит хорошо, то есть спокойно и сытно, пожить и не мешает так же жить подданным своим.

Вот, как подтверждение, ушел на отдых всеми ненавистный, пришел другой, потом и третий. И обоих поданные любили и любят. Потому что они не мешали и до чрезвычайности удобны и, что особенно по нраву, не мешают корыстолюбствовать. Конечно, иногда сотрясают воздух некими угрозами, но все этим и кончается. Лежебоки, вздрогнув, продолжают мять свои отяжелевшие бока на теплой печи и слазить с нее не собираются. Впрочем, нынешние Верховные Правители сделали все, чтобы оный лежебока вообще не утруждался; даже на выборы сильно не уговаривают сползти с печи, ибо это никому не нужно: кандидаты друг, любовница и теща придут, проголосуют и этого будет вполне достаточно, чтобы выборы признать, как они выражаются, легитимными. Все остальные пусть себе полёживают да посапывают. В самом деле, зачем попусту подданных тревожить?

Доморощенные патриоты ситуацией очень довольны и дудят во всю мощь о том, что в стране тишь, гладь да Божья благодать. Находятся отдельные ворчуны, но в дружном и многомиллионном оре здравии их слабенькие голосочки не слышны. И, слава Богу, что не слышны.

В сем прологе обрисованы страна и ее народ, обрисованы так, как они видятся со стороны и в общем ракурсе цивилизационного развития мира. Мелкие же детали будут наброшены и уточнены в основных сказочках, кои последуют далее. Не все сразу, милые вы мои, не все... Надо кое-что хотя бы и на десертик еще припасти.

Часть первая

Он, как и его предшественник (а также Друг, Учитель, Наставник), явился миру неожиданно. Вынырнув из неведомых никому глубин, как гласят уже сочиненные кем-то летописи, он тихохонько, но остроглазенько огляделся по сторонам, потянул носиком-пуговкой, пробуя определить по запаху, там ли он, где ему надлежит быть, поплескался водицею, что в круг его, испытывая на предмет ощущений окружающий его новый мир, а после пару-тройку раз хмыкнул. Хмыканье сие, стоит думать, означало одно: обоняние и осязание его не подвели, стало быть, он вынырнул и в нужном месте и в нужное время.

Очевидцы (их, то есть очевидцев, всегда находится во множестве, когда человек выныривает, но когда тонет, то обычно рядом не оказывается никого) решительно заявляют, что он, только-только вынырнувший, сразу стал показывать себя с наилучшей стороны.

– Он, – говорят, – сразу после оглядок и понюхиваний, перво-наперво, страхнул с себя болотную тину, коей поналипало немалым числом и коя тяжелым грузом норовила вернуть его назад, на дно болотца, омыл светло личико хрустально чистой водицей и опытно, – и откуда только взялся в нем тот опыт, – поплыл туда, куда его интуитивно влекло больше всего. Он, – продолжают очевидцы, – легко выплыл из заплесневелого болотца. Оказавшись, – говорят, – в истекающей речонке с малой водой и крутёхонько теснящимися берегами поплыл по течению, полагая, что дальше – будет просторнее и полноводнее.

И ведь не обманулся! Чем больше верст проплывал, тем больше расходились в стороны крутобокие берега, тем глубже в темную пучину уходило дно, тем бурливее становилась река, ее течение обретало удивительное ускорение, неся легонькое, как пушинку, тельце вперед, пока в неведомые, но манящие, дальние-дали.

Биографы, коих как-то неожиданно объявилось числом многим, фиксируют: мал пловец, да, оказалось, удал; шустренький, оказалось, от природы такой; умелый и сообразительный; себе, дескать, на уме. К тому же удача благоволила. Ну, право слово, чем, как не даром судьбы или промыслом Божиим можно объяснить следующее обстоятельство. Как-то под вечер и без того бурный поток неожиданно взъерошился, вздыбился, закружился на месте, заполучив в свои объятия, приподнял уставшего пловца и легонько вынес на берег и со всеми предосторожностями уложил. Малец тотчас же, смежив отяжелевшие веки, мертвецки заснул. Долго иль коротко (этого даже биографы не ведают), но вышел из объятий Морфея, приподняв головёнку, продрав шарёнки, огляделся. Видит, что лежит на гранитной набережной, а вокруг терема высокие с маковками золочёными (ну, точь-в-точь как в Тридевятом царстве). Вон, шпиль адмиралтейства, пронзающий небо; там блистающий в лучах солнца купол Исакия; тут и великолепнейшая императорская резиденция, именуемая Зимним дворцом, а также помпезная арка Главного штаба; поодаль – многочисленные мосты и мосточки, перекинутые через речушки и каналы.

– Не брешь! – явственно слышу глас читательский. – Ну, откуда обо всем этом знать мальцу!? Ври, – ворчливо может добавить иной читатель, – да не завирайся.

Ей-ей, не вру! Вот те крест, не обманываю. А знает он из учебника по истории, по картинкам. Впрочем, поначалу и сам малец не поверил в сию картинку, подумал: благолепие не что иное, как сновидение. Или мерещится. Для верности взял и ущипнул себя. Почувствовав боль, понял, что все это в яви. Вскакивает на ноги, долго ошипывается, прихорашиваясь. Понимает, что в Северной Пальмире, куда судьба его, оказывается, забросила, встречают по одежке, а провожают по уму. Стало быть, предстать пред обитателями интеллектуальной и культурной столицы государства он должен в наилучшем виде. Похлопав по штанине, убедившись, что «корочки», то бишь документ об образовании и прочие бумаги (малец, несмотря на свой юный возраст, уже знает, что без бумажки – он букашка в каменных

джунглях большого города) в кармане и целы-целёхоньки, потопал по Невскому проспекту, углубляясь в него все дальше и дальше. Топает, а в башке его разные соображения теснятся. Думает, значит, кумекает, выходит.

Биографы (я извиняюсь за постоянные ссылки на оных, ибо кому, как не биографам, знать всю подноготную изучаемого ими лица) заверяют, что мальчика в ту пору думы тяжкие одолевали, ибо страшился продешевить, то бишь прогадать. Ему хотелось, стоя на перепутье, выбрать дорогу, ведущую в светлое будущее, не только торную, а и хлебную, а то лучше, усеянную пряниками да тартинками.

Стоит, стало быть, малец на перекрёстке дорог и вычисляет в уме: ежели, думает, направо пойду, ну, туда, где университет Его Императорского Величества, то после прохождения курса наук стану гуманитарием, иначе говоря, гордым, но нищим; ежели, далее думает, прямо пойду, в сторону Политехнического, то физиком иль химиком стану и в карманах завтрашнего инженеришки ветер будет свистеть почище, чем у гуманитария; ежели, по его соображению, налево двинет, туда, где юридический институт, то непременно в стряпчие затешется, а то и, коли повезет, в прокурорах очутится (бабок не ахти, а вот власти, к коей малец имеет великое тяготение, хоть отбавляй, к тому же помнит наставления папеньки и маменьки, отправлявших в плаванье, которые мудро замечали: где много власти, там и бабок тоже хватает, короче, с хлеба на воду не перебиваются).

Не долго ерошил реденькие волосёнки на маленькой головёнке малец, не парил много жиденькие мозги. Он выбрал третий путь и твердо зашагал туда. И правильно: юрист – это вам не библиотекарь.

Итак, проходит курс наук, осваивает тонкости юриспруденции. И тут (Боже, какой счастливый случай!) общественное бурление началось, среди мальцов – тоже. Одни стали выступать за старое, говоря, что государству, к коему они причислены, всякие перемены вредны и опасны, другие – за то, чтобы ничего не делать и мять бока на теплой печке, третьи, то есть радикалы, самые шумные, стали возмущать общество и звать к переменам.

Будущий стряпчий, а то и, Бог даст, прокурор, Дениска Макаров (так зовут моего основного героя, делающего погоду в моих сказочках) ходил с митинга на митинг, стоял поодаль, прислушивался да принимался, но на рожон не лез, всё больше помалкивал, не распахивал глубины своей души, ни с кем не делился самым сокровенным – убеждениями, значит. Он имел в виду еще одно напутствие папеньки и маменьки: береженого – и Бог бережет. Он также знал, что родители плохого ему не присоветуют.

Его осторожничанье привлекло внимание определенных людей. Вот он стоит у огромного окна аудитории и зубрит УК. Зубрит, а не забывает косить глаз и на то, что происходит за окном, то есть на стихию. И тут замечает рядышком мужичка, еще молодого и такого, как Дениска же, невзрачненького, с такой же бедной, как и у Дениски, растительностью на голове.

– Молчишь? – без приветствий спрашивает неведомый Дениске гражданин.

– Так ведь... это... ну... Как говорится, слово – серебро, а молчание все-таки – золото.

– Гы-гы-гы! – коротко, но со значением хохотнул гражданин. – Значит, ближе к благородным металлам держисься?

– Так ведь... – Дениска кивает в ответ. – Понадёжнее...

– Ты, гляжу, – умничка. Так держать! – говорит гражданин и предлагает Дениске. – Держись моей стороны и у тебя все будет наилучшим образом.

Дениска захлопал ресницами.

– Что есть «наилучшим»?

– Увидишь, – загадочно сказал незнакомый гражданин и снова мрачно гоготнул.

– Но... Я ведь... Не знаю вас...

– Твой коллега, Путинцев, однокашник... Бывший уже...

– А... Ну, да...

– Поди, слышал?..

– Кое-что... Преподаватели вами гордятся, говорят, что сразу вам предсказывали великое будущее.

Путинцев со смыслом повторил:

– Держись моей стороны и великое будущее тебя тоже не минует.

– А... это... ну... Не... это... не обманете?

– Однокашники, – важно заметил Путинцев, – своих не кидают.

Юнец и еще совсем не старый мужичек подружились. На почве? Право слово, не знаю. А биографы как-то этот предмет обходят стороной.

Ясно лишь одно: Путинцев Дениску больше не выпускал из поля своего острого зрения и из цепких и весьма-таки когтистых своих рук. Держал всегда неподалеку, без конкретных и нужных дел не оставлял.

Скоро сказка сказывается, но не менее скоро и дело делается... У отдельно взятых граждан, конечно. У того же Дениски, к примеру. Твердо взбирался наверх Наставник (здесь и далее имеется в виду Путинцев), тяжело ступая по скользким ступеням иерархической лестницы, а следом, тихо-тихо, почти неслышно для всех следовал и Дениска. Впрочем, его уже так никто не называл. Теперь он для всех был Денисом Александровичем – только так, а не иначе.

Время – скоротечно, но и иные карьеры не менее быстры. Вот Путинцев уже в Первостольной (так народ издревле называет древнюю, а потому замшелую столицу государства), близок к Олимпу. Вскоре туда же перебирается (пока что на скромную должность рядового клерка) и господин Макаров: как говорится, бумажка – туда, бумажка – сюда. Аккуратист Макаров понимал уже, что долго на скромной должности не засидится. И, действительно: его наставник неожиданно оказался на Олимпе и его стали величать не иначе, как Великий из Великих, Мудрейший из Мудрейших. Неожиданно для всякого нормального человека, даже для Дениса Александровича. Не прошло и года, как он из столоначальников выбился в заведующие канцелярией Его, то есть Учителя. Стал на виду у всех. И тут иноземные писаксы стали наседать с одним и тем же вопросом:

– К... то... ест... мистер Маккарофф?

«Мистер Маккарофф» совсем не собирался выходить из загадочности, а посему и отделивался иносказаниями, иногда прибавляя к оным легонькую ухмылочку. Он по-прежнему вел себя тише воды и ниже травы. Все подумали: клерк, как есть клерк, еле приметная тень своего попечителя. И даже иноземные борзописцы от него отступились.

Но главный канцелярист царства-государства, тем не менее, работал неустанно, неусыпно, скромно делая свое незаметное для несведущих дело: управляя канцелярией, строго следил, чтобы управляемые им клерки шуршали бумажками пошустрее, а нужные чтобы были во всякое время под рукой. И не забывал напоминать:

– Без бумажки ты, – он показывал ноготок от мизинца, опущенный вниз, – букашка, а с бумажкой, – он задирает высоко-высоко вверх, то есть к потолку, указательный палец, – Человек.

И многочисленные клерки понимали его буквально. И правильно делали, ибо уже стали дотункивать, с кем имеют дело.

Правитель канцелярии, то есть Макаров, все больше и больше, все глубже и глубже увязал в своем обожании Верховного Правителя, то есть Путинцева. Он, то есть Макаров, готов был земельку целовать, по которой ходили ноженьки Попечителя, то есть Путинцева, слепо блюдя его интересы, хотя и про свой интерес не забывал ни на минуту, помня еще одно наставление папеньки: своя рубашка – ближе к телу. О своем личном интересе он, по правде-

то говоря, старался помалкивать, чтобы не пробуждать нехорошие мыслишки у окружения – у тех, кто под ним, а того больше у тех, кто над ним.

А годы мчались, а реки, бурля и пенясь на перекатах, всё несли и несли вперед свои воды. Дениска (я, извиняюсь, Денис Александрович) тем временем плыл, управляя веслом, по течению. Плыл и радовался, что все хорошо у него складывается по жизни: ежели идет по канцелярии, то все пред ним, все еще, по сути, мальцом, шапки ломают, немилосердно гнут спины, заискивающе ловят каждое произнесенное им слово и даже мимолетному взгляду радуются, точно детки малые, когда оных одаривают шоколадкой. Теперь Дениска важничает, позволяя окружению его любить. Теперь Дениска уже ходит не так, как прежде: перестал горбиться – грудью, выпячивая ее нещадно, всё вперед да вперед. Нет, Дениска возвращает себя и в прошлое состояние, но лишь в том случае, когда оказывается пред светлыми очами своего Покровителя: тут он тише воды и ниже травы. Как-то, глядучи на покорность своего ученика, Покровитель сказал:

– Правильно делаешь...

Денис Александрович, поняв с полуслова (чаще всего он понимает и без слов) своего Учителя, кинулся, обуреваемый великими чувствами, в ноги, и возопил:

– О, Великий из Великих! Ежели бы у меня был фамильный герб, то на нем бы я начертал главный свой девиз...

– А именно? – хитро щурясь, интересуется Покровитель.

– Без лести предан! – выкрикивает Макаров.

– Ну, да, – Покровитель с сомнением качает головой: это он специально подтрунивает.

– Я!.. Если понадобится!.. Готов!..

– Все так говорят, – продолжает трунить Покровитель, – а как только трон подо мной закачается, то...

– Я?.. Да ни в жизнь!..

– Не будет, значит, подножки?

Дениска, бледнея, выпаливает:

– Никогда, о, Мудрейший из Мудрейших!

Выпалив, незаметно отрывает от пола юркие глазёнки, чтобы проверить, каково впечатление он произвел на Покровителя. Кажется, убедил, что ради него раб не пощадит живота своего. Стало быть, прошел очередную проверочку, как выражаются нынче в сих палестинах, на вшивость. Стало быть, по-прежнему Покровитель не оставит его без своего доверия, а это... Доверие сидящего на троне – великое счастье, о коем мечтают миллионы. Мечтают, в самом деле, многие, да жребий выпадает единицам и он, Дениска, прикоснулся к избранным: если не поскользнется, то пойдет далеко и взберется высоко-высоко, до того высоко, что и подумать пока ему страшно.

О том ли в то время думал Дениска? Кумекал ли про будущее? Неизвестно даже самым близким летописцам, а уж мне – и подавно.

Часть вторая

А годы, будто вздыбленные жеребчики, резво мчались вперед, унося в своих тесных объятиях и главного персонажа этих сказок. Удобно уместившись в кресле главного канцеляриста, он накрепко сросся с нравами и обычаями, окружавшими его, потому что они сильно нравились, как выражаются его соплеменники, легли на душу. Сонмище клерков, важных и не очень, умных и так себе, серединка на половинку, населяющих канцелярию, всмотревшись до рези в глазах в образ новоявленного шефа, пришло к выводу: тихоня (так его прозвали за глаза) себе на уме и покажет всякому, почём фунт изюма. Стелет, одобрительно говорили они, мягонько, да спать будет всякому зазевавшемуся жестковато, стало быть,

добавляли восхищенно, с Дениской надо держать ухо востро, а хвост, извините, пистолетом, ибо, допустив слабину, легко можно лишиться как того, так и другого. Клерки-старожилы не могли не заметить в повадках Дениски нечто, уже ими виденное лет так с десятков назад, когда канцелярией правил тот, который нынче и царь, и Бог, и воинский начальник для всей необъятной державы.

– Копирует, – смоя в курилках, шептались они и кивали куда-то в потолок. – Как и его Покровитель, – добавляли старожилы, – строит наполеоновские планы, которые, неровён час, могут и осуществиться.

Канцелярия шефу не завидовала. Канцелярия Дениску зауважала. Канцелярия (поголовно вся) стала искать благоволения начальства, ибо отлично понимала: шеф, если они ему приглянутся, вспомнит и оплатит верную службу сторицей. Угодничая, в первых рядах, как водится, оказались молоденькие и смазливенькие дамочки, ненавязчиво начавшие заигрывать: бросать в сторону шефа ласковые и зазывные взгляды, почаще попадаться, будто случайно, ему на глаза, искать повод, чтобы лишний раз оказаться в его кабинете, где, находясь с глазу на глаз, одарить очаровательной улыбкой, обронить (опять же случайно) комплимент. Дениска – кремень, но и его сердце не камень, а потому легко может растаять под нежными взглядами чарующе прекрасных особ. Все знали установку: на службе – нет места флирту, на службе, уткнувшись носами в столешницу, надобно с утра до вечера лишь служить. Однако... Слаб мужик... Он не защищен от сатаны в коротусенькой юбочночке. Я, право, не знаю, угодил ли глава канцелярии в раскинутые сатанинские сети, но вот другой факт очевиден: у «тихони», расхаживающем по обширной канцелярии, окреп голос, расправились плечи, грудь – вперед, поступь решительная, а действия опасные. Всеобщее обожание даже с маленьким человечком совершает чудеса, обращая его в косую сажень в плечах, то есть в былинного богатыря, готового к подвигам во имя чести державы, во благо благоденствия ее народа.

Перемены разительны. И не только во внешности. В курилках клерки прозрачно и незлобиво намекали на сходство шефа с одной большой и важной птицей, которая, даже принимая пищу, не теряет, важничая, чувство собственного достоинства. Нельзя было не заметить, как шеф стал покрикивать на подчиненных; как стал избирательно относиться к ходакам, обивающим пороги его канцелярии: с одними мил и сердечен, а других близ своего порога не допускает, лишь завидев издали, начинает гневаться, сучить, то есть топать, ножонками.

Такое чудесное преображение не только не убавило число его обожателей, а, наоборот, удвоило. Всяк понимал: высокий чин входит в силу, а посему с ним надобно держать себя так, чтобы всегда быть угодным, покладистым, предвидеть и осуществлять всякое его желание.

Теперь прежним «тихоня», я повторяю, был в одном только случае, а именно: когда предстал пред светлыми очами своего Покровителя: становился, как говорится, тише воды и ниже травы; старался больше слушать и поменьше, без крайней надобности, рта не раскрывать, чтобы ненароком не показаться умнее, чем он есть на самом деле, в особенности, умнее Попечителя, пред которым он по-прежнему трепетал, точнее, больше прежнего трепетал. Чтобы потрафить Наставнику, Дениска, который никогда не блистал спортивными достижениями, встал на горные лыжи и всерьез задумался о приобщении к дзюдо. Как-то, заметив спускающего с горы Дениску, Наставник подозвал к себе. Похлопав покровительственно по спине ученика, Великий человек (то ли в шутку, то ли всерьез) сказал:

– Верной дорогой идешь, товарищ...

В другой раз, уже на татами, поглядывая на неуклюжего ученика, ухмыляясь, Учитель сказал и так, чтобы окружение слышало:

– А ты мне нравишься.

Дениска решил съюморить:

– Только сейчас?

Путинцев не понял столь тонкого юмора и ответил вполне серьезно:

– Нет... Давно... Но с каждым днем всё больше и больше.

Дениска смущенно опустил глаза вниз, изображая из себя стыдливую девицу.

– Премного благодарен, Учитель...

– Вот и славно, голубчик. Если дальше так дело пойдет, то... Планы имею насчет тебя.

Не скурвишься...

Дениска намеренно не дал закончить мысль.

– О! Да я! Костьми лягу ради вас, но...

– Все так говорят, да не все делают, – многозначительно в очередной раз бросил Путинцев, потом, применив свой коронный прием, кинул на ковер тренера, который не мог, не имел права не поддаться дзюдоисту Путинцеву, так как держава не простит столь вольного обращения с драгоценнейшим телом Верховного Правителя.

Часть третья

Отцвела весна, отблагоухала. Прошло лето, укатило в даль-дальнюю. Канула в Лету и золотая осень. Как всегда, неожиданно для державников наступила зимушка-зима с ее снежными метелями и лютыми морозами. Народ, утомившись, залег на печках и носами, подрёмывая, запасапывал.

И лишь в палатах белокаменных, далекими предками построенных, нет тишины – там переполох. Курьеры важные, бережно держа депеши засургученные, снуют туда-сюда: от Красного крыльца до Старой площади Первопрестольной и обратно. Редкие прохожие, поёживаясь на морозце, глядя на суету, задрав на затылки поизношенные шапчонки и раздумчиво почесывая невымытые шевелюры, догадливо хмыкали.

– Не иначе, – говорили, – Покровитель что-то затевает, – просморкавшись на снег и утеплив красные носы подолами задрипанных зипунов, друг друга спрашивали. – Неужто опять того... этого... Ну, реформы какие-нибудь удумал? – перекрестясь на храм Василия Блаженного, сплюнув через левое плечо, добавляли. – Пройди, лиха-беда, мимо, изыди!

Главный канцелярист о ту пору сам сна напрочь лишился и всех клерков замордовал. Он искал и не находил решения задачи, поставленной перед ним его Покровителем. А время уходит – так считает Наставник, хотя его подопечный полагает иначе (год с гаком до тревожащего события), но молчит, ибо возражать – себе дороже. Давно ли на его глазах Путинцев выпер главу своего Кабинета Министров Касьянкина. Уж на что Касьянкин был послушным Великому Правителю, а вот взял и турнул. И за что? Лишь за то, что тот поимел свое суждение. Хотя, как догадывается Дениска, не только и не столько за это. Касьянкин, видишь ли, вполне мог стать конкурентом его Попечителю, то есть заявить однажды претензии на верховную власть. Отчего бы и нет? Глядится, особенно рядом с Великим Правителем державы, ставшим таковым по дикому стечению обстоятельств, выигрышно, иначе говоря, импозантно: высокий, стройный, холёное лицо, грамотная речь, образованный и опытный экономист (не чета чекисту), прямая и слишком явная противоположность Покровителя. Так что иметь рядом столь опасного конкурента – себе дороже и действия, предпринятые в сторону Касьянкина, Дениска безоговорочно одобряет, ибо он сам поступил бы на месте его старшего друга Путинцева точно также. Говоря по чести, Дениска готов пометчать, что когда-нибудь и может статься, что... Мечты гонит вон, так как понимает: они несбыточны как практически, так и теоретически. Стало быть, в статусе погонялы у Покровителя бегать ему до скончания жизни, впрочем, и тут никто не дает гарантий. Сболтнешь что-нибудь этакое и полетишь вверх тормашками в Тмутаракань.

Страх в глазах и дрожь в коленках явно свидетельствовали о том, что судьба Дениски висит на волоске: еще чуть-чуть и полетит, без учета многолетнего верного служения, в тартарары. И полетел бы! Но тут судьба вновь улыбнулась, улыбнулась широко и самым загадочным образом. Ну, не чудо ли, а!?

Ближе к вечеру зазвонил заветный, украшенный двуглавым орлом, телефонный аппарат. Дениска, не ожидавший от звонка ничего для себя хорошего, лихорадочно схватил трубку.

– С радостью слушаю, дорогой Василий Васильевич!

На том конце провода, очевидно, не разделяли его восторженные эмоции, поэтому коротко и бесстрастно прозвучало:

– Завтра едем на охоту и на шашлыки.

По правде говоря, то было единственное увлечение Наставника, которое не влекло Дениску и на которое соглашался скрепя сердцем.

Путинцев не любит лишних вопросов, но Дениска, отлично зная об этом, все-таки решился спросить:

– А... Кто еще?..

– Только ты и я, – и абонент, чтобы исключить неуместное любопытство, отключился.

Эту ночь провел Дениска спокойно. Такого безмятежного сна не было давно. Так что по утру чувствовал себя, как никогда, бодро. Почему? А стоит ли объяснять? Впрочем, скажу, но коротко: кто-кто, а главный канцелярист отлично понимал, что «на шашлыки» Он приглашает вовсе не для того, чтобы надрать ему задницу, ибо для оной экзекуции лучше всего использовать не опушку леса, а личный кабинет в белокаменных палатах.

Этот день, как на заказ, выдался на славу. Морозы спали, облака ушли, небо заголубело, установилось безветрие. Вертолет приземлился на большой лесной поляне, обрамленной березами, елями и мелким кустарником, в котором пряталась личная стража, о чем догадывался Дениска. Чья стража? Ну, не Дениски же!

Вертолет, взревев двигателями и взвихрив винтами снежную пыль, поднялся и скрылся за макушками деревьев.

Наступила тишина, нарушаемая лишь постукиванием дятла да попискиванием неведомой пичужки.

Наставник, кивнув на оставленные вертолетчиками мягкие кресла, бросил:

– Присаживайся!

Дениска понял, что ни охоты, ни шашлыков не будет, что обмундирование и бельгийская винтовка за спиной всего лишь камуфляж. Дениска с легким сердцем и еще более возвышенным настроением, сняв и отставив в сторону винтовку, удобно устроился в кресле. Его Попечитель долго и пристально смотрел на подопечного, как будто пытаясь увидеть что-то новое, пока неизвестное ему. Не узрев ничего необычного, Путинцев плюхнулся в другое кресло, напротив Дениски. Путинцев молчал. Дениска терпеливо ждал, когда заговорит Повелитель.

И Повелитель разжал-таки тонюсенькие уста.

– Хорошо здесь, не так ли?

В личном общении, особенно с глазу на глаз, Наставник с опекаемым был на «ты», чаще всего либо никак не называл, либо, когда был в хорошем душевном состоянии, просто Дениской. Последний же, держа всегда дистанцию (он помнил еще один отцовский наказ: «Субординация – превыше всего!»), обращался на «вы» и по имени, отчеству.

– Замечательно, дорогой Василий Васильевич, – воскликнул он и еще раз окинул взглядом поляну.

Путинцев ухмыльнулся чему-то своему.

– Оставим эмоции в стороне. Времени мало. Поговорим о главном.

– Слушаю, Василий Васильевич!

– Как с моим поручением?

Дениска догадался, что у наставника главный интерес не в этом, что этот вопрос всего лишь прелюдия к основному разговору, а иначе не стоило устраивать весь этот маскарад с охотой и шашлыками.

– Прорабатываем вопрос. Изучаем. Подключены ученые мужи. Задействованы даже СМИ. Идет мозговой штурм.

Дениска показывал себя мастером обтекаемых фраз, которые в его кругу имеют широкое хождение. Наставник дернулся в кресле.

– Результат!

– Держава хочет, чтобы вы пошли на третий срок.

Со злой иронией Путинцев спросил:

– Я того же самого хочу, но как это себе мыслит держава?

– Проще некуда, Василий Васильевич: пойти на третий срок и все!

– Если я правильно понял, держава подталкивает меня, юриста, к попранию главного законодательного Уложения, в котором нет третьего срока.

– Зачем нарушать Уложение, если можно его легонько подправить, и тогда незаконное станет законным. Сочиним, внесем в парламент, а он у нас, как известно, ручной, послушно примет.

– Ты так считаешь?

– Не только я, но, главным образом, большинство общества: политологи, экономисты, депутаты, ученые и даже деятели культуры. Последние, кстати, из кожи вон лезут, чтобы доказать вашим поданным, что без третьего вашего срока держава рухнет и погребет под своими обломками весь народ – от Первопрестольной и до самых дальних окраин.

Путинцев поморщился.

– Знаю, что держава меня любит и готова проголосовать за меня на третий, пятый, десятый срок. Но... Мир... Либералы...

– Нашли на кого оглядываться: плюньте и растерите. Какое вам дело до них?

– Э, нет! Так не пойдет. Опыт подсказывает: прямой путь – не всегда самый короткий или результативный.

– Не сомневайтесь, Василий Васильевич...

– Либералы такой визг поднимут... Мне это надо? Тоньше я должен действовать: не меняя главного законодательного Уложения, добиться того же результата, то есть не упустить из рук бразды державного правления.

– Хорошо бы, но как?!

– Давай, Дениска, замутим, а? Начнем шахматную партию и такую, что ухочешься. Игра будет, что надо: комар носа не подточит; ни одному либералу в голову не придет.

– У вас есть план?

– Есть, Дениска, есть, – и поведал он опекаемому «главный план Путинцева», в реализации которого ключевой фигурой, ферзём становится он, Дениска.

Дениска опешил от столь дерзкой игры и возмущился.

– Я?... Вы?... Это невозможно, Василий Васильевич!. Чтобы я и... Никогда! Ни в жизнь! Хоть убейте!

– А кто говорил совсем недавно, что ради меня готов на все; что без лести предан; что костыми готов лечь? А!?

Дениска, пригвожденный к столбу правдой Наставника, смущенно опустил глаза.

– Готов вместе с вами и замутить, но... А! Будь, что будет! Сыграем, что ли, Василий Васильевич? Я, как ваш верный раб, готов на время стать господином.

– Понарошку, понял?! – сурово сдвинув к переносице реденькие бровки, предостерег Великий Правитель.

– Само собой, Василий Васильевич!.. Ха-ха-ха! То-то повеселимся над дурачьем, то есть над государевым электоратом. Похимичим всласть.

Путинцев согласен: его поданные – дурачье набитое, но все же еще разок предостерег младшего друга.

– Рано веселишься, – сказал, – придется, – сказал, – прежде попотеть. Наш Ванюшка – дурак, однако и ему, – сказал, – палец в рот лучше не класть. Может, – говорит, – и оттяпать. Помни, – говорит, – лишь один неверный ход, – говорит, – и ты в проигрыше. Не думай, – говорит, – что ты на этом поле единственный игрок. Конкуренция, – говорит, – у тебя, Дениска, большая. В эндшпиле, – говорит, – я буду решать, кто продолжит игру, а кто, – говорит, – на том и закончит, так сказать, останется при своем интересе.

Часть четвертая

После той памятной «охоты» не прошло и месяца, как Верховный Правитель учинил Высочайшее повеление: быть отныне Денису Александровичу Макарову первым заместителем главы Кабинета Министров и курировать «Планы Путинцева».

Игра началась с традиционного хода пешкой белых с Е2 на Е4. Гроссмейстеры и ухом не повели. Когда к ним обратились за комментариями, то прожженные игроки лишь хмыкнули: нечего, дескать, рассусоливать; всякий, дескать, салага начинает партию обычно с этого хода. Корифеи-западники пришли к тому же мнению.

И лишь одни отдельно взятые державники задались вопросом: «Неужто Великий Правитель готовит себе преемника?» Тотчас же зазвучали возражения других, особенно с правого фланга: «Этот? Преемник!? Серая мышь? Да куда ему! Его же за спинами стражников вблизи не разглядеть».

Либералы в очередной раз показали свою близорукость, о чем еще горько пожалеют, да будет, увы, уже поздно. Знали бы, где упадут, соломки, возможно, подстелили бы.

А что Дениска? Из последних сил рвал гужи, стало быть, сильно старался, чтобы уйти в отрыв, ведь конкуренты дышали в затылок. Особенно Ивановский, наиболее перспективный и опасный, как считал Дениска, соперник. Почему? А потому что (для Дениски не было секретом) Путинцев и Ивановский, во-первых, ровесники, оба, во-вторых, прошли одну и ту же школу воспитания, следовательно, их убеждения идентичны, они, в-третьих, долго в одном и том же ведомстве считались «рыцарями плаща и кинжала», то есть уничтожали врагов на всех фронтах.

Да и Наставник не позволял расслабляться, все время подстёгивал. Вот демонстративно взял и возвысил статус основного соперника до его, Дениски, уровня, повелев впредь считать Ивановского также первым заместителем главы Кабинета Министров. Это, как догадывался Дениска, было сделано после жалобы на то, что права Ивановского ущемлены, что игроки ведут партию не на равных.

Тревожило Дениску и то, что на стороне соперника единым фронтом выступили патристически настроенные державники, громко заявляя, что только он, Ивановский, в силах защитить национальные интересы государства. И аргумент: лишь Ивановский в полной мере наделен силой воли, которую он сможет обратить во благо великой и уникальной державы.

Дома Дениска впадал в ярость, но на государственной службе мило улыбался в лицо сопернику, униженно тряс ему руку, заботливо интересовался его здоровьем и здоровьем семьи: он усыплял бдительность конкурента, потому что на самом деле он готов был его размазать по стенке. И размазал бы, да руки у него связаны Наставником.

Дозволь, читатель, дать одно пояснение. Наверное, в сказочках кое-какие выражения неуместны (например, «замутить», «размазать по стенке» и прочие), но как быть, ежели таковы лексические особенности речи моих героев? Исправить их? Но это уже будет обеднять сами сказочки. Да, сказка – ложь, но, право, и в ней надо знать меру: завравшись, можно и впросак угодить. Я не прав? Возможно, а посему падаю в ноги и взываю к милосердию...

А вчерашний тихоня-столоначальник канцелярии Великого Правителя к удивлению многих оказался сильно прытким мужичком: метр с кепкой, а юркий до ужаса. Известно: маленький (во всех смыслах этого слова) человечек с трудом переживает свои поражения, а посему бьется до конца, не щадя ни своего живота, ни живота врагов, ни даже живота единомышленников-дружков.

Игра, впрочем, стоит свеч. Как ведь потопашь, так после и полопашь. Дениска рвет гужи, шастая по бескрайним просторам страны-чудесницы. Государев ковер-самолет, на котором он перемещается, не выдерживает таких нагрузок и начинает, перегревшись, бурливо кипеть, а Дениске хоть бы хны. Как у классика: Фигаро тут, Фигаро там – Фигаро, Фигаро, Фи-га-ро!

Вот Дениска со всей своей свитой (вообще-то, он уже давно Денис Александрович, но для меня-то он по-прежнему малец) на дальнем-предальнем востоке, где ходит в обнимку с местным воеводой Дарьиным и милостиво принимает победные реляции, из коих явствует: аборигены живут счастливо, всем и всеми довольны, особенно по части внедрения в жизнь одного «Плана Путинцева», а именно: неудержимого роста благосостояния поданных.

Дениска радуется. Его обволакивают эмоции. Он теряет над собой контроль и весь шар земной облетает его выкрик:

– Во, попёрло!

Борзописцы как-то пропустили (не придали, наверное, значения) один инцидент, можно сказать, крохотный казус, приключившийся во время визита гостя из Первопрестольной на рыболовецкую шхуну. Стоит, значит, на верхней палубе принаряженная толпа (якобы, экипаж) и преданно таращит глаза на Дениску, который и так перед ними повернется, и эдак, стало быть, пыжится. И тут, откуда ни возьмись, на первом плане появляется мужичок в замызанной рыбацкой робе. Он, икнув в сторону, отчего толпу обнес специфичный запах, начал речь:

– Ты, любезный, не сумлевайся... Мы ведь что... Как нам скажут... Полюбили твоего Попечителя, полюбим и тебя, поганца этакого...

Денискин шеф протокола аж позеленел, ибо он понял, что в его списках сего оратора не было и не могло быть. Воевода Дарьин, прячась за спину гостя, засмутился, отступил назад, достал платок (подарок очередной любовницы, а, возможно, и братков-подельников) и приложил к своему благородному носу: запахок, идущий от оратора-земляка, столь свеж и до того ядрен, что его чуткое обоняние не в силах выдержать такого испытания.

Мужичок же, просморкавшись прямо в ноги гостям и густо дыхнув в ту сторону, продолжил речь:

– Живем, а и, правда, мы, надо сказать, хорошо, даже великолепно, однако одно худо, – заметив на лице гостя налетевшую тень неудовольствия, решил исправить впечатление. – Ну... Это... Не то, чтобы совсем худо, а так... чуть-чуть... Край-то наш рыбный, а рыбки в магазинах – тью-тью... Уплывает, значит, рыбка-то наша... Куда? Того я не ведаю, а вот воевода наш...

Толпа каким-то непостижимым образом дружно раздвинулась, потом сдвинулась, поглотив в своих недрах оратора, не оставив после него даже национального запахка. Мистика? Ну, уж нет! Результат действия шефа протокола, который, очухавшись от подобной дерзости, принял меры, а стража их реализовала.

А на другой день Дениска уже на крайнем севере. И здесь глубокомысленно важничает; ходит, а грудь колесом; пробует, закидывая головёнку назад, смотреть на толпу сверху вниз, снисходительно, стало быть, но это ему не дается, потому как североморцы не народ, а косая сажень в плечах, богатыри, короче, еще те, однако, смущаясь, стоят на полусогнутых, чтобы свое превосходство над гостем не бросалось сильно в глаза. И Дениске чудится, что он умнее всех, сильнее всех, выше всех, уже мнит себя не иначе, как национальным героем.

Не мог не заглянуть Дениска и к подводникам, стражникам морских рубежей великой державы. Поднявшись на верхнюю площадку атомной подлодки, крепко держась левой дрожащей рукой за поручень, он неожиданно поднял вверх кулачок правой руки и кому-то помахал им. Другой мир, увидев в телевизорах сей знак, ахнул и задался вопросом: что бы это значило? Кабы кулачком махнул на рыболовецкой шхуне, то в пот бы никого не бросило. Тут же...

Потом господин Маркин, воинственно настроенный придворный политолог, разъяснит:

– Младший друг Великого Правителя поднятием кулачка прозрачно намекнул: не злите, а то ведь можем и жахнуть. Никому мало не покажется.

Отсюда мой вывод: не зря, ой, не зря другой мир хорошенько пропотел.

Спустя несколько дней, борзописец, представляющий другой мир, предложил дать комментарий Путинцеву. Тот, коротко хохотнув, мрачно изрек:

– Что, наклали в штаны? – после паузы добавил. – То ли еще будет, когда...

Фразочка была оборвана, но борзописец все понял без слов.

Через неделю, а, может, и раньше, Денискин ковер-самолет приземлился в краю, именном исстари «каменным поясом» державы, на границе двух континентов. Народ здесь обитает своеобразный, о чем Дениска знает; ему, Дениске, тем более важно заручиться поддержкой таких своенравных, довольно мрачноватых аборигенов. Заручился? Растопил их твердокаменные сердца? Даже придворная камарилья не смогла однозначно ответить. С первых шагов по «каменному поясу» что-то не заладилось. Руководство одного местного телеканала, стремящееся продемонстрировать особый взгляд на вещи, обратилось к уже известному нам шефу протокола.

– Челом бьем!.. Нижайше просим включить в свиту сопровождения высочайшего гостя нашу съёмочную группу.

Шеф протокола нахмурился, из чего следовало сделать вывод: даже нижайшая просьба ему не понравилась, более того, показалась дерзостью.

– Зачем? – коротко, но ёмко спросил он.

Руководство телеканала смущенно замаялось и стало что-то мямлить:

– Нужна... Ну... Это самое... Картинка, – дока телевещания знает, о чем речь. – Как без нее?

– Дадим, – усмешливо пообещал шеф протокола, – и картинку дадим, и комментарий свой дадим, всё дадим, готовенькое дадим.

– Но, – сварливое руководство телеканала предпринимает последнюю попытку, – у нас особый взгляд...

Шеф протокола, услышав, развеселился.

– Эх, провинция! «Особый взгляд»? Это у вас, что ли? – он ткнул перстом в сторону двери. – П... шел с «особым взглядом» на...

Последнее слово, составленное из трех букв, я не решаюсь повторить.

Однако, отдаю должное, во всем остальном Дениска сильно старался. Зачем? За тем же, что и в других краях: заручиться любовной поддержкой теперь уже горнозаводских аборигенов. Престарелый, но по-прежнему шустрый краевой воевода Эдгар Эдуардович Стесель, загадочно ухмыляясь и подмигивая, сверкая на солнце золотым шитьем, везде следо-

вал за Дениской по пятам: угодливо внимая и подобострастно заглядывая в рот залётной столичной пташке, готов был торжественно рапортовать обо всем и везде. Но мало Дениске изустных рапортов.

– Покажь, – сурово требует от воеводы, – как реализуешь национальный проект «Здоровье»!?

Спина воеводы, похрустывая старыми косточками, обретает форму дуги.

– С превеликим удовольствием, многоуважаемый Денис Александрович! – не переводя дыхания, гаркает Стессель.

Воевода щелкает пальцами, перед гостем и его свитой вырастает тотчас же кортеж из множества иноземных карет (их Дениска в обиходе называет «крутыми тачками»). Не проходит и минуты, а кортеж уже мчится по вылизанным полупустым улицам краевой столицы. Городовые – при полном параде и со счастливыми лицами – козыряют проезжающему гостю, редкие прохожие, особенно дамочки, машут в след холеными ручками и посылают воздушные поцелуи.

– Люблю, – говорит гость, – когда во всем порядок.

Гость милостиво треплет воеводин загривок и улыбается.

– Рад стараться! – вновь гаркает Стессель, растаивая как медовый пряник на солнце.

– А что, – спрашивает Дениска, – живете, гляжу, без пробок?

– Так точно, без пробок! – спешно подтверждает воевода, а сам продолжает загадочно ухмыляться чему-то.

– Ну и молодец, – говорит Дениска и покровительственно хлопает воеводу по старческому плечу.

– Рад стараться!..

– Не ори, – мягко говорит Дениска, – так-то... Могу оглохнуть...

Стессель переходит на полутон и начинает оправдываться:

– Это я из величайшего почтения к Вашей драгоценной особе... Не велите казнить, ежели переусердствовал малость...

Дениска кивает и ласково говорит:

– Прощаю, мошенник ты этакий, – потом, вздохнув, возвращается к ранее заявленной теме. – А вот в Первопрестольной совсем не так... Нет порядка в Первопрестольной.

Горнозаводской воевода округляет в ужасе глаза и с придыханием спрашивает:

– Неужто... Вы?... И... пробки?!

– Хе! – отрывисто хохотнул Дениска в ответ. – Я, слава Богу, нет, но вот теща...

– А что теща?

– Жалуется...

– Ваша теща? Она и застревает в пробках?!

– Бывает...

– А... Где стражники с мигалками и матюгальниками?

– Увы, – Дениска огорченно разводит руками, – моя теща не входит в список особо охраняемых персон нашей державы.

Стессель, чтобы потешить душу гостю, искренне возмущается.

– Непорядок! Безобразие! Не градоначальник у вас, а рохля! Будь я на его месте!.. Да я б...

– Остынь, голубчик. Что можешь сделать, если список...

Горнозаводской воевода продолжает с еще большей страстностью возмущаться:

– Список? Бумажка – и только! Да я б вашу драгоценную тещу, по крайности, – он протянул вперед дряблые свои лапы, – вот на них носил и был бы при этом безмерно счастлив. Ведь почитание тещи – это явный и неопровержимый факт глубочайшего почитания ее зятя.

Намёк был понят теми, кому адресовался. Дениска разомлел до того, что потрепал реденькие и седенькие волосенки воеводы.

– А ты, – поощрительно сказал он, – ушлый.

– Покорнейше благодарю, многопочитаемый Денис Александрович, – воевода, смутившись, опустил глазёнки. – Таким уж уродился.

Кортеж остановился напротив помпезного дворца, на высоком крыльце которого столпился народ. Стессель пояснил:

– Главный управитель богоугодного заведения и его паства.

Глянув, Дениска заметил:

– Хорошо выглядят – сытненько и чистенько. Особенно управитель: просто блещет здоровьем, лопается от избытка жизненных сил. Старушенции, его подопечные, впрочем, – тоже, – потом заключил. – Факт успешной реализации национального проекта «Здоровье» в горнозаводском крае – налицо.

От подобной оценки воевода аж подскочил на месте, и хотел было броситься в ноги Дениске и облобызывать его пятки, но передумал. Посчитал, что могут воспринять искренние чувства за лесть. Все хорошо, по мнению воеводы, лишь то, что в меру.

Лихо проскакав по богадельне, выслушав пару-тройку панегириков обитателей, которые в голос твердили, что живут они здесь весело и счастливо, что о другой жизни и о других попечителях и мечтать не смеют, Дениска вместе со свитой на обратном пути (будто невзначай) заскочил и в аптекарню, иначе выражаясь, в аптечную лавку, где тоже больной, но упитанный и розовощёкий народ, изобразил на лицах безмерное счастье.

Дениска просто тает, и лицо его светится довольством. Ну, да, национальный проект «Здоровье» не его придумка, а Великого вождя Путинцева, то есть его Покровителя. Однако ж, кому Покровитель поручил курировать? Ему, Дениске! Стало быть, чья заслуга, что нация пышет здоровьем? То-то же! Что мое, рассуждает полулежа в карете, проносящейся с ветерком по городу, Дениска, то мое и никакой сволочи своего не отдам.

Тут Дениска встрепенулся, вспомнив нечто важное, уставился в воеводу.

– А, братец, как реализуешь другие национальные проекты, к примеру, «Жильё»? А?! Что молчишь? Скажи, нечем тут похвастаться, ведь так, да?

Дениска не видит, но воевода кожей чувствует, как шеф протокола сверлит его своим пронзительным взглядом.

Воевода Стессель не обременен скромностью, поэтому лезет в карман, вытаскивает бумаженцию-рапорт и бойко отвечает:

– И с «Жильём», – говорит, – в моем краю преотлично.

Потом утыкается в бумагу и начинает сыпать квадратными метрами, километрами, кубометрами и прочими эквивалентами.

– Э, голубчик, погоди, – останавливает Дениска. – С цифрами я не в дружбе. Скажи лучше, а инновации внедряешь в строительстве?

– Еще как! – восторгаясь самим собой, отвечает воевода. После короткой паузы добавляет. – В моем загородном домишке даже унитазы инновационные...

– Не о тебе речь, – прервал воеводу Дениска.

– Так ведь в горнозаводском краю, коим я имею честь править, так: что у меня, то и у народа.

Дениска треплет воеводин загривок.

– Находчив!

– Так ведь... Учён... И не раз.

– Ну, хорошо, – Дениска кивает, – а все-таки, как у вас говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Покажи что-нибудь.

Воевода выглядывает из оконца кареты и радостно возглашает:

– А мы туда и едем!

– То есть?

– На один заводик, где этих инноваций хоть пруд пруди. Хозяин из дерьма конфетку сделал.

На заводе гостю всё пришлось по душе. Например, в одном цехе, где в одном конце, как говорится, чик-чирик, а в другом – дом уже готов.

Но особенно понравился хозяин, Черепков, значит. Такой вёрткий и до того скромный, что все время отворачивался от телекамер, но операторы все равно ловили моменты. Вот один: прощаясь, Дениска крепко и долго пожимает руку Черепкову, а после от избытка чувств даже обнимает. Такое дорогого стоит. Это получше самой настоящей охранной грамоты. Кто посмеет тронуть? А никто!

Вскоре, кстати, народ воочию в том убедится. После убийства гостя с завода, превращенного в картинку, пожалуют полицейские, заломают руки Черепкову и уволокут в каталажку, а разгневанным борзописцам скажут: Черепков-де – дважды судимый за разбой и грабеж, то есть рецидивист; у него и с завладением завода не все чисто, к тому же с налогами... Шлейф, короче, за ним тянется. Начались суды да пересуды в народе: меньшая его часть от злобы давилась и удовлетворенно заявляла, что Черепкову место только на нарах; другая, то есть большая часть, стала возмущаться и задаваться вопросом, что-де будет в государевых вотчинах, ежели после всякого обнимания престолонаследником поданный, удостоенный столь высокой милости, будет оказываться на нарах?

На сторону бунтующей общественности встал воевода Стессель, призвал к себе с отчетом главного полицейского и сказал ему:

– Как смеешь?! Сейчас же дай свободу Черепкову! Или... Сам знаешь... Я не потерплю... Не дам никому борзеть и даже пальцем притрагиваться к тому, которому руку пожимал сам престолонаследник. Что скажут, – он уперся пальцем в потолок, – если дойдет до самого?

Главный полицейский, взяв под козырек, ответил:

– Есть!

И исполнил воеводин указ в точности. А иначе быть не может.

Покидая горнозаводской край, Дениска, между прочим, оставил много своих почитателей и, если верить воеводе, народ, как один, присягнул в верности, по меткому выражению того же самого народа, инфанту.

После множества вояжей по державе Дениска, до невероятности окрыленный, вернулся в Первопрестольную, где его ждал с нетерпением Наставник. Именно к нему, чтобы отчитаться, перво-наперво направил свои стопы Дениска.

Вот Дениска в палатах белокаменных. Зыркнув раз, другой в сторону своего Попечителя (жаждал понять, с каким настроением встречает), ничего не понял. С одной стороны, все как обычно: даже бровки домиком. С другой же, тень неудовольствия, похоже, в обжигающих и пронзающих крохотных глазках. Во всяком случае, подумал Дениска, надобно держать ухо востро, а хвост пистолетом.

После долгой паузы Верховный Правитель обратился не то с вопросами, не то с утверждениями:

– Что, Дениска, покори провинцию? Ха-ха-ха! Понавешал лапшички на ушки? Твоя, выходит, теперь провинция? Наслышан, наслышан: индюком, сказывают, ходил перед дурачьём набитым, в ореоле всеобщего почитания и повального поклонения. Не считаешь ли, что это отданная дань твоим достоинствам? Не кажется ли, что и мои помощники тут хорошо поработали? А?!

– Честно, Василь Васильич?

– А то как же! Я, сам знаешь, легко разделяю ложь от правды; по глазам читаю. Как некогда Генералиссимус товарищ Сталин.

– Как на духу, дорогой Василь Васильич: где б я ни был, всюду чувствовал вашу поддержку. Кто я без вас? Так... Червь земляной, тля поганая – не больше. Без вашего благоволения Дениска – есть пустое место. К тому же я отлично понимал, понимаю и буду всегда понимать, что душевность народа, сердечная теплота, оказанные мне, – есть не что иное, как преклонение перед тем, кто благоволит мне, то есть перед вашим величием. Хоть и дурачье, как вы справедливо изволили заметить, но чувствует, кто стоит за моей спиной, кому я обязан по гроб жизни.

Льдинки в глазах Великого Правителя стали таять.

– Ну-ну... Это хорошо, что понимаешь. Слава – губительна для неискушенного, но пагуба удвоилась, когда я поднял такой ажиотаж вокруг невзрачной до чрезвычайности твоей особы.

Дениска спешно согласился.

– Все это – знак судьбы...

Путинцев уточнил:

– Судьбы ли?

– Вы – это моя судьба, моя вера, надежда и любовь; вы – умножаете мои силы и желание жить. Великое счастье, что вы есть у меня, о, Всемогущий из всех Всемогущих!

– Хорошо поешь, сладко голосишь, да как бы после не завел иные песни.

В голове Дениски пронеслось: «По себе судишь. Давно ли на лету хватал каждое слово своего Покровителя, в рот заглядывал, клялся в верности, а как только, благодаря Покровителю, уселся на троне, стал отплясывать на нем, на прежнем Державном Правителе, такого гопака, что тошно смотреть со стороны».

Вслух же сказал другое:

– Нет! Никогда! Нипочем!

Путинцев скривился в ухмылке.

– Хочу верить, что ставку делаю не на темную лошадку, а на ту, на которую надо, поэтому надеюсь, что не проиграю...

Дениска поспешил с подтверждением.

– Не проиграете, мой Повелитель, ни за что не проиграете!

Путинцев притворился, что не услышал клятвы, и продолжил:

– Игра продолжается. Время бежит. Пора делать окончательный выбор и очередной сильный ход, – Дениска знает, о чем речь, поэтому молчит. Чутье подсказывает, что Наставник выбор собирается делать в его пользу. – Да... был у меня твой соперник... Обижается...

Дениска, притворившись огорченным, разводит руками.

– Не думаю, что на меня, потому что я не нарушаю соглашений.

– Именно на тебя, Дениска, только на тебя.

– А что я такого сделал?!

– Говорит, что играешь на его поле, что переманиваешь его патриотически настроенных сторонников.

Дениска замотал головой.

– Даже в мыслях не было!

– Не ври! Ивановский мне показал эпизод на подлodge. Нашел же место, откуда грозить.

Дениска виновато опустил глаза.

– Случайно получилось.

Путинцев ободрил.

– Все нормально... Это даже хорошо... В политической конкуренции все средства хороши, – Путинцев махнул рукой. – Иди, братец, иди.

Дениска был уже у двери, когда за спиной услышал:

– Погоди-ка... Совсем забыл.

Дениска состроил недовольную рожицу, благо был спиной к Наставнику, и подумал: «Ну, да! Ты и забыл?! Ты никогда просто так ничего не забываешь. Специально что-то приготавливал на закусочку, что-то, судя по всему, с перчиком. Что это может быть?». Дениска вернулся, но садиться не стал. Может, из-за того, что приглашения не последовало.

– Сам я не видел, – сказал с ухмылкой Наставник, – но очевидцы докладывают, что ты, участвуя в телевизионном шоу, что-то там говорил про «отсутствие политической воли». Не объяснишь, что имел в виду и в чью сторону был брошен булыжник?

Дениска густо застыдился и опустил глаза.

– Не помню... Сболтнул лишнего... По неопытности... Извините... Больше такого не услышите.

– Не забывай, – Путинцев погрозил пальцем, – что болтун – находка для врага. Для первого раза – прощаю, но если... Один взмах руки – игра будет окончена и полетят с шахматной доски все фигурки вверх тормашками.

Дениска уходил, а по спине струился холодный пот. Легко выкрутился, а мог бы... Легко загреметь. Впрочем, в сказке может быть и не такое.

Путинцев же двинул пешку, которая стремится стать ферзем, вперед: через месяц оповестил мир, что окончательно определился с преемником на трон, что его преемник – это Денис Александрович Макаров, всех же иных своих кандидатов просил больше не суетиться, а также дал наказ народу своему: почитать, того лучше любить, преемника как его самого.

Часть пятая

По мнению Дениски, главное дело всей его жизни свершилось. Почему «свершилось», ежели народ державный покуда еще не самовыразился на сей счет? Ну, это, как считает Дениска, не вопрос: любовь к Великому Правителю (с недавних пор его стали называть еще и вождем нации) настолько грандиозна, что его наказ по части преемника воспринят как приказ, подлежащий неукоснительному исполнению. Люди четко знают, где бла-бла, над коим можно и всохотнуть при случае или пропустить меж ушей, а где истинная воля Великолепнейшего Человека. Тут и к ворожеям ходить не надо. Да, снуют где-то там некие худосочные маргиналы, пищат о своих претензиях на трон, грозятся, играя еле различимыми мускулами, предлагают Дениске выйти на спарринг. Дениска – не дурак. Дениска теперь выше всего этого и не собирается опускаться до их уровня. Кому еще-то знать, как не Дениске, что те маргиналы – есть не что иное, как шумная массовка на фоне декораций, без которой по-настоящему красочный спектакль не может быть сыгран на театральной сцене. Горлопаны? Ну и пусть себе тешат душеньки. Той народной любви, которая ожидает Дениску, им не видать как своих ушей, им такое чудо и во сне не приснится.

Дениска прав. Дениска чудовищно прозорлив. Кому еще-то, если не ему, подхватить державный скипетр.

Первым явился (являются, как известно, лишь черти, однако в этой ситуации, я думаю, это слово вполне применимо) засвидетельствовать свое почтение вчерашний соперник, Ивановский, стало быть. Вымученно улыбаясь, сказал:

– Поздравляю, Денис Александрович... Извини, если где-то попытался ущипнуть... Не со зла...

И услышал в ответ:

– И ты меня извини...

– Мне?! Извинять? Не понимаю... Право не за что...

Макаров сделал вид, что поверил в непонимание Ивановского.

– Извини, что однажды попробовал сыграть на твоём поле и переманить на свою сторону пару-тройку худосочных патриотов.

– Это? – искренне удивился Ивановский, и поспешил польстить, понимая, что ему это в ближайшем будущем зачтётся. – Говоря по чести, вы, Денис Александрович, являетесь патриотом из патриотов и к тому же, – добавил он, – моё поле – это и твоё игровое поле.

Они почти дружески обнялись и раскланялись. Уходя, Ивановский понимал, что им предстоит ещё долго и счастливо бок о бок служить Отечеству.

Ясное дело, первая прилетевшая ласточка – это ещё не весна, но стали подлетать вторые, третьи и так далее. Вот воеводы ближних и дальних земель евразийских стали чуть ли не хором, строго следуя указанию Великого Правителя, клясться в верности, присягать Дениске, будто Великому Государю, венчанному на престол. Дальше – больше. Уже и пишущая, вещающая, снимающая шатия-братия устами политологов, социологов заговорила о нареченном на престол как о Правителе, которому начертано судьбой стать спасителем государства могучего (хотя ещё вчера навзрыд плакала, будто на похоронах то ли вождя нации, то ли народа целого) по Путинцеву, крича: «Что с нами будет, ах, что будет?!» Верные люди из числа окружения стали стряпать и статистику, которая стала расти как на дрожжах: число присягнувших, дескать, уже зашкаливает. Что доставалось крикунам-маргиналам? Лишь жалкие крохи с барского стола. В этих бескрайних землях только так: кто был ничем, тот станет всем.

Дениску от столь обильных верноподданнических чувств распирало. Он, все больше важничая, надувался чувством собственного достоинства, собственным мессианством. Сам не заметил, как, держа грудь вперед и задирая нос вверх, стал поучать подданных, как им дальше жить, о чем думать, куда следует ходить, а куда он не советует.

Путинцев, глядучи на все это, только кричал, видя в Дениске своё недавнее прошлое, самого себя.

– Хорош, ай, как хорош! – потирая от удовольствия руки, говорил Наставник. – Не ученик, а золото. Такого, если даже очень не захочется, все равно полюбишь, – но тут же предостерегал Дениску. – От такого всенародного почитания, – говаривал Путинцев, – может и башню снести.

По правде говоря, Учитель, упоминая о башне ученика, несколько преувеличил: не башня у него, а лишь крохотная башенка, но все равно, если не приглядываться сильно, или приглядываться, но через мощную лупу, то может и не то померещиться.

А вот и великолепная итоговая тусовка, на которой уже официально Путинцев передал скипетр и державу из своих рук в руки Макарова, иначе говоря, под малиновый перезвон колоколов и крики «ура» состоялось торжественное восшествие на трон. Идучи по дубовому паркету, натертому воском до блеска, оглядывая золоченые дворцовые залы, строго вглядываясь в лица князей, бояр, воевод, стоявших шпалерами и благоговейно вззирающих на него, Дениска не верил всему происходящему. Дениска ловил себя на мысли: «С ним ли все это великолепие происходит?» Чтобы убедиться, что не сон, трижды ущипнул себя. Пробуждения не состоялось, стало быть, все наяву.

Это не был мираж или оптический обман зрения. Чудо из чудес оказалось всамделишным.

И сидит-посиживает теперь на троне Макаров. Сидит, грозно стуча по столу скипетром, и пишет государевы указы. «Повелеваю!..» – звучит в одном. «Быть всем людишкам богатыми!..» – гласит в другом. А в третьем и того страшнее: «Поданным моим надлежит считаться отныне здоровыми и счастливыми!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.